

К 1150-ЛЕТИЮ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Владимир Соловьев
доктор исторических наук, профессор

РУССКИЕ НА ЧУЖБИНЕ X–XX ВЕКА

Неизвестные страницы истории
жизни русских людей за пределами Отечества

КНИГА
ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Annotation

Почему Константинополь препятствовал возникновению русского поселения купцов? Почему королева Франции Анна Ярославна подписывала документы кириллицей? Почему боязнь границы, привычка ругать и осуждать все иноземное уживались на Руси со стойким интересом к заморским государствам? Почему Франция в XIX веке приняла наиболее заманчивый собирательный образ зарубежья, где найдется место всякому русскому человеку? Почему Константинополь-Стамбул стал перекрестком культур? Доктор исторических наук и профессор Владимир Соловьев откроет вам неизвестные страницы истории русского присутствия за рубежом. Книга будет интересна всем – от мала до велика.

- [Владимир Михайлович Соловьев](#)
 - [Предисловие](#)
 - [В чужие земли](#)
 - [Купцы-русы](#)
 - [Почетная гостя](#)
 - [Анна Ръина](#)
 - [С пальмовой ветвью](#)
 - [Святая гора](#)
 - [Из Новгорода в Любек](#)
 - [Побег запрещается](#)
 - [Небылицы про границу](#)
 - [Затворенное царство](#)
 - [От греха подальше](#)
 - [Не по своей воле](#)
 - [Из корыстных побуждений](#)
 - [Возвращение блудного сына](#)
 - [Во саду ли, в огороде](#)
 - [Гнездо порока](#)
 - [Мать и мачеха](#)
 - [Портрет в Прадо](#)
 - [Гонимые и непокорные](#)

- [Благословенный остров](#)
- [Липоване](#)
- [В добром соседстве](#)
- [На сине море](#)
- [На службе у султана](#)
- [Русские робинзоны](#)
- [Неожиданное открытие](#)
- [Славороссия](#)
- [Кто первый?](#)
- [А дома лучше](#)
- [От Каира до Капы](#)
- [Без удержу и меры](#)
- [В знак протеста](#)
- [Полоса скитаний](#)
- [С родиной в сердце](#)
 - [Чем Европа пахнет](#)
 - [Некая константа](#)
 - [Притягательная Флоренция](#)
 - [Царица муз и красоты](#)
 - [Графиня Ростопчина](#)
 - [Обитель муз](#)
 - [Художник из Шадринска](#)
 - [Родной дом нашей души](#)
 - [Пешком в Париж](#)
 - [Вне конкуренции](#)
 - [Заманчивый образ](#)
 - [Имушие и неимушие](#)
 - [Имени Марии Башкирцевой](#)
 - [Заметая следы](#)
 - [В Туманном Альбионе](#)
 - [Эмигрант по убеждению](#)
 - [Запоздалое прозрение](#)
 - [Любезность на любезность](#)
 - [Избы в Потсдаме](#)
 - [Под небом Швейцарии](#)
 - [Транзитом или навсегда](#)
 - [Земное и небесное](#)

- [С петровских времен](#)
 - [Гостеприимная монархия](#)
 - [Своими тазами](#)
 - [Эффект присутствия](#)
 - [Вокруг света](#)
 - [Граф Безбрежный](#)
 - [По всему миру.](#)
 - [На берегах Босфора](#)
 - [Перекресток культур](#)
 - [Узы братства](#)
 - [По зову сердца](#)
 - [Хождение в Поднебесную](#)
 - [Под защитой императора](#)
 - [Отец Николай](#)
 - [Узнать изнутри](#)
 - [Погружение в Индию](#)
 - [Америка далеко](#)
 - [Сахарные острова](#)
 - [Царский подарок](#)
 - [Несмотря на преграды](#)
 - [Под вымышленными именами](#)
 - [Обычное явление](#)
 - [Станица Московская](#)
 - [На пятом континенте](#)
 - [Эвкалипты и березы](#)
 - [Волна за волной](#)
 - [Список литературы](#)
 - [Указатель имен](#)
 - [Указатель географических названий](#)
-

Владимир Михайлович Соловьев
Русские на чужбине. Неизвестные
страницы истории жизни русских
людей за пределами Отечества X–XX вв

Предисловие

История эмиграции в России насчитывает не одно столетие, и с какого времени она берет начало, наука пока не дала ответ. В отличие от послеоктябрьского исхода из страны предшествующие этапы русского рассеяния по миру мало освещены в литературе, далеко не все факты известны, да и уже имеющаяся информация до сих пор толком не собрана и не обобщена.

Сейчас заявило о себе целое направление в отечественной историографии, условно названное эмигрантоведением, наметились обнадеживающие тенденции, обещающие, что тема «Русские в зарубежье», в том числе и ее обращенная в прошлое ретроспективная составляющая, получит всестороннее изучение. И эту предлагаемую вниманию читателя книгу автор рассматривает как посильный предварительный взнос в разработку начальной истории русских на чужбине.

В том, что иметь в виду под историей русских в зарубежье и как толковать укоренившееся понятие «русское зарубежье», среди ученых нет единодушия.

До недавнего времени периодизацию истории русского зарубежья начинали с 1917 года и традиционно увязывали с тремя волнами эмиграции.

Отдельными историками высказывались мнения, что феномен русского зарубежья возник гораздо раньше, одновременно с эмиграцией, причем даже наметилась тенденция сдвигать хронологическую границу этого явления все ниже и ниже, вплоть до эпохи Киевской Руси.

Существующие в современной науке расхождения не исключают каких-то общих позиций. Так, все сходятся в том, что эмиграция – это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Не вызывает несогласия и распространение этого термина на пребывание за рубежом после такого переселения, а также употребление слова в собирательном смысле, когда под эмиграцией

подразумеваются покинувшие родину и нашедшие пристанище за границей лица.

Но вот далее консенсус заканчивается и начинаются несовпадения взглядов и полемика.

Один из тезисов, восходящих еще к советской историографии, сводится к тому, что до начала XX века в России не существовало права на эмиграцию. Оно было даровано только царским манифестом в 1905 году.

Однако отсутствие этого права вовсе не означало отсутствие самого явления. Пусть не было официальной эмиграции, зато существовала неофициальная, и за рубежом проживали представители различных слоев и прослоек русского общества.

Достаточно представительный ряд историков (В.Я. Гросул, Е.И. Пивовар, А.В. Квакин и др.) считают, что послеоктябрьскому русскому зарубежью по крайней мере уже в течение ста лет предшествовало дооктябрьское.

Под русским зарубежьем принято понимать постоянные колонии выходцев из России – их кружки, организации, салоны, землячества, духовные миссии Русской церкви за рубежом, устойчивые объединения студентов и стажеров в зарубежных университетах и институтах, творческие сообщества и союзы писателей, художников, актеров, ученых, то есть целый русский мир, тесно связанный со странами пребывания, но живущий своей особой, самостоятельной жизнью, и, в отличие от послеоктябрьского зарубежья, не порывавший связи с родиной.

Эмиграция и русское зарубежье – явления, конечно, близкие, сопряженные, тесно связанные между собой, но это не одно и то же.

По разумению автора, было бы неоправданно приравнивать как эмиграцию вообще, так и всякое представительное и длительное пребывание наших соотечественников в других странах к понятию «русское зарубежье», однако условное использование самого этого термина для удобства обозначения в научно-популярной книге он считает допустимым и применительно к географическим точкам и ареалам с компактными группами выходцев из России вообще.

Сегодня было бы преждевременно останавливаться на какой-то определенной нижней границе, которая послужила бы условной хронологической отметкой, отмеряющей и знаменующей начало

устойчивого пребывания русских за рубежом. Тем не менее уже сейчас наука располагает убедительными фактами, подтверждающими такое стабильное, длительное или даже постоянное присутствие. Это относится, например, к монастырской братии на Афоне, к иностранным подворьям Русской православной церкви, к торговым дворам новгородцев в ганзейских городах.

Опрометчиво безоговорочно относить названные объекты к изначальным точкам отсчета истории русских зарубежных поселений и расценивать их не как зачаточно-эфемерные, а как сколько-нибудь системные образования, располагающие ресурсами реального влияния. Ни для XIII, ни даже для XIV–XV столетий подобное утверждение не будет корректным по той простой причине, что представляет собой типичный анахронизм, то есть не нечто спорное, а серьезную ошибку против хронологии, выражающуюся в отнесении фактов и явлений одного порядка и строго конкретного времени к другой эпохе.

Однако нет сомнения, что оазисы русского мира как отдельные пункты притяжения и поселения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать, и играли своеобразную роль как бы русского предзарубежья. Здесь важно вовсе не установить рекордно низкую планку хронологического предела и искусственно состарить русскую эмиграцию как явление. Речь о другом, а именно о давней, берущей начало еще в Древней Руси тенденции делегировать за границу своих представителей, создавать землячества, вступать в диалог с иноязычной средой, осуществлять межкультурную коммуникацию, вписываться в мировое духовно-культурное пространство. Объективное, без гиперболизации и преувеличений из добрых и искренних патриотических побуждений, изучение того, когда, где и как это происходило и складывалось, приоткроет неизвестные пока страницы истории русского присутствия за рубежом, поможет выделить его новые этапы и линии преемственности.

Авторитетный исследователь Г.Я.Тарле принадлежит к группе ученых, которые, подчеркивая, что за границей наряду с собственно русскими длительное время или же постоянно жили и другие уроженцы многонациональной России, предпочитают оперировать термином «российское зарубежье». Это понятие она толкует

расширительно, не замыкая на людях, и применяет к сфере материальной культуры, интеллектуальных достижений, произведений искусства выходцев из России. По мнению Г.Я. Тарле, художественные ценности, научные открытия, созданные нашими соотечественниками за границей или вывезенные туда, тоже относятся к российскому зарубежью, но не перестают оставаться и частью национальной культуры.

Не вдаваясь в суть полемики по поводу принципов периодизации и дефиниций, связанных с историей пребывания за пределами России представителей разных ее этносов, важно отметить, что термин «русское зарубежье» не исключает «российское» и наоборот. Они взаимно дополняют друг друга и, введенные в научный оборот, циркулируют на равных.

Поскольку за границей под русскими уже давно имеют в виду всех, кто приехал из России, автор настоящей книги, не мудрствуя лукаво, там, где по контексту видно, что русские – понятие собирательное и полиэтническое, особо это не оговаривает.

В чужие земли

Купцы-русы

О первых компактных поселениях вне освоенной и обжитой территории еще не русских, а их предшественников русов упоминают и летописи (хроники), и письменные договоры и соглашения, и другие исторические источники, в которых нет недостатка. Русы, или русичи, – собирательное название восточнославянских племен. Князья русов Олег и Игорь в X веке установили активные политические и экономические отношения с Византийской империей – сильной и богатой державой того времени. Торговля русов с греками (византийцами) была оживленной и налаженной. Уцелели дипломатические акты, показывающие, как, в каких масштабах и объемах была организована эта торговля, каковы были условия пребывания купцов-русов в столице империи Константинополе, или (на славянский лад) Царьграде.

Из восточнославянских земель от берегов Балтики по рекам Неве, Волхову, Днепру и через Черное море до пролива Босфор курсировали целые торговые караваны из нескольких кораблей. Этот древний водный путь общей протяженностью 2200 километров заканчивался в Царь-граде. На севере он проходил через Новгород, на юге – через Киев, связывая города Ладогу, Старую Руссу, Смоленск, Любеч и другие. Торговые суда периодически плавали туда и обратно. Им приходилось преодолевать множество трудностей и опасностей. Одной из них были разбойные нападения воинственных племен хазар и печенегов, живших в степях и занимавшихся пиратским промыслом. Для защиты от них славянская флотилия обычно пускалась в дальнюю дорогу в сопровождении отряда хорошо вооруженных воинов.

Русы не только торговали, но и воевали с Византией. Бывало, что торговые льготы и привилегии, которые они получали от византийских

императоров, были результатом вооруженных походов. Не раз Константинополь оказывался в осаде кораблей и дружин русов, и греки, чтобы снять угрозу, вступали в переговоры и откупались от пришельцев с севера богатой данью и предоставлением права их купцам с большой выгодой вести в Византии торговлю. Временами отношения между Царьградом и Киевом складывались очень напряженные, но обе стороны стремились к мирному разрешению конфликтов и осложнений. В заключенных договорах как декларация о намерениях обязательно подчеркивалось, «в какой любви живут греки с русью». Под русью в Византии постепенно стали понимать не только русов, но и их землю. Так появилось название восточно-славянского государства – Русь.

Экономические интересы и изрядный торговый оборот требовали длительного присутствия в Константинополе негоциантов из Руси. Но византийские власти не разрешали русским купцам жить в городе дольше шести месяцев. Послы великого князя киевского неоднократно ставили вопрос об увеличении срока пребывания соотечественников в Царьграде, но неизменно получали отказ. Между тем у русских деловых людей была настоятельная потребность если не натурализоваться и пустить корни в Византии, то хотя бы иметь там долгосрочное представительство не в лице греков-посредников, а своих земляков, постоянно проживающих в Константинополе. Однако византийская сторона на это не шла. Русские купцы были даже лишены возможности перезимовать в Царьграде и с наступлением осени должны были обязательно пускаться в обратный путь. Правда, в качестве компенсации за неудобство гости из далекой северной страны в течение разрешенного полугода получали право на беспошлинную торговлю. Они содержались за счет византийской казны, бесплатно пользовались правительственными банями, ежемесячно снабжались хлебом, вином, мясом, рыбой и фруктами, – в общем, жили на всем готовом и не тратились. Мало того, когда приходило время пускаться в обратный путь, греки обеспечивали их и продовольствием, и судовой снастью (якоря, канаты, паруса и т. п.). Когда по весне торговый караван из русских земель отправлялся на юг, к Босфору, Константинополь заранее строго оговаривал и количество кораблей, и число пребывающих купцов. Непременным пунктом свободного допуска в византийскую столицу была сопроводительная грамота

киевского князя с полной информацией о составе русичей с указанием их имен и статуса. Принималось во внимание, откуда они, из какого княжества, города и т. д. Если из стольного Киева, им оказывали прием по одному чину, тех, кто был из Новгорода, Чернигова, Переяславля, встречали уже иначе, предоставляя более скромное содержание.

Почему же Константинополь препятствовал возникновению русского поселения наподобие тех колоний иностранного купечества, которые в те времена были, например, в Киеве? Есть два резона. На первом месте были, конечно, меры безопасности. Под видом негоциантов в европейские города нередко проникали пираты. Чтобы не допустить такой инсценировки, русских купцов пускали в столицу Византии только через одни ворота и партиями не более 50 человек. При этом все подвергались тщательному досмотру. Обнаруженное оружие изымалось, и далее в город русичи входили без всяких средств защиты и самообороны, но зато в сопровождении специального императорского чиновника.

Ограничение времени пребывания русского купечества в Царьграде полугодом было вызвано также чисто коммерческими причинами. Греки не хотели упускать крупную выгоду, которую они извлекали из торговли с Русью. Ведущую роль они оставляли за собой, а своих восточнославянских партнеров ставили в те условия, которые в первую очередь отвечали интересам греческой стороны.

Впрочем, для княжеских послов исключения тоже не делалось. На них распространялись те же правила, тот же календарный график, что и на купцов, и приезжали и уезжали те и другие вместе на одном и том же торговом караване.

Отчего византийское правительство не шло на то, чтобы русские послы были представлены при императорском дворе на постоянной основе, сказать трудно. Вероятно, виной тому хитрость, коварство и вероломство, которые молва приписывала вообще всем славянам. От них ждали каверз и неприятностей, и греки во избежание какого-либо злого умысла и подвоха предпочитали до поры до времени держать русичей на расстоянии и под контролем.

Если в Византии осесть не удавалось, то на Волге, по которой проходил торговый путь на Восток, были два стабильных поселения торговцев из Руси: одно в Булгаре – столице Волжско-Камской Булгарии, другое в Итиле – главном городе Хазарского ханства или

каганата. И там и там сложились своеобразные колонии славянского купечества, и видное место в них занимали торговые люди из Руси. В Булгаре и Итиле у них была возможность и жить сколько придется и заблагорассудится вместе с семьями, и вести дела, и размещать товары.

Настоящий русский оазис был искусственно создан на Балканах в третьей четверти X века в княжение Святослава. Своими военными походами он стяжал славу Александра Македонского. Близ устья Дуная и почти у побережья Черного моря русский князь, потеснив болгар, занял их город Малую Преславу, переименовал его в Переяславец и объявил своей новой столицей вместо Киева. Князь рассматривал Переяславец как ключ к Черному морю и важный военно-торговый форпост. Святославу нравилось жить в низовьях Дуная, где почти всегда тепло и всяких благ и добра много. Почва здесь была плодородной, природа – щедрой, лето – длинным и жарким, а зима – теплой и короткой. Отсюда и до Византии было рукой подать, и Святослав собирался непременно помериться с ней силами. «Не любо мне в Киеве, – говорил он матери, княгине Ольге, – хочу жить в Переяславце».

Амбициозный проект Святослава вполне вписывается в самую раннюю предысторию русского зарубежья. Фактически далеко за пределами Киевского государства он заложил основы для создания русской диаспоры на Балканах. Согласно планам князя после военного этапа должен был последовать мирный: колонизация этой территории, переселение туда из Руси крестьян, ремесленников, торговцев, что экономически закрепило бы русское присутствие на новых землях.

Однако греки не желали мириться с близким соседством киевского князя, и он с дружиной, оторванный от родной земли, после не увенчавшихся успехом боевых действий вынужден был вернуться на Русь, но по дороге погиб от рук печенегов. О том, чтобы печенежское войско встретило небольшой русский отряд во главе с князем, позаботились византийцы. Они подкупили жадного до денег печенежского хана, и тот, пользуясь малочисленностью воинов Святослава, напал на них и почти всех перебил.

Почетная гостья

Осенью 957 года большое заграничное путешествие совершила княгиня Ольга. За двенадцать лет до этого она овдовела – ее муж князь Игорь был убит во время похода за данью. Ей пришлось взять на себя регентство при подрастающем сыне Святославе и фактически стать правительницей Руси.

Ольга первой из княжеской династии решила принять христианство. С этой целью она отправилась в православный Царьград. Конечно, княгиня могла бы покреститься и в Киеве, но, по-видимому, камерный формат обряда ее никак не устраивал – ей надо было привлечь внимание к своему шагу на международном уровне, показать, что языческая Русь вступает на качественно новый этап своего развития.

В Византии намерение Ольги нашло полное понимание и поддержку, так как это отвечало политическим интересам империи, предоставляло возможность в нужном направлении оказывать влияние на Русь, тем более что сфера церковных контактов на почве общей веры давно стала для Константинополя привычным полем, на котором он добивался подчас больше, чем с помощью официальной дипломатии или военных действий.

Есть вероятность, что Ольгу принимали в Царь-граде не по высшему чину, но, безусловно, в ее случае придворный церемониал был соблюден, протокол, предусмотренный при визите высоких иностранных гостей, выдержан, подобающие почести и знаки внимания оказаны и возданы. Достаточно сказать, что обряд крещения осуществляли лично сын и соправитель императора Константина

Багрянородного Роман II и патриарх Полиевкт, а сам Константин согласился быть Ольге крестным отцом.

Сведения о пребывании русской княгини в Византии отчасти носят полулегендарный характер, но то, что она там побывала и вернулась на Русь христианкой, приняв в крещении имя Елена, сомнению не подлежит, ибо подтверждено многими, не зависящими друг от друга источниками.

Гораздо меньше доверия вызывает информация о том, что разумом и красотой Ольга будто бы произвела на императора Константина столь сильное впечатление, что вскружила ему голову, и он отпустил ей довольно недвусмысленный комплимент: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Если это было не завуалированное предложение руки и сердца, то признанием в чувствах, которыми он к ней воспылал.

Больше того, после крещения «призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это, – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары, золото и серебро... и отпустил ее, назвав своей дочерью».

Все эти подробности приведены в известном историческом памятнике «Повести временных лет» – «Повести о прошедших временах» – сборнике летописей, то есть хроник событий по годам (летам), составленном в XII веке.

Возможно, летописцы (хронисты) что-то присочинили, что-то приукрасили. Ведь получается, что, приняв предложение Константина, она вполне могла остаться в Царьграде. Но в каком, спрашивается, качестве? Ведь император Константин уже давно был женат, и Ольга это прекрасно знала, поскольку близко познакомилась и много общалась с его супругой императрицей Еленой. Допустить же, что крестный отец собирался скомпрометировать себя и пойти на брачную неверность с крестной дочерью, которая, кстати, была едва ли не старше его самого, было бы явной натяжкой. Да и Ольга при ее гордом нраве и независимости никогда не смирилась бы с неблагоприятной ролью, которая ей выпадала, и не вступила бы в любовную связь с византийским императором при его живой жене.

В данном случае летописцы невольно перестарались. Желая подчеркнуть, что Ольга была достойна не только княжить, но и царствовать, они, как можно предполагать, наложили на подлинные факты вымышленные и придумали правдоподобную и романтически окрашенную историю об особом отношении византийского императора к русской княгине.

Анна Ръина

Великий князь киевский Ярослав Мудрый добился широкого международного признания Древней Руси и успешно укреплял авторитет своего государства с помощью такого надежного и испытанного средства, как династические браки. Сам он был женат на дочери шведского короля, сестра Ярослава при посредничестве брата стала супругой польского князя Казимира, старший сын киевского правителя Всеволод взял в жены дочь византийского императора, а двое других – Вячеслав и Святослав – немецких принцесс.

В не менее престижные брачные союзы вступили и дочери Ярослава Мудрого. Одна вышла замуж за норвежского принца Гарольда, вторая – за венгерского короля Андрея I, а третья, любимица отца Анна, – за французского короля Генриха I.

Поскольку сыновья, получив в наследственное владение свой удел, оставались на родине, особый интерес в связи с ранней предысторией русского зарубежья представляют дочери Ярослава. Ведь они в качестве тогдашних первых леди оказались при блестящих европейских дворах. По этим женщинам иностранцы судили о русских и о Руси.

На примере Анны Ярославны видно, что она не посрамила ни свою державу, ни отцовской чести.

Она была не только хороша собой, но и получила достойное образование, владела греческим и латынью, слыла рассудительной, обладала завидным вкусом, умело выбирала себе наряды.

О том, что это действительно так, а не иначе, свидетельствует слава о прелестях и совершенствах принцессы Анны, которая дошла до овдовевшего французского короля Генриха I. Монарх выслал в Киев посольство с миссией просить руки Анны Ярославны и получил согласие.

В 1051 году русская принцесса и будущая королева Франции начала длительное путешествие из Восточной Европы в Западную. Она ехала к Генриху не налегке, а с богатым приданым и в сопровождении большой свиты: дружины, представителей духовенства, слуг. Сведений о них нет, но часть из них, вероятно,

осталась вместе с Анной при французском дворе и со временем ассимилировалась. Их дети не сохранили русские имена, и если и фигурируют в древних документах, то уже не как русские.

Путь Ярославны лежал через Краков, Прагу, Регенсбург до Реймса – города, где традиционно короновались все французские короли. Здесь принесла положенную присягу на Библии и Анна. По преданию, она по ее настоянию выполнила ритуальный обряд на священной книге, написанной не на латыни, а по-старославянски.

О том, что у Анны был характер и она участвовала в государственных делах и заставляла супруга считаться с собой, подтверждают уцелевшие акты с ее подписью кириллицей (славянскими буквами) «Анна Ръина» – «Королева Анна» рядом с автографом Генриха.

У королевской четы было четверо сыновей. После смерти мужа Анна в годы малолетства наследника престола Филиппа фактически выполняла функции регентши.

Известна романтическая история любви овдовевшей Анны и французского графа Рауля Валуа. Влюбленный аристократ во время охоты похитил даму сердца с ее согласия и привез в свой замок. В этом не было бы ничего предосудительного (заслуживающего порицания), если бы предварительно граф не выгнал свою законную жену и не заключил с Анной тайный брак, став двоеженцем.

Позднее все утряслось и закончилось благополучно, но приведенный факт говорит сам за себя: Анна настолько натурализовалась во Франции, что уже вела себя как француженка. Вряд ли на Руси она позволила бы себе такую свободу нравов.

С пальмовой ветвью

В XI–XII веках на Руси был обычай отправляться на богомолье ко святым местам в дальние страны. Помимо Византии, странники устремлялись в Палестину. Их стали называть паломниками – от слова «пальма», поскольку из Иерусалима в знак того, что там побывали, они возвращались с пальмовой ветвью.

Паломник. И.Е. Репин.

Государственная Третьяковская галерея, Москва

В 1104–1107 годах совершил паломничество в Палестину игумен одного из черниговских (Киевская земля) монастырей Даниил. Он

оставил описание своего путешествия под названием «Жития и хождения Даниила, Русской земли игумена».

В Палестине паломник провел 16 месяцев. Его сочинение, конечно, носит прежде всего церковный характер, но от других поучений и назидательно-христианских повестей отличается наблюдательностью и любознательностью. Автора интересуют не только святые места, но и архитектура, военно-инженерные фортификации, природа и хозяйственная жизнь страны. Он уделяет внимание обычаям Востока, земледелию, скотоводству, садово-огородным культурам, рыбному промыслу, памятным встречам и разговорам с разными людьми по пути следования. География его маршрутов включает Царьград, город Эфес, острова Патм и Кипр, Иерусалим, Гефсиманию, Вифлеем, Иерихон.

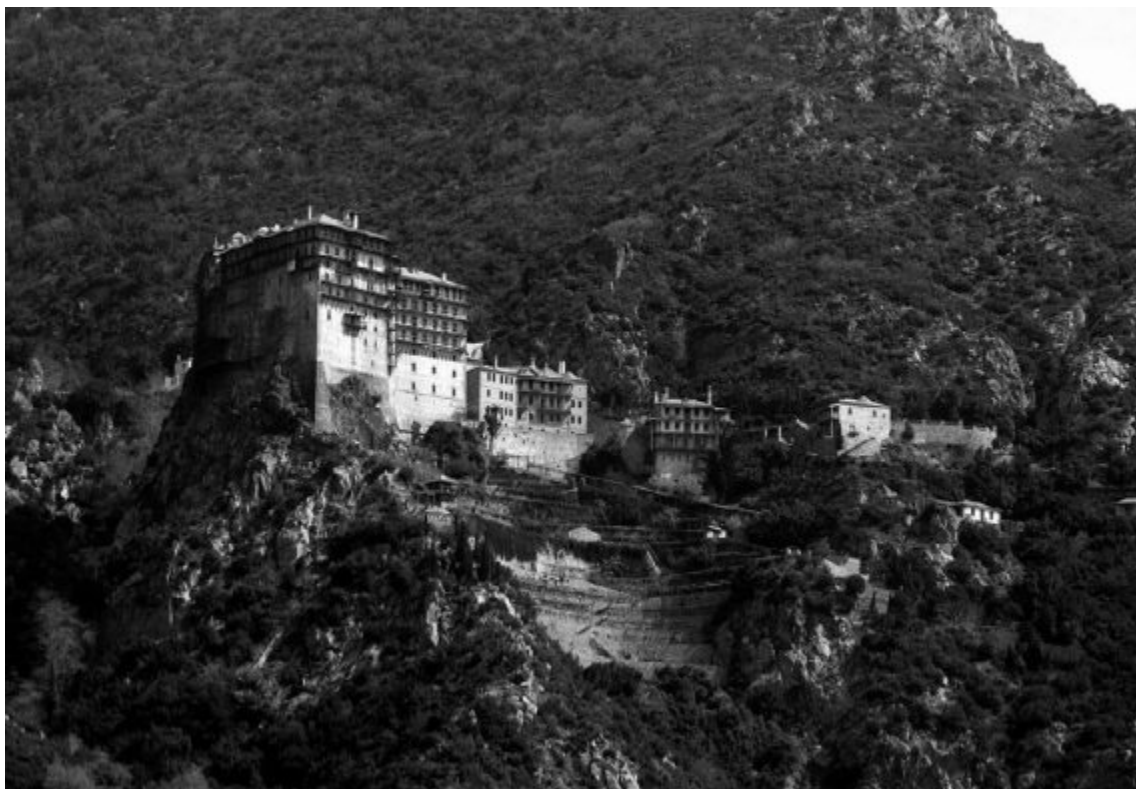
Даниил – искусный рассказчик, благодаря чему его повествование служило русским паломникам в Святую землю своеобразным путеводителем.

Из аналогичных сочинений более позднего времени достаточно для примера назвать «Прения» и «Проскинитарий, или Поклонник» келаря Троице-Сергиева монастыря Арсения Суханова (в миру Антона), который с 1649 по 1654 год совершил четыре путешествия к христианским святыням на Афон, в Константинополь, на греческие средиземноморские острова, в Египет и Иерусалим. Из паломничества на Святую землю он вывез по поручению патриарха Никона большую модель иерусалимского храма Гроба Господня, послужившую позднее наглядным образцом при возведении храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме под Москвой.

Святая гора

После Крещения (988) при князе Владимире Русь активно развивает и укрепляет связи с христианским миром и прежде всего – с Византией как оплотом православия. Паломничество в греческие обители, поклонение святыням постепенно входит в обычай. В начале XI века русские появляются на Афоне – Святой горе, и далее их присутствие там становится постоянным.

Первый русский монастырь возник на Святой горе в 1080 году. Со временем Афон, как и Царь-град, стал крупнейшим центром, очагом православной культуры. О том, сколь велико было русское землячество, известно очень мало. Монашеское братство на Афоне пополнялось и греками, и православным славянством. Какова была доля русских, установить сегодня сложно. Ясно, что их число в зависимости от текущих исторических событий не было постоянным и варьировалось. Приток новых монахов временами надолго замирал. Так было, например, в период 4-го Крестового похода, когда в 1204 году Византию завоевали крестоносцы. Значительный перерыв в связях между Русью и Афоном приходится на XIII век. Нашествие в 1237–1238 и 1240–1241 годах монголов во главе с ханом Батыем razорило Русь, нарушило привычное течение жизни. Русские монахи на Афоне оказались тогда надолго отрезанными от родины, изолированными и проживали на Святой горе фактически пожизненно. Позже контакты возобновились.

Монастырь Симонопетра на Афоне

После того как турки в 1453 году сожгли и разграбили Константинополь и некогда сильная Византия пала, уцелевший от погромов Афон играет особую роль в православном мире. Эту священную землю берет под свое покровительство и защиту новое государство, появившееся на политической карте Европы на рубеже XIV–XV столетий, Россия, или Московия. Россия – наследница прежней Руси, но превосходит ее и территорией, и могуществом.

Русские монахи после захвата Византии турками не покинули Афон. Они оставались там и продолжали заниматься привычным делом: составляли копии с божественных книг, произведений знаменитых византийских риторов и богословов, переводили их на русский язык, сличали русские тексты с греческими оригиналами, делали списки с икон.

В монастырях Афона шло и приобщение греков и других православных к русской книжности, фольклору, искусству. Переводы с русского на греческий и южнославянские языки были в порядке вещей. Многие русские монахи, выполняя свою работу, безвыездно жили на

Святой горе по несколько десятилетий, а иные доживали свой век до глубокой старости и так и умирали на Афоне.

Из Новгорода в Любек

В конце XII века русские купцы подолгу жили и беспошлинно торговали во многих северонемецких городах. Сам германский император Фридрих Барбаросса в специальной грамоте подтвердил это право.

А в XIV столетии сложился торговый и политический Ганзейский (Ганза) союз, в который входили до 100 городов. Наиболее крупными из них были Любек (главный центр, как бы столица Ганзы), Росток, Висмар, Штральзунд, Ревель (Таллин), Дерпт (Тарту), Рига и русский Великий Новгород.

Новгородцы с товарами постоянно ездили в города Германии и Лифляндии, или Ливонии (Северной Латвии и Южной Эстонии), и размещались там на русских торговых дворах. Они вывозили на Запад меха, воск и кожи. Особым спросом пользовалась пушнина – шкурки белки, бобра, соболя, горностая, хорька, ласки, куницы, норки, выдры.

Воск продавали большими кругами весом от 80 до 160 килограммов. Ходовым экспортным товаром были лосиные, коровьи и лошадиные кожи. При высоком качестве они отличались дешевизной, чем привлекали оптовых покупателей.

При хорошем торговом обороте новгородские купцы были заинтересованы в том, чтобы постоянно находиться в ганзейских городах. И фактически там образовалось оседлое русское поселение. Предприимчивые новгородцы освоили чужие обычаи, стали бойко объясняться по-немецки и на Русь наведывались лишь изредка, поскольку ездить за товарами им самим необходимости не было. Для этого они нанимали бывалых и привычных к дальней дороге торговых людей и надежную вооруженную охрану.

Побег запрещается

С какого времени стремление покинуть родину и, спасая жизнь, найти приют и убежище за рубежом стало осуждаться в народе? Пожалуй, пошло это со Святополка, прозванного Окаянным и под таким именем вошедшего в историю, взявшего на душу большой грех. Чтобы прийти к власти в Киеве, он расправился со своими братьями Борисом и Глебом, а когда другой брат Ярослав (позднее он получит прозвище Мудрый) одержал над ним победу, сбежал в Польшу к королю Болеславу, приходившемуся ему тестем.

Летом 1017 года Святополк привел на родную землю сильное польское войско, разбил дружины Ярослава и занял Киев. Позднее Ярослав одержал верх над Святополком и вернул себе столицу. Справедливость восторжествовала, но в памяти народной злодейское братоубийство и побег за границу с целью добиться там помощи для осуществления на Руси своих неблагоприятных замыслов отложились в памяти народной как равно низкие и гнусные деяния.

Бегство Святополка. Б. Чориков

Недружелюбие и отрицательное отношение к желающим покинуть родное отечество и скрыться за границей прослеживаются и во времена Московской Руси. Причем уважительные причины побега не служат его оправданием. Скажем, у молодого князя верейского (Верея – город неподалеку от Москвы) Василия были все основания в знак протеста против ущемления его наследственных прав великим князем московским Иваном III бежать в 1483 году в Литву. Но поскольку Иван III незадолго перед этим силой заставил князей

верейских стать своими вассалами, поступок князя Василия был расценен центральной властью и подан народу как измена.

Точно так же, когда тверской князь Михаил бежал в Литву, побежденный своим соперником Иваном III, его решение не находит понимания в глазах соотечественников и даже, напротив, порицается, ибо, ища убежища не в православной, а в католической стране, он предает свой народ и свою веру, тогда как, вручив себя добровольно победителю Ивану московскому, он выказал бы не слабость, а силу.

Случалось, что знатные русские люди оказывались в Литве против воли, как это было, например, еще в конце XIV века с молодым московским князем Василием Дмитриевичем. Он попал в литовский плен и, понуждаемый великим князем Витовтом, женился на его дочери – иначе не видать бы ему освобождения.

По-видимому, практика ускользать за границу, увозя с собой немалые пожитки, не была единичной. Родовитая русская аристократия, видя угрозу своей былой независимости, предпочитала ехать в чужие земли – лишь бы не покоряться московской власти. Конечно, московские князья не хотели с этим мириться, потому что усматривали в таком бегстве дерзкий и демонстративный вызов. Желая отбить охоту покидать Россию, они ввели за побег в Литву (именно туда, как правило, держало путь большинство бежавших) смертную казнь, а самым мягким наказанием за такое своеволие было заключение в темницу.

Небылицы про заграницу

боязнь заграницы, привычка ругать и осуждать все иностранное, иноземное уживались на Руси со стойким интересом к заморским государствам, тягой побольше узнать, как живется там, на чужбине.

В былинах и преданиях про чужедальную сторону содержится много нелепого, ложного, пристрастного. Но не меньше встречается и сказочного, связанного с наивной верой в то, что где-то все-таки можно найти правду и справедливость и жить-поживать да добра наживать.

Почти во всякой фольклорной истории есть место чудесам, но чудеса эти обычно случаются за тридевять земель, в некотором царстве, некотором государстве, то есть в зарубежье.

Дюк Степанович. Иван Билибин

Герой одной из новгородских былин Иван, сын богатого торгового человека, хвалится своим необыкновенным конем, на котором он за время от первой до второй утренней церковной службы будто бы успевает доскакать от Киева до Чернигова. И в качестве объяснения,

как такое волшебное скоростное перемещение возможно за столь короткое время, сообщается, что конь куплен за морем за тысячу рублей.

В известной былине про Дюка Степановича фантастически богатый страной предстает Индия. В ней столько всяких сокровищ, что их невозможно сосчитать, и посланные туда с этой целью переписчики ничего не могут сделать. Для описи богатств оказывается мало даже шести возов бумаги и трех возов чернил.

Для снижения привлекательного образа чужих стран в сказаниях о них присутствуют всякие ужастики, «пугалки» и страшилки в виде дикой и опасной природы и свирепых, кровожадных чудищ. Попавшим туда угрожают моря с зыбучими песками и реки, текущие камнями вместо воды. А населяют эти страны лишь отдаленно похожие на людей жуткие существа с шестью руками-лапами, тремя песьими головами, с глазами и пастью на темени и скотскими ногами. Больше всего этих монстров обитает как раз в Индии – самой богатой стране чужеземья.

В основном небылицы про за границу – это переложения произведений византийской литературы. Они получили широкое распространение и в XIII–XV веках, с опозданием на несколько столетий стали известны и популярны на Руси и в России. Их мотивы и бродячие сюжеты вошли в рукописные духовные и светские книги и в устное народное творчество.

Затворенное царство

В XVI столетии в царствование первого русского самодержца Ивана IV, по прозвищу Грозный, те князья, бояре, дворяне, которые покидали Россию, однозначно рассматривались как отщепенцы, предатели, враги государства и самого царя, достойные лишь осуждения и презрения. А несмываемое пятно и позорное клеймо беглецов распространялось и на весь их род.

При Иване Грозном началась опричнина – передел собственности, сопровождавшийся массовыми казнями. Происходило это в 1565–1572 годах, и ответом на репрессии стало бегство за рубеж многих бояр и дворян.

Среди беглецов был видный царедворец и военачальник князь Андрей Михайлович Курбский. Сначала он попал в опалу, а затем, поняв, что террор опричнины не минует и его, вместе с целой группой своих товарищей (С. Тетерин, М. Сарохозин и другие) и слуг бежал в Литву. Непосредственным поводом для такого шага послужило военное поражение, которое потерпела русская рать под началом князя, славившегося до этого своими победами.

Курбский – крупная политическая фигура своего времени, и отношение к нему, оценка его в России до сих пор, во-первых, заметно различны, во-вторых, как правило, актуализированы, соотнесены с сегодняшним днем.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой Курбский – изменник родины. Именно так и написал ему разгневанный царь: «И выходит, что... дома ты – изменник... но изменникам всюду бывает казнь: в той стране, куда ты поехал, ты узнаешь об этом подробнее».

У Ивана Грозного были веские основания для подобного обвинения. Князь переметнулся в Литву в 1564 году по предварительному сговору с польским королем Сигизмундом-Августом и его вельможами. В Литве он повел себя как предатель, ибо выдал военные секреты русских и активно участвовал во вторжениях польско-литовских войск в Россию. Мало того, Курбский настойчиво просил короля дать ему 30-тысячное войско, с помощью которого обещал завоевать Москву.

Поступив на службу к Сигизмунду, Курбский отнюдь не бедствовал. Склоняя его к бегству, поляки, которые в это время воевали с Россией, обещали знаменитому русскому воеводе ласковый прием. То, что в Литве он получил несколько имений (включая город Ковель, теперь Каунас), конечно, показательно. Вряд ли его так щедро бы вознаградили, если бы сообщенная им информация не представляла интереса и не подтвердилась.

Есть и иное, прямо противоположное мнение о Курбском. Оно сводится к тому, что князь – борец с тиранией и несправедливостью, обличитель лютого самодержца Ивана Грозного, который установил в России жестокий и кровавый режим. Современные сторонники этого взгляда видят в Курбском родоначальника русской политической эмиграции, первого диссидента-невозвращенца, бросившего вызов самодуру и палачу-монарху и его подручным. Адепты Курбского ставят ему в особую заслугу то, что он покинул Россию в поисках «свободного естества человеческого», или, говоря иначе, уже в XVI столетии выступил за соблюдение прав человека.

Именитый перебежчик направил царю послание с такими обвинениями в его адрес: «А который бы человек, князь или боярин, или кто-нибудь сам, или сына, или брата своего послал для какого-нибудь дела в чужое государство без ведомости... такому человеку за такое дело поставлено было б в измену, и вотчины, и поместья, и животы (имущество. – *Ред.*) взяты были бы на царя ж, а ежели б кто сам поехал, а после него остались сродственники, и их бы пытали, не ведали ль они мысли сродственника своего...»

«Ты затворил царство русское, сиречь (то есть. – *Ред.*) свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне, – писал Ивану IV Курбский. – Кто поедет из твоей земли в чужую, того ты называешь изменником, а если поймают его на границе, ты казнишь его разными смертями».

Возможно, Курбский и впрямь подошел бы на роль героя и борца за идею, если бы не одно но: он взял с собой из России с десятков приверженцев и слуг и фактически бросил на произвол судьбы собственную семью, обрек на верную смерть мать, беременную жену, сына и братьев. Все они погибли.

От греха подальше

Жизнь князя А.М. Курбского в эмиграции сложилась вполне благополучно. Он быстро освоился, успешно приумножил свои земельные владения, уверенно и напористо вел ожесточенные имущественные тяжбы и даже вступал в вооруженные конфликты с местными панами. В 1571 году Курбский женился на богатой вдове и, видно, извлек хорошую выгоду из этого брака. Восемь лет спустя он развелся, чтобы создать новую семью. Умер князь в 1583 году, вряд ли представляя, какие острые споры по его поводу вспыхнут позднее в России.

Пример Курбского не единичен. То же самое проделали князья Дмитрий Вишневецкий, Алексей и Гаврила Черкасские, боярин Т. Пухов-Тетерин, дворянин Б. Хлызнев-Колычев.

В период опричнины побег за рубеж настолько учащаются, что становятся если не нормой, то вполне обычным явлением. Причем за границу устремляются не только знатные и богатые, но и бояре и дворяне с весьма скромной родословной и прибытками. Ни казни, ни расправы с оставшимися родственниками не могли остановить отток русских за рубеж. Число опальных, ссыльных, по той или иной причине попавших в немилость к великому государю, неуклонно росло, и те, кто получил черную метку, предпочитали не искушать судьбу, а поскорее уносить ноги от греха подальше.

Известны и случаи, когда Иван Грозный не прибегал к расправе над схваченными при попытке перейти границу перебежчиками. Так, он простил за измену не только своего родственника князя В.М. Глинского, но и князя И.В. Шереметева, князя В. Фуникова и некоторых других.

Князь Курбский. П. Рыженко

Интересно, что сам царь, ввиду неудач в Ливонской войне и дестабилизации внутреннего положения в стране, допускал

возможность потерять не только трон, но и в результате заговора против себя лишиться жизни. В этих условиях он усиленно, но тщетно ищет союза с Англией, военный флот которой намеревается использовать на Балтике. Одновременно Иван Грозный пытается свататься к английской королеве Елизавете. Получив отказ, он тут же переключается на ее родственницу, девицу Марию Гастингс. Бракосочетание с этой особой, к огорчению русского монарха, тоже не состоялось. А ведь он серьезно рассчитывал жениться на ней, поскольку строил планы в случае осложнения ситуации в России бежать в Англию и найти там убежище.

За границей хорошо устраивались лишь немногие. Большинство беглецов плохо приспосабливались к новым условиям, мыкались и влачили жалкое существование, заканчивая свои дни в полной неизвестности. Иным же везло. Им удавалось сделать карьеру. Но таких были единицы. Среди них, например, известен новгородец Петр Розладин. В начале 1570-х годов он бежал в Швецию, поскольку кто-то из его родни был казнен, кто-то подвергся насилию и гонениям. Понимая, что вот-вот настанет и его черед, Петр решил действовать на опережение, сумел улучшить подходящий момент, чтобы беспрепятственно пересечь границу, а далее добровольно вступил в шведское войско и дослужился до подполковника. На новой родине он завел семью, и его сын Фриц, по-видимому крещенный в лютеранской вере, со временем получил дворянский титул.

Не по своей воле

Иные причины заставили уехать из Московии церковного человека Ивана Федорова, знаменитого тем, что он одним из первых начал в России книгопечатание.

В середине XVI века переписка книг была надежным ремеслом, которым кормились немало людей. Ничего больше они делать не умели и не хотели, и в типографии, которую при поддержке самого царя Ивана IV наладил в Москве Федоров, увидели прямую угрозу своим интересам и привычной прибыли.

Чтобы не дать опасному конкуренту развернуться, переписчики книг принялись клеветать на печатника. Сочинять про него всякие небылицы, обвинять в колдовстве, сношениях с сатаной, отходе от православной веры, распространении ересей – религиозных лжеучений. Само типографское дело молва объявила затеей дьявола, и невежественная толпа охотно подхватила эти дикие слухи.

Фронтиспис и заглавная страница Апостола. 1563–1564 гг. Иван Федоров и Петр Мстиславец. Экземпляр из Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук

Печатный станок не случайно появился в России на столетие позже, чем в Западной Европе. Это объяснялось тем, что в высших церковных кругах Московии великое изобретение Иоганна Гутенберга считали вредным и не давали ему ходу. Вообще почти всякая техническая новинка, исходящая из латинско-католического запада обычно расценивалась как что-то отрицательное, чуть ли не бесовское и оттого пагубное и заведомо непригодное для России. Ведь отношения католического и православного мира носили напряженный характер и нередко выливались в противостояние, скрытую, а то и открытую конфронтацию, за которой стояла борьба за приоритет во всей христианской Европе.

Отсюда понятно, почему так легко и быстро общественное мнение москвичей удалось настроить против Ивана Федорова и его типографии – мастерской сатаны.

Вместе с помощником Петром Мстиславцем печатник был вынужден спешно и не по своей воле покинуть Россию и бежать в Литву. Если бы он промедлил и решил остаться, то, скорее всего, пал бы жертвой расправы разъяренной черни. Вряд ли его оставили бы в живых, тем более что типография Федорова, по некоторым сведениям, подверглась полному разгрому и как гнездо еретичества была предана огню.

А что же царь? Ведь самодержец покровительствовал печатнику. Неужели он не в силах был ему помочь? В этом вопросе нет ясности, но очень велика вероятность того, что как раз от самого Ивана Грозного в первую очередь и спасались книжники, ибо тот резко переменял к ним отношение, что было для него в порядке вещей. В Литве Федорова и Мстиславца приняли охотно и радушно, предоставив возможность свободно заниматься книгопечатанием. На родину они так и не вернулись.

Из корыстных побуждений

Со времен Ивана Грозного суровые меры пресечения свободного выезда за рубеж в целом ряде случаев имели под собой основания и были оправданны. В этом смысле показательна история подьячего Посольского приказа Григория Котошихина.

Посольский приказ – правительственное учреждение, выполнявшее в Московском государстве функции министерства иностранных дел. Подьячий – чиновник среднего ранга, представитель тогдашней царской администрации.

В царствование Алексея Михайловича в 1656–1658 годах Россия вела войну со Швецией. Принимая участие в переговорах с дипломатами неприятельской стороны по поводу заключения мира, Котошихин, по-видимому, дал согласие на сотрудничество и шпионаж в пользу противника. Пять лет спустя он за деньги предоставил шведскому комиссару Эберсу копии секретных инструкций. Оказывал ли он из корыстных побуждений подобные услуги раньше и позже, неизвестно. Как бы то ни было, в 1664 году он сбежал в Польшу, боясь разоблачения в тайных контактах с врагом и получении мзды за информацию.

Впрочем, им самим была придумана вот такая легенда: его будто бы заставляли написать ложный донос на невинного, но он, чтобы не брать грех на душу, предпочел скрыться за границу. В благородство и порядочность Котошихина как-то не очень верится. Конечно, он опасался, что правда всплывет, и только и ждал удобного случая для побега. Россия ему была не мила. Он затаил обиду и на царя, и на его сановников, потому что по их воле дважды пострадал, причем один раз совершенно невинно. Его отца оклеветали соседи, заявив, что тот якобы их обокрал. Не разобравшись в том, так это или нет, Котошихина лишили дома, конфисковали имущество, выгнали на улицу его жену. В том же году (1660) за ошибку в написании царского

титула подьячий был подвергнут мучительному наказанию: битью батогами – длинными, толщиной с палец, палками.

У Котошихина были основания считать себя оскорбленным и незаслуженно обиженным, тем более что, ведя за границей посольские дела, он убедился, что на Западе нет таких порядков, как в России, и человек там избавлен от унижений, ущемления чувства собственного достоинства и беззакония, возведенного в закон. Таким образом его побег нужно расценивать и как личный протест против примененных к нему жестких санкций.

Возможно, у Котошихина изначально был прицел добраться до Швеции, но уже в Польше ему удалось занять мелкую казенную должность в штате великого канцлера. Далее под новым именем Ивана-Александра Селицкого он перемещается в Силезию, потом в Пруссию и наконец оказывается в принадлежавшем тогда Швеции городе-крепости Нарве. Оттуда, выяснив, кто он и каковы его намерения, бывшего подьячего препровождают в Стокгольм. Там, судя по всему, его приняли хорошо и определили на службу в королевский архив. В ответ на запрос из Москвы выдать «государева изменника» Швеция ответила отказом.

Вскоре Котошихин получил заказ подготовить подробную, с освещением всех сторон жизни, книгу о Московии. Так появилось сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», где уделялось внимание текущим историческим событиям, политической ситуации в стране, царю, его семье, придворным церемониям, царским чиновным и служилым (военным) людям, сношениям московских царей с иностранными государями. Обстоятельно останавливается Котошихин на организации административного аппарата, управлении городами, состоянии войска, торговли, сельского хозяйства, сообщает много сведений о высших (бояре, дворяне) и низших (купцы, мастеровые, крестьяне) слоях населения России. Не обходит автор молчанием быт и нравы москвитов. В страноведческом отношении его рукопись была необычайно полезна и познавательна.

В 1667 году Котошихин был казнен. Ему прилюдно отрубили голову по приговору суда за убийство в пьяной драке хозяина дома, в котором он жил. Оказалось, что квартирант постоянно доставлял беспокойство, ему все время не хватало денег и он не вылезал из долгов, но в тратах себя не ограничивал да еще и в нетрезвом виде

скандалил, дебоширил, что не помешало ему добиться благосклонности хозяйской жены.

Сочинение Котошихина пережило его автора. Оно было предназначено для служебного пользования и стало настоящей настольной книгой для заинтересованных лиц, которым требовалось исчерпывающая информация о России.

Возвращение блудного сына

Старинная поговорка гласит: «Где родился, там и пригодился». Однако русский человек вовсе не был привязан к одному месту. Он странствовал, путешествовал, скитался, пускался в дальний путь на богомолье, шел поклониться святыням, искал новую землю. Такие перемещения были в порядке вещей. Но если кто-то по доброй воле отправлялся в другую страну и менял отечество, это воспринималось совсем иначе: с неприязнью и порицанием.

Тем не менее менялись времена, менялись и нравы. Уже в царствование Бориса Годунова (1598–1605) известна практика командирования детей дворян в Западную Европу для обучения полезным наукам, профессиям и иностранным языкам. Предполагалось, что молодые россияне за границей ума-разума наберутся и на мир поглядят.

При Алексее Михайловиче (1645–1676) точка зрения на латинский Запад как рассадник зла господствует не безраздельно, и в близких царю придворных кругах складывается влиятельная группировка бояр, убежденных в необходимости обращаться к западноевропейскому опыту и шире его перенимать и использовать.

Ближний боярин и воевода Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Неизвестный художник

Инцидент с Котошихиным тоже неверно было бы рассматривать лишь как проявление банальной меркантильности и измены из выгоды. Этот приказной человек, безусловно, относился к так называемым русским европейцам – людям, которые уже в XVII веке ориентировались на европейские ценности и культуру, но, в отличие от Котошихина, отнюдь не собирались торговать военными секретами,

продавать родину и становиться шпионами. Среди них были такие крупные политические деятели того времени как А.Л. Ордин-Нащокин, М.Ф. Ртищев, А.С. Матвеев, В.В. Голицын. Они не пафосными заявлениями, а на деле доказали свой патриотизм и то, что можно быть русским европейцем, или, иначе говоря, западником, при этом горячо любить Россию, верой и правдой служить ей.

Они не собирались слепо копировать Запад и переносить оттуда все подряд на русскую почву. Не прельщала их перспектива жить вне России, в одной из западноевропейских стран.

Однако критическое отношение ко многим отечественным реалиям не прошло бесследно и передалось от отцов младшему поколению уже в качественно ином виде. Так, сын могущественного государственного и военного деятеля А.Л. Ордина-Нащокина по имени Воин с юных лет преклонялся перед иностранным и с возрастом все больше тяготился тем, что рожден в России. Дельный, умный, наделенный разносторонними способностями, владевший латынью, французским и немецким языками, Нащокин-младший обещал стать не менее блистательным дипломатом и политиком, чем его отец. Он рано начал ему помогать, успешно замещал его во время отсутствия, хорошо справлялся с порученными ему разными делами. Стараясь дать сыну современное образование, Нащокин-старший привлек с этой целью в качестве учителей пленных поляков, и в результате юноша стал смотреть на Россию их глазами, находя в родном отечестве сплошные недостатки и пребывая в твердой убежденности, что в других странах все обстоит иначе и живется гораздо лучше. Наверно, польские наставники и заронили Воину мысль бежать на Запад. Первые заграничные впечатления способствовали тому, что решение как можно быстрее вырваться из нелюбимой отчизны оформилось окончательно, и он осуществил свое намерение, хотя знал, какой удар наносит этим отцу. Ведь Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, которого иностранцы уважительно называли русским Ришелье, был любимцем царя Алексея Михайловича, и измена Воина, сбежавшего в Польшу, а оттуда отправившегося во Францию, неизбежно бросала тень на отца,ставляла его человеком, не оправдавшим особую к нему милость великого государя.

К счастью для обоих Нащокиных, Алексей Михайлович не отличался жестокостью и свирепостью Ивана Грозного. Сначала он,

правда, сильно осерчал, но потом вошел в положение отца и сына и к первому отнесся с дружеским сочувствием, а ко второму – с великодушным пониманием. Царь написал своему фавориту, не знавшему, куда деваться от позора, теплое письмо, в котором оправдывал поступок-проступок Воина его молодостью, любознательностью, неискушенностью.

Великодушие Алексея Михайловича проявилось и в том, что он не препятствовал возвращению блудного сына А.Л. Нащокина. Ни в Польше, ни во Франции, ни в Дании, ни в Голландии юноша так и не нашел себе достойного места, применения своим знаниям и способностям. Его пытались использовать в политической игре против России, но шантажировать отца сыном не удалось: царский любимец был тверд и непреклонен. Он скорее пожертвовал бы своим дитятею, чем предал великого государя, верным слугой которого не без оснований себя считал.

Когда в 1665 году, пять лет прожив на чужбине, Воин, отчаянно затосковав, повинился, покался и стал умолять, чтобы ему было дозволено вернуться на родину, царь не стал чинить препятствий и простил его. По возвращении Воина приняли сдержанно, однако не подвергли каким-либо наказаниям. Правда, не найдя себе настоящего дела на Западе, не нашел он его и в своем отечестве. То ли ему больше не доверяли, то ли обширный запас знаний и заграничный опыт Воина Нащокина оказались не нужны.

Во саду ли, в огороде

До начала XVII века посольства из Москвы выезжали за границу по мере надобности и на ограниченное время. Постоянных дипломатических представительств у России не было. Обычно посольства снаряжались для заключения мира с той или иной страной, установления торговых связей, участия в торжественных церемониях вроде коронации и т. д.

Мнение о русских послах при европейских иностранных дворах долгое время было отрицательное, в силу чего нередко складывалось невыгодное впечатление и о Московском государстве в целом.

В России в порядке вещей была следующая дипломатическая практика: за рубеж во главе миссии посылали человека, во-первых, знатного рода, во-вторых, доказавшего свою личную преданность великому государю. То, как он разбирался в хитросплетениях внешней политики, в международных делах, знал страну, куда отправлялся, и ее обычаи и как был образован и сведущ в принятых за границей нормах обхождения, общения и приличиях, во внимание особо не принималось. Главное, что требовалось от посла, это стоять на своем, крепко держаться за царские указы, ни в чем не уступать и на все предложения, которые предварительно не были оговорены и одобрены в Москве, отвечать решительным отказом.

Несговорчивость российских послов приводила иностранных дипломатов в отчаяние. Обсуждать с москвитями серьезные международные вопросы и то, как строить взаимоотношения, реально было только в России, в непосредственной близости от царя и его советников. За рубежом же от послов слышали выученные наизусть от и до царские слова и не более. Все остальное, на что были они способны, это придираться ко всяким мелочам, по многу дней, а то и недель оспаривать формальности, настаивать на непременном соблюдении таких процедурных моментов как порядок следования русского посла и его большой свиты на прием во дворец или обязательное вставание иностранного монарха при упоминании царского имени.

Портрет Григория Федоровича Долгорукого. Неизвестный художник. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

По тому, как обставлялась внешняя сторона церемонии, принимались или отвергались выдвигаемые условия, шло согласование требований, в Москве потом судили о том, насколько

преуспел посол, хорошо ли позаботился за границей о высоком престиже России.

Порой из-за этого случались всякие казусы, нелепости и недоразумения. Например, выполняя поручение при английском дворе, московский посол вдруг резко прервал свой визит и вернулся ни с чем. Оказалось, что он обиделся из-за того, что королева принимала его не во дворце, а где-то «на огороде, среди грядок лука и чеснока». На самом деле это не было ни пренебрежением, ни оскорблением. Напротив, королева дала русскому гостю аудиенцию в своем саду в знак особого расположения. В столь неформальной обстановке она встречалась только с самыми приближенными людьми или в расчете на доверительную беседу.

Нестерпимым и унижительным для послов из России было, когда их сажали за стол во время деловых переговоров или за обедом не на почетное первое, а на второе место, которое, по их разумению и оценке, не соответствовало их статусу, занижало его. В этом усматривалось неуважение. Ведь в Московии в XV–XVII столетиях придавали огромное значение почестям по знатности рода и занимаемому человеком положению. С той же меркой и с теми же требованиями посланцы царя подходили к правилам этикета за рубежом.

Со временем, конечно, сформировался круг хорошо подготовленных русских дипломатов, которые достойно и высокопрофессионально представляли Россию за рубежом и блестяще защищали и отстаивали ее интересы.

Гнездо порока

Внедрение в народное сознание неприязни к загранице происходило не само по себе. В иностранцах видели источник всевозможных неприятностей и бед – от войн и нашествий до эпидемий и вредных, опасных для православной веры ересей. Определенные профилактические меры для формирования из чужеземца образа врага, а из зарубежья гнезда порока предпринимала Церковь. К тому же и подходящего материала в подтверждении злых умыслов ближних и дальних соседей в отношении России всегда было достаточно. Например, уже одно только то, что за спиной обоих самозванцев, выдававших себя в начале XVI века за трагически погибшего сына Ивана IV царевича Дмитрия, стояли польский король и его ближайшее окружение, изобличало Речь Посполитую как недружественную России державу. Вооруженная интервенция польско-литовского войска и прямое вмешательство во внутренние дела Московии не могли не усилить в народе антипольские настроения и настороженное отношение к загранице вообще.

Не осталось не замеченным и то обстоятельство, что, оказавшись за рубежом, не так уж мало русских людей если и не предавали родину, то отказывались возвращаться. Стало быть, в чужой стране их чем-то соблазнили, прельстили, напустили дурмана в голову. Ответ на вопрос, что заставило их отречься от своего отечества, забыть про свои корни, был прост. Такое поведение, как правило, объясняли не иначе, как дурным влиянием, под которое по слабости характера, неискренности и некрепости веры попал в другой стране человек.

Не в пользу зарубежья было и то, что там зачастую укрывались люди с темным криминальным прошлым, уголовные преступники, проходимцы, смутьяны, мошенники. Именно такой фигурой был известный и отъявленный плут и обманщик Тимофей Анкундинов.

Женившись по расчету, он растратил состояние жены и сбежал из Вологды, где жил до этого, в Москву. В столице он поступил на канцелярскую работу и за короткое время совершил крупные должностные преступления, назанимал много денег и наделал кучу долгов. Чтобы скрыться от кредиторов и избежать сурового наказания,

прохвост пустился в бега за границу и попеременно жил в Польше, Молдавии, Турции, Сербии, Трансильвании, Швеции и других странах, выдавая себя за самых разных людей. Так, в Стамбуле он по секрету сообщил, что приходится родным сыном царю Василию Шуйскому. Мистификация зашла столь далеко, что самозванец получил доступ к влиятельным европейским особам и даже к папе римскому и добился их поддержки.

Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в.
А.М. Васнецов. 1922 г.

Вероисповедание мнимый государев сын менял не однажды: принял ислам, потом лютеранство, позднее вынашивал план унии (объединения) православной и католической церквей.

Обеспокоенное российское правительство вело активный розыск Анкундинова. Одному из царских сыщиков удалось выследить самозванца в Голштинии и добиться его ареста. В 1653 году он был выдан российским властям, доставлен в Москву и казнен.

По природе Анкундинов был человеком способным и восприимчивым. Владел латынью, итальянским и турецким языками, разбирался в астрономии, написал несколько литературных сочинений,

в том числе стихотворных, где бойко отстаивал свои беспочвенные права на российский престол.

Мать и мачеха

Русские послы не всегда находили нужные слова, чтобы описать всякие диковины и непривычные зрелища, которые видели на Западе. Так, на одного из дипломатов большое впечатление произвел увиденный им в Голландии отлитый из бронзы памятник во весь рост знаменитому гуманисту эпохи Возрождения Эразму Роттердамскому. В России ничего подобного не было, и упомянутый дипломат в довольно наивных выражениях сбивчиво и неуклюже объясняет в донесении московскому двору, что же собой представляет стоящая на городской площади монументальная фигура и зачем она установлена.

В Московии увековечение таким образом памяти кого-то из великих людей не было принято. Эта практика получит распространение лишь в начале XVIII века. Оттого можно понять затруднение и искреннее недоумение очевидца, который никак не может взять в толк, зачем понадобился странный металлический идол. Правда, из любознательности, желая разобраться и сообщить исчерпывающую информацию, посол выясняет, что поразившая его воображение внушительная статуя изображает не короля и даже не полководца, а всего лишь какого-то не то писателя, не то ученого мужа, о котором он не имел ни малейшего представления. Русский дипломат не скрывает своего удивления и рассчитывает на еще большее изумление посольских людей в Москве. Виданное ли дело превозносить и почитать не монарха и национального героя, а всего лишь выделившегося своей высокой разумностью и гладким слогом сочинителя?! Это позже автор «Похвалы глупости» и его знаменитая сатира станут известны в России. Но пока время еще не настало.

Русскому человеку пока сложно постичь многие достижения и реалии, которые в Западной Европе уже не новинка, а в порядке вещей. Так, иеромонах Симеон, участвовавший в 1439 году в созванном папой церковном соборе во Флоренции, столкнулся там с тем, что было выше его понимания, но что он незамедлительно подметил. Однако попытка передать великолепие ренессансной архитектуры Италии разбилась о бессилие это сделать, и он ограничился общими словами. Симеон акцентировал внимание на внешней стороне достопримечательностей: высокая башня, большой храм, красивый фонтан. Ему не дано было вникнуть в секреты их совершенства и принципы устройства. Но он чувствовал, что они прекрасны и что их создание – результат недоступного ему полета человеческого ума.

Постепенно неприятие всего иностранного и оголтелая латинофобия теряют в Московии былую остроту. И вот уже народная мудрость не так непреклонно, как раньше, отзывается на заграничное и реагирует на чужое. По-прежнему в ходу пословицы: «Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома», «За морем теплее, а у нас светлее (веселее)», «Родимая сторона мать, чужая – мачеха».

Однако отношение к заграничье медленно меняется, смягчается. И народные речения (афоризмы) красноречиво о том свидетельствуют:

«Дома сидеть – ничего не высидеть», «Где ни жить, только бы сыту быть», «Ищи добра на стороне, а дом люби по старине».

Влиятельный политик в России второй половины XVII века и близкий к царю Алексею Михайловичу Афанасий Ордин-Нащокин не боится публично произнести вслух то, что думает: «Доброму (хорошему. – *В. С.*) не стыдно навекать (учиться, набираться навыка. – *В. С.*) со стороны (за границей. – *В. С.*)».

Портрет в Прадо

На парадном портрете работы художника Хуана Карреньо де Миранды в музее Прадо в Мадриде представлен русский посол Петр Потемкин.

Седой мужчина, изображенный на холсте, явно позирует. Стоит, подбоченясь, желая произвести как можно большее впечатление, но в то же время подчеркнуть не собственную значимость, а величие державы, от лица которой выступает. А художник и рад стараться – работает с увлечением и точно, тщательно передает особенности незнакомой натуры. Ведь при дворе Карла II посол из далекой Московии – редкий гость. В нем все необычно и интересно: и окладистая борода, и высокая, опушенная мехом шапка, и богатая, повосточному пышная и экзотическая для Западной Европы одежда: шелк, дорогой пояс, золотое шитье.

Но главное внимание портретист сосредоточил на личности Потемкина. Посол знает себе цену, у него умные, проницательные глаза, привлекательное, но бесстрастное лицо – как раз такое, какое должно быть у дипломата высшего ранга, которому всегда есть, что скрывать.

Потемкин был не первым посланцем России в Испании. При великом князе московском Василии III его личные представители были приняты на высшем уровне в старинной королевской резиденции в Вальядолиде, а до этого испанские дипломаты с подобной миссией побывали в Кремле. Все складывалось хорошо, но дальнейшие отношения между обеими странами как-то вдруг прервались, едва начавшись.

И вот 150 лет спустя опытный в посольских делах и международных связях человек при дворе царя Алексея Михайловича П.И. Потемкин в 1667–1668 годах в результате шестимесечных переговоров возобновил, а через 13 лет (летом 1681) закрепил российско-испанские контакты, что было документально оформлено. Москва и Мадрид обменялись грамотами, заверив друг друга в готовности «жить в искренней дружбе и союзе».

Петр Потемкин. Хуан Карреньо де Миранда. 1681–1682 гг. Прадо, Мадрид

Именно тогда, во время второго визита Потемкина в Испанию, и был выполнен его портрет.

С тех пор стороны были верны достигнутому соглашению. А с 1722 года при российском царе Петре I и испанском короле Филиппе IV была достигнута договоренность о постоянном взаимном дипломатическом представительстве.

Сохранился отчет («статейный список») русского дипломата о его миссии на Пиренеях.

Потемкин с симпатией отзывался об испанцах, называет их «домостройными людьми», которые превыше всего «домашний покой любят». Они воздержаны в вине и умерены в пище, и посол с большим удивлением отмечает, что ни он, ни его товарищи ни разу и нигде не встретили ни одного пьяного. Но на хорошее впечатление Потемкина о стране наложилось и плохое: на таможне в маленьком пограничном городке местный чиновник, приняв дипломатов за купцов, привычно стал вымогать взятку. Он не разрешил им следовать дальше, пока не получил «пошлину» – подношение в виде золотых окладов, которые пришлось снять с икон.

Этот досадный эпизод взбесил Потемкина и его спутников, и они, возможно, позаботились довести информацию об алчном и наглom таможеннике до русского купечества, что надолго отбило всякую охоту ехать по торговым делам в Испанию. Во всяком случае, если не считать общения по дипломатическим каналам, то до XIX века русские в Испании не бывали.

Гонимые и непокорные

Церковные реформы патриарха Никона в середине XVII века привели к расколу (разделению) русского православного мира, к борьбе сторонников и противников нововведений. Начались исправление и унификация религиозной литературы, изменения внешнего вида и убранства культовых зданий, одеяний священнослужителей, отход от давних и привычных обрядов и традиций. Это вызвало в народе широкий протест и сопротивление.

Многие люди держались за милую их сердцу старинную веру и не принимали новшеств Никона, считая их отходом от истинного православия, от заветов святых отцов Русской церкви.

Однако Никон, опираясь на силу государства и при личной поддержке царя Алексея Михайловича, железной рукой проводил реформы, не останавливаясь перед жесткими мерами воздействия на несогласных и прибегая к насилию и репрессиям.

Мощная духовная оппозиция Никону оформилась в так называемое старообрядчество – массовое движение за сохранение веры и обрядов в прежнем виде.

Суд над патриархом Никоном. С.Д. Милорадович. 1885 г.

Не желая принимать реформы Никона и спасаясь от преследований со стороны преобразованной церкви и властей, гонимые, но непокорные старообрядцы (раскольники) бежали за Волгу, в Сибирь, а также за пределы Московского государства.

Сколько именно человек вытолкнул тогда из России внутриконфессиональный конфликт, сказать сейчас трудно, но, без сомнения, счет шел на десятки тысяч.

Издавна в народе были популярны легенды о чудесных дальних краях, где живет вольготно и привольно, где нет ни бояр, ни дворян, ни жадных царских чиновников. Определенного представления о географическом местонахождении этих щедрых и богатых земель обетованных не было, и маршруты людей, движимых утопической мечтой найти тихое, спокойное пристанище, лежали и в Польшу, и в Швецию, и в Турцию, и в Китай, и во Внутреннюю Монголию. Позднее, уже в следующих XVIII и XIX столетиях, старообрядцы

добрались до Японии, Индии, Америки. Они обживали дикие, незаселенные места, уединенность и труднодоступность которых их не пугала и не смущала, а, наоборот, привлекала – лишь бы они были подальше от всякой власти, всякого начальства.

Благословенный остров

Старообрядцы отстаивали свое право религиозной свободы. Они не желали мириться с тем, что государство и реформированная Церковь властно вмешиваются в такую важную и сугубо личную сторону народной жизни как общение с Богом.

Первоначально зарубежными регионами, в которых осели раскольники, были земли Речи Посполитой (Польши и Литвы), стран Балтии, Швеции, Пруссии, территории Балканского полуострова, подвластные Османской империи (Турции).

В Речи Посполитой местом компактного поселения русских стала Ветка – остров на реке Сож, где между 1682 и 1685 годами обосновалось примерно 40 тысяч беглецов из России. Ветка входила в земельные владения литовского помещика пана Казимира Халецкого, но тот, нуждаясь в рабочих руках, охотно принял русских переселенцев и впоследствии не пожалел об этом. Старообрядцы отличались редким трудолюбием, работа не была им в тягость, и вскоре на пустынном острове появилось процветающее торгово-промышленное село, с которого магнат получал стабильный доход.

Ветка стала для старообрядцев поистине благословенным островом. Вслед за этой первой колонией раскольников в Речи Посполитой появились и другие слободы эмигрантов из России. Большинство их поселений находились неподалеку от Ветки, в Гомельском старостве (Гомельская область в современной Беларуси).

Поскольку в конце XVII века образовалось с два десятка слобод из «людей московской нации» и русские старообрядцы (староверы) зарекомендовали себя с лучшей стороны, в начале 1690 года им было официально разрешено стать подданными Речи Посполитой, что более чем отвечало их интересам. Теперь раскольники, бывшие у себя на родине отщепенцами, подпадали под защиту законов Польско-Литовского государства, получали право свободно исповедовать свою веру и жить на общих основаниях в давшей им приют стране.

Если учесть, что в русской старообрядческой общине было много дельных людей, владевших разными ремеслами, занимавшихся торговлей и сельским хозяйством, легко понять, что их присутствие было экономически выгодно. Это новое население умело работать и знало, как зарабатывать. Оно исправно вносило арендную плату за пользование землей, не уклонялось от налогов, пополняя таким образом и государственную казну и приумножая прибыли землевладельцев типа К. Халецкого.

Липоване

Интересно, что второй большой поток раскольников, покинувших родину из-за преследований за веру, нашел пристанище во владениях мусульманского государства – подвластных Османской империи дунайских княжествах Валахии и Молдове, а также на Балканах: в Добрудже и Буковине. Здесь, как ни странно, они обрели желанную религиозную свободу, которую не стесняли представители турецкой администрации. Политика поголовной насильственной исламизации многочисленных немусульманских народов Османской империи сменилась в это время определенными послаблениями при условии регулярных выплат, сборов и натуральных поступлений и повинностей в пользу Турции с зависимых территорий.

О переселенцах из России шла добрая молва. Народ это был домовитый, основательный, спокойный. В работе старообрядцы толк знали, лодырей среди них не водилось – каждый человек был при деле.

Спор о вере. Василий Петров. 1880–1881 гг.

Русские дорожили возможностью сохранить свою религиозную и культурную автономию. Они органически влились в местную хозяйственную жизнь, но не ассимилировались, не смешались с другими нациями и этносами, устойчиво продолжая жить в привычных рамках старообрядческой общины – сравнительно замкнутого и изолированного мирка со своими обычаями, укладом, традициями.

Потомки тех старообрядцев до сих пор компактно проживают в Румынии, Болгарии, Молдове и на Украине. Конечно, к началу XXI века они отчасти растворились среди местного населения: если раньше семьи староверов состояли исключительно из русских своего круга, своей общины, то со временем стали заключаться смешанные браки. Однако и сегодня есть достаточно много чисто старообрядческих семей, все поколения которых были коренными русскими.

Эта этноконфессиональная группа в современном русском зарубежье хорошо известна как липоване и насчитывает, по разным данным, от 60 до 100 тысяч человек.

Название липоване имеет двоякое объяснение. По первой версии, оно происходит от имени одного из духовных лидеров старообрядцев – Филиппа. Как филипповцы превратились в липован, правда, не совсем понятно, но справочная литература приводит историю термина, не вдаваясь в этимологические детали. Согласно другой версии, слово «липоване» – производное от липы – единственного дерева, которое староверы использовали под свои иконы. Кроме того, будто бы первое время после переселения в новые края раскольники скрывались в липовых рощах.

В Болгарии известно два старообрядческих поселения: в селе Казашко, недалеко от Варны, и в селе Татарица, около Силистры. Липован здесь насчитывается в общей сложности свыше тысячи человек. Географическое местоположение определило род их занятий. В Казашко издавна жили морем, рыбацким промыслом, а в Татарице, пользуясь щедростью придунайской природы, садовничали и огородничали.

Больше всего липован (37 тысяч) в настоящее время проживает в Румынии. Они по праву гордятся тем, что вот уже свыше 300 лет являются бережными хранителями переданного им предками русского языка, старообрядческого быта и веками выстраданной веры.

В добром соседстве

Липоване современной Румынии – это национальное меньшинство, которое группируется в общину. Географически они в основном сосредоточены в северо-западной Добрудже, жудецах (департаментах) Бакэу, Батошани, Бризила, Васлуй, Галац, Нямц, Сучава, Тулча (здесь их больше всего), Яссы.

Во многих старообрядческих семьях уцелели старинные рукописные книги, иконы, утварь. Место обитания липован легко узнается по характерным силуэтам храмов, по облику и оформлению жилых домов, какие и сегодня не редкость в провинциальных городах России. Приметы русской культуры проявляются и в деталях: церковных колоколах, вывезенных еще в XVII веке, в белых платках и косынках, повязанных на головы направляющихся в храм Божий женщин так, что полностью закрывают волосы и верхнюю часть лба, в их длинной, до пят, одежде, в поясах и украшениях, в детских играх.

Буковинские липоване в конце XIX в. Г. Купчанко. 1895 г.

За три с лишним столетия образ жизни старообрядцев не мог частично не измениться, но в основном он остался таким же упорядоченным и размеренным, как и у их прадедов. С почитанием младшими старших и подчеркнутым уважением к родителям. С непременно вечерним чаем (кое-где за самоваром) в столовой, когда вся семья собирается вместе и заканчивает день, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи. С моленой комнатой с древними образами (иконами) и пожелтевшими от времени семейными богослужебными книгами. И конечно, чисто внешне липоване тоже выделяются и отличаются от темноволосых и черноглазых румын голубыми глазами и светлыми волосами.

Еще первое поколение русских переселенцев быстро приобрело на новом месте заслуженную репутацию хороших хозяев, работающих, бережливых людей, умеющих не только зарабатывать деньги, но знающих, как с толком их потратить, с пользой ими распорядиться, как организовать труд, чтобы он приносил доход.

На юго-востоке Румынии, недалеко от главного порта страны Констанцы находится городок Нэводарь, где некогда осели русские колонисты. Он вырос из рыбацкого поселка, о чем напоминает топоним (нэвод – невод, сеть), и до сих пор основное занятие здесь – это рыбная ловля.

Было время, когда одноэтажные домики липован занимали целый квартал, но теперь такого компактного островка русской жизни уже нет – Нэводарь растет, расширяется, новая жилая застройка чередуется со старой, поглощает ее, и русские старожилы живут сегодня во все большем окружении румын. Те и другие издавна хорошо ладят. И сейчас тоже они поддерживают самые добрососедские отношения.

Липоване чувствуют себя в Румынии полноправными гражданами. Их община официально признана, издает свою газету «Зори» и журнал «Китеж-град». Она тесно связана с Россией и добивается открытия в Румынии российского культурного центра, необходимость которого очень велика и давно назрела.

На сине море

Замысел идти на Хвалынь (Каспий) и основать на чужеземных берегах нечто вроде Области войска Донского – территории, неподвластной и неподсудной ни царю, ни боярам, ни приказным людям, свободной от поборов и налогов, пытался воплотить в жизнь знаменитый бунтарь Степан Разин. Утеснения на родном Дону побудили его собрать удалую ватагу и искать счастья на территории современного Азербайджана, в Гиркании – древней области Персии (Ирана), в провинции Гилян, в Туркмении и Грузии, куда они проникли по реке Куре. Во владениях персидского шаха Сефи II разинцы провели два года (1667–1669). Литературно-мемуарная традиция приписывает им нападение не только на множество населенных пунктов типа Низабада, Шаберана, Такуза, Астрабада, но и на столицу провинции Мазандеран Фарабат, на предместья таких крупных городов, как Баку и Дербент.

Степан Разин. Б. Кустодиев. 1918 г. Русский музей, Санкт-Петербург

Известно, что Разин рассчитывал найти в заморщине подходящее место, осесть там и объявить территорию своего поселения «вольной землицей». Настоящим райским уголком для осуществления таких планов ему представлялся полуостров Майан-Кааль, славившийся обилием дичи и пресной воды. Облюбовав его, казачий атаман направил Сефи II послов с просьбой принять весь отряд в персидское подданство и предоставить ему территорию для поселения. Со своей стороны он предложил воинские услуги и даже обещал «обасурманиться», то есть принять ислам. Подобное поведение не должно казаться странным: донцы считали себя вправе служить любому правителю, который обеспечит им покровительство и гарантирует твердое жалованье. Военное дело было для них главной профессией, занятием, которое их кормило.

В ответ на просьбу казаков «указать место, где им жить и питатца», шах, внешне идя навстречу донцам, велел выделить им зону для поселения, но с явным расчетом заманить их в ловушку и расправиться с ними. Заподозрив это, Разин «на то место прийти не похотел, а просил себе... крепкого острова, на котором взять было ево... не мочно».

Обросший многочисленными легендами, воспетый в народных песнях и сказаниях, волновавший современников и потомков колоритными подробностями, былями и небылицами «персидский поход» преследовал и вполне традиционную для промышлявших пиратством казаков цель взять «зипуны» (прибытки), поживиться богатой добычей. Ко времени «шарпанья» вдоль западного побережья Каспия относится и широко известная история о «персидской княжне». Как можно предполагать, эта красавица не мифический персонаж, а реальное лицо, и предание о буйной «свадьбе» на Волге, которое легло в основу полюбившейся народу песни Д. Садовникова «Из-за острова на стрежень...», – не просто красивая и печальная легенда. Правда, сведения о «княжне» крайне скудны и противоречивы. Во время похода на Каспий Разиным в самом деле была захвачена в плен некая таинственная и прекрасная незнакомка родом из персидского города Ашрефа. Ничто не указывает на ее знатное происхождение, но это не

значит, что сама она – лишь плод народного воображения и вымысла современников-иностранцев, утверждавших, что видели ее своими глазами.

Если строго придерживаться фактов, то во время каспийского похода была одержана победа над шахским флотом в морском бою в июне 1669 года у Свиного острова, близ Баку, и тогда казаки взяли в плен сына иранского военачальника Шабалду. О том, что вместе с ним была захвачена еще и какая-то знатная девушка, ни один источник не упоминает.

Сейчас трудно сказать, как устроили бы жизнь разинцы, если бы шах и впрямь выделил им подходящее место для колонизации. Вероятно, это область стала бы чем-то вроде второго Дона.

Но казаки на Каспии знали не только сладость побед, но и горечь поражений. Одно из них они потерпели под Рештом. Сам Разин во время этого боя был ранен, его отряд понес значительные потери в людях, лишился многих пушек, ружей, стругов и всяких запасов. Удача в чужом краю изменила донцам, они приняли решение возвращаться на родину, и численно поредевшая флотилия взяла курс к дельте Волги.

На службе у султана

Непосредственно в Турции нашли убежище, стабильное положение и престижную воинскую службу казаки с Дона во главе с Игнатом Некрасовым. Из России они бежали в начале XVIII века, во-первых, из-за того, что участвовали в большом восстании, не желая покоряться центральной власти и выступив против царя Петра I и его политики, направленной на лишение казаков старинной независимости. Во-вторых, некрасовцы крепко держались за старую веру и не собирались от нее отказываться.

В Турции они сохранили все привилегии, которыми дорожили, и находились под защитой самого султана. Тот очень ценил их профессиональные воинские качества и использовал как отборную ударную силу во время серьезных кампаний и боевых действий. В мирное время они могли распоряжаться собой по своему усмотрению и заниматься, чем им заблагорассудится. Поэтому поселения некрасовцев называли даже казачьим государством. Жили они замкнуто, изолированной общиной. Доступ туда посторонним был закрыт. Вместе с родным языком они из поколения в поколение сберегали и передавали детям обычаи и фольклор предков.

Первое время некрасовцы проживали в районе Добруджи, где вошли в тесное соприкосновение с липованами. Однако позднее покинули Дунай и устремились на юг, где одни осели в Восточной Фракии, другие – на берегу озера Майнос (теперь Куш), близ портового города Бандырма на Мраморном море.

Казачи персидской бригады. 1909 г.

В начале XX века русские казаки все чаще используются в составе регулярной армии в войнах, которые ведет Османская империя. Фактически они утратили свой особый статус и подпали под мобилизацию на общих основаниях. Причем во время Первой мировой войны турецкое командование обязало их сражаться против своих соотечественников. Это шло вразрез с устойчивыми принципами и традициями некрасовского сообщества и вызвало бурный протест. Казаки отказывались воевать с русскими и переходили на их сторону. С 1911 года некрасовцы добиваются права возвращения на родину и, получив разрешение, выезжают целыми семьями. Эта репатриация растянулась на несколько десятилетий и закончилась в 1962 году. Правда, из 1500 человек, получивших российское и советское гражданство, не все были потомками собственно некрасовцев, и тем не менее их предки были выходцами из России.

Свыше двухсот лиц, называвших себя некрасовцами, изъявили желание покинуть Турцию, но отказались от въезда в СССР. Они добивались, чтобы их приняли в США, и в 1963 году их просьба была удовлетворена.

Русские робинзоны

Новую страницу в историю русского зарубежья вписали основатели Русской Америки.

Проникновение мореходов из восточных пределов Московского государства на побережье неведомого материка началось еще с середины XVII века и растянулось на много лет и десятилетий.

Движение русских путешественников на восток, «навстречь солнцу», было продолжительным и неудержимым. Узкая полоска Тихого океана, разделяющая два континента, не стала непреодолимой преградой для неутомимых искателей новых земель.

Первые русские, попавшие в Америку, это, как правило, рыболовы, охотники, промышлявшие морского зверя, купцы, казаки. Последние представляли собой пеструю смесь воинов-пограничников, разбойников и крестьян. Без них редко обходились плавания в неизведанные места. Отряды смельчаков, отправлявшиеся к дальним и неизвестным берегам, непременно включали бывалых и предприимчивых людей из казаков.

В качестве проводников обычно привлекалось коренное население Сибири и Дальнего Востока – чукчи, юкагиры, ительмены, которые отлично знали нрав здешней природы и превосходно ориентировались на местности. Ведь еще их предки, первобытные охотники, неоднократно проходили из Азии в Америку. В эпоху каменного века это можно было сделать по суше, а затем, когда прежде существовавший перешеек поглотил океан, они достигали Нового Света по воде.

XVII столетие – это еще не время больших экспедиций и торговых караванов, которые держат путь в Америку. Главным образом то были разовые вылазки одиночных промысловых и казачьих судов с целью разведать, чем богаты лежащие в северо-восточной части Тихого океана острова и земли, чем там можно пожить.

Но уже именно тогда берет начало так называемая Русская Америка. Потому что выходцы из России появляются на Алеутских островах, на Аляске и в Верхней Калифорнии.

Как они туда попадали? По-разному. Иногда, проделав большой и опасный путь, путешественники, достигнув чужих незнакомых берегов, надолго задерживались, чтобы осмотреться, подготовить корабли к обратной дороге, а потом, освоившись, принимали решение не возвращаться.

Довольно часто русские приставали к американскому берегу, сбившись с курса, или разыгравшаяся морская стихия попросту не оставляла им выбора.

Пионеры Русской Америки — это за редким исключением робинзоны поневоле, жертвы кораблекрушений. Несмотря на то что отделяющий континенты пролив не достигает и 90 километров, в непогоду преодолеть его шансов мало. И американская земля принимала тех, кому повезло, кто после шторма или тайфуна сумел добраться до берега.

Неожиданное открытие

Если до начала XVIII века достижение и освоение русскими американских берегов было частной инициативой отдельных лиц, то во время царствования Петра I и позднее Новый Свет – один из векторов, определяющих внешнюю политику Российского государства. Две большие Камчатские экспедиции (1725–1744) к берегам Америки под командованием капитана Витуса Беринга преследовали цель установить наиболее удобные пути для мореплавания и торговли «с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи...». Прочитированный текст – фрагмент указа Сената от 2 мая 1732 года.

Предполагались не только торговля, но и колонизация пустующих земель. Как правительство, так и российских купцов и предпринимателей, конечно, привлекали природные богатства Америки: плодородные почвы, месторождения золота, меди, железа, свинца, олова. Однако все это было в дальней перспективе, а первоначально главный экономический интерес русских деловых людей составлял пушной промысел. На купеческие деньги создаются артели (компании), занимающиеся добычей меха бобров, котиков, песцов и другого ценного зверя. На первых порах зоной промысла были Алеутские острова, а в середине XVIII века – Аляска. Только с 1755 по 1780 год, то есть за 45 лет, из России к берегам Америки было организовано и осуществлено 48 экспедиций. В их состав входили и специальные уполномоченные, которые имели поручение от лица царской администрации «призывать в подданство ласкою и приветом» местных жителей, что обеспечивало поступление в государственную казну немалого дохода в виде натурального сбора той же пушниной.

И вот тут-то участников экспедиций ожидало интересное открытие: обнаружилось, что среди аборигенов, помимо алеутов, индейцев, эскимосов, встречаются люди совсем иного облика – бородатые, носящие «долгое платье», православные по вере и наряду с местным наречием изъясняющиеся по-русски. Уже в XVIII веке высказывалось предположение, что это были потомки российских мореплавателей, которые еще давно пристали к американскому берегу

и по каким-то причинам на родину не вернулись. Они, как свидетельствует одна из старинных хроник, соединились «с тамо жительствовавшими народами... у них поженились и расплодились».

Саамская семья в Норвегии около 1900 г.

Однако со второй половины XVIII столетия русское присутствие в Америке многократно увеличивается и активизируется. И связано это прежде всего с деятельностью созданной в 1781 году крупной компании – Северо-Восточной. Она частично поглотила мелких конкурентов из промысловых ватаг (групп) и артелей, но это не значит, что теперь пушной промысел был сосредоточен только в ее руках. Полным монополистом она не стала, и наряду с ней и ее дочерними компаниями – Предтеченской, Уналашкинской и Северо-Американской действовали также самостоятельные: Северная, Курильская и другие.

Славороссия

Северо-Восточная компания с самого начала отличалась от предшествующих ей предприятий. Конечно, как любая большая корпорация, она прежде всего была нацелена на извлечение доходов. Но, помимо этого, в сферу ее приоритетных интересов входило закрепление в Америке русских колонистов и устройство с этой целью стационарных поселений.

Именно так подходили к делу основатели Северо-Восточной компании купец Григорий Шелихов и его партнеры Иван и Михаил Голиковы.

Промысел и торговля пушниной сочетались с морскими экспедициями, призванными найти подходящие места для будущих населенных пунктов, составлением подробных карт. Так в зону освоения компании попали довольно далеко географически отстоящие друг от друга территории: остров Кадьяк, Алеутские острова, побережье Аляски и Калифорнии.

По инициативе Г.И. Шелихова представители компании подали прошение на имя императрицы Екатерины II, убеждая ее обеспечить их усилиям в Америке поддержку со стороны правительства.

По их словам, поскольку русские обзаведения (предприятия) стали первыми на новых землях, у России есть все основания распространить на них права владения.

Осторожная государыня, опасаясь международных конфликтов, воздержалась от официальной помощи Северо-Восточной компании, однако негласно поощрила практику постоянных поселений русских колонистов.

Есть документально подтвержденные данные, что были организованы стационарные пункты для проживания: территорию столбили, вкапывая в землю железные пластины «с изображением... медного креста и медными литерами слов: «земля российского владения». Это не были знаки государственной символики, и тем не менее они выполняли функцию охранно-предупредительной разметки, информирующей, что здесь находятся недвижимость и собственность, принадлежащая Российской империи.

У Шелихова были поистине грандиозные и необъятные планы. Он мыслил Русскую Америку как качественно новое, свободное от феодальных отношений и устоев продолжение России. Энергичный купец даже придумал название будущей столицы этой заокеанской части страны – Славороссия.

Внезапная смерть Шелихова помешала осуществлению его масштабных проектов. И все же начатое его стараниями дело успешно продвигалось. В 1797 году решением царского правительства взамен Северо-Восточной и еще трех компаний была учреждена Российско-Американская компания, определявшая хозяйственную жизнь Русской Америки в течение почти семидесяти лет (1799–1867).

Екатерина II в виде Законодательницы в храме богини Правосудия. Д.Г. Левицкий. 1780 г. Третьяковская галерея, Москва

Теперь Россия уже официально признала свои заокеанские владения. «Протектором колонии» был назначен зять Г.И. Шелихова Николай Резанов.

На него легла и забота о привлечении из России возможно большего числа добровольцев для переселения на постоянное местожительство в Америку.

Задача оказалась не из легких. Для ее решения даже было выдвинуто категорически отвергнутое Резановым предложение посылать в Новый Свет ссыльных, банкротов, пьяниц и прочий маргинальный элемент. Протектор настаивал на том, что ему нужны не тунеядцы и пьяницы, а люди, обладающие знаниями, владеющие профессией и готовые реально работать.

О том, каково было соотношение в Русской Америке собственно русских и аборигенов, свидетельствуют следующие цифры: на острове Кадьяк, освоенном еще во времена Северо-Восточной компании при жизни Г.И. Шелихова, в начале XIX века на 470 человек выходцев из России приходилось 5 тысяч 200 индейцев.

Русское открытие Америки шло с Востока и продолжалось в течение всего XVIII столетия. Рыбаки, охотники-промысловики проникали на острова Тихого океана, на Аляску. «Слухом земля полнится», – гласит старинная поговорка. Рассказы о Новом Свете распространялись по России и вызывали желание попытать счастье в далеком краю у многих, что обеспечивало постоянный приток переселенцев. Русские колонисты осваивали не только северные территории континента, но и продвигались по океанскому побережью к югу вплоть до Верхней Калифорнии.

Кто первый?

Сейчас сложно установить, что за москвит первым побывал в Африке. Но это был вовсе не Афанасий Никитин, который, возвращаясь в 1471 или 1472 году после своей индийской одиссеи, мимоходом (на пять дней) высадился где-то «на земле эфиопской». Сохранились глухие сведения о путешественниках из России, которые его опередили. Правда, они сошли на африканский берег севернее – в Египте.

В конце XIV – начале XV века совершил туда свое хождение архимандрит Агрефений из Смоленска. В 1461–1462 годах шесть недель в Египте провел монах Варсонофий, впоследствии ставший игуменом в Бельчице, а еще позже приглашенный в качестве духовника новгородским митрополитом.

В сочинении «Хождение архимандрита Агрефения...» главное внимание уделено описанию христианского Египта: Синаю, библейским древностям, церкви Николая Чудотворца. Вскользь касается автор и экзотической природы страны, не приводя, впрочем, названий ни растений, ни поразивших его зверей.

Торговый человек Василий, житель одного из городов на реке Оке, делится о Египте несколько иными впечатлениями, что и понятно: ведь он не паломник, а купец, и его в первую очередь занимает, что за город Каир и насколько он многолюден, какой товар есть на базаре, и т. д.

Остается догадываться, что привело в Египет ближе к концу XV века Михаила Григорьева (Гиреева) – казначея великого князя московского Ивана III. Есть предположение, что этот человек – не кто иной, как знаменитый дьяк (должностное лицо в аппарате управления времен Московской Руси) Мисюрь-Мунихин. Кстати, Мисирь или Мисюрь – арабское название Каира, в связи с чем возникает вопрос: не привез ли Гиреев с двумя страницами текста, где сравнивает дворец султана с Московским Кремлем, свое прозвище?

Дальнейшее проникновение русских в Африку приходится на середину XVI века. В 1559 году небольшое посольство, отправленное

царем Иваном IV для раздачи милостыни христианским монастырям на Востоке, достигло Александрии египетской. Наряду с духовными лицами в группу москвитов вошел смоленский купец Василий Позняков, взявший с собой и сына.

Записки Познякова содержат безыскусственный рассказ очевидца о Каире, о Синае и о путешествии с караваном верблюдов через пустыню.

Во второй четверти XVII столетия в Египет попадает купец из Казани Василий Гагара. Свое двухлетнее пребывание там он тоже отразил в записках, в которых отдал дань не только знаменитым пирамидам, но и каирскому водопроводу, снабжавшему город водой из Нила, выращиванию сахарного тростника и устройству простейшего инкубатора в виде печей, обложенных для обеспечения тепла конским навозом, что позволяло за 12 дней получать 6 тысяч готовых цыплят.

В Южной Африке на исходе XVII века появились независимо один от другого два выходца из России: москвич голландского происхождения Иоаханнес Свелленгребель и родоначальник давно известной и уважаемой семьи африканеров (буров) Илофф. Конечно, их принадлежность к русским весьма условна, а сведения о них полулегендарны, но ничто не мешает причислять обоих к жителям Капы – первого европейского поселения у самого мыса Доброй Надежды, будущего Кейптауна.

Таковы в общих чертах скудные данные о русских пионерах освоения Африки.

А дома лучше

В середине XVIII столетия развернутую информацию о Египте приводит в своей книге «Проскинитарий» духовный писатель Василий Суханов, трижды побывавший в Северной Африке. Он тоже не оставляет без внимания пирамиды и другие памятники культуры, объясняет устройство водопровода и принципы колесной подачи воды для нужд земледелия. Каир он сравнивает с Царь-градом (Константинополем), а Нил – с Окой под Серпуховом или Коломной. Интересны сведения автора о торговой жизни и о животном и растительном мире страны. Сильное впечатление произвел на него «зверь лютый» – крокодил.

В XVIII веке Африка не выпадает из зарубежных маршрутов россиян. Мало того, путевая карта включает уже не только Египет, но и страны Магриба, Судан, Эфиопию. Однако на первом месте все же остается страна пирамид, которая в первую очередь привлекает представителей духовенства и паломников, стремящихся к христианским святыням Синая.

Знакомясь с сообщениями о Египте братьев иеромонахов Макария и Селиверста, отца Андрея Игнатеева, недоучившегося студента Киевской академии Василия Григоровича-Барского, убеждаешься в том, что они соотносят увиденное в чужих краях с привычными картинами и реалиями Российской империи и вольно или невольно как бы прикидывают, могли ли бы они жить в этом пестром и многолюдном мире, где в путанице грязных, немощеных улиц шумят и кипят человеческим варевом базары, а с лавками и торговыми точками соседствуют мечети и библейские древности. Родину все они однозначно находят милее и житейскую мудрость пословицы «В гостях хорошо, а дома лучше» не оспаривают.

Отдых на пути в Египет. Орацио Джентилески,
Ок. 1626 г. Лувр, Париж

По свидетельству поручика артиллерии Манучара Качкашвили (Максима Качкачова), поездка которого в Северную Африку состоялась в 1786 году, на военной службе в Египте было много русских мамлюков – воинов-рабов. Поскольку страна находилась во власти османского султана, Турция держала здесь военные силы, сформированные из пленных, среди которых были уроженцы России и Украины. Качкачов не уточняет, сколько именно русских приходится на общее количество мамлюков, но, судя по его данным, их было много. Известно, что только после Русско-турецкой войны 1768–1774 годов не менее 400 пленных русских влились в состав египетского военного контингента.

Качкачов оказался в Африке вскоре после заключения Георгиевского трактата, по которому Россия по просьбе царя Ираклия II принимала

Восточную Грузию под свое покровительство. Поэтому грузинский артиллерист считает своим долгом предоставить полезную

информацию не только в Тбилиси, но и в Санкт-Петербург. Сохранился его доклад, адресованный князю Г.А. Потемкину, о готовности упомянутых русских мамлюков дезертировать в христианскую Эфиопию, о том, что их намерение встретило поддержку представителя этой страны, и дело теперь лишь за российско-эфиопским союзом, который гарантировал бы защиту от ответных агрессивных действий со стороны Турции.

Однако осложнение отношений с высокой портой не входило в планы русского правительства, и оно ответило отказом. По тем же причинам русская дипломатия воздержалась заключать договор с императором Эфиопии Иясу II в 1751 году, когда он обратился с предложением обменяться с этой целью посольствами.

От Каира до Капы

Россия не проводила в Африке колониальную политику, не претендовала на захват там территорий. Однако вполне понятные интересы великой морской державы вызывали необходимость географического изучения так называемого Черного континента, составления уточненных карт.

Эта миссия возлагалась, как правило, на морских офицеров вроде капитан-лейтенанта Матвея Коковцова, который обстоятельно исследовал в конце 1770-х годов североафриканское побережье, собрал большой и практически полезный материал и опубликовал по результатам своих путешествий две книги с чертежами (картами): одну («Описание Архипелага и Варварийского берега...») о Тунисе и вторую «Достоверные известия о Алжире».

В целях конспирации, чтобы его не приняли за резидента русской разведки, которым он отчасти был, Коковцов выдавал себя то за купеческого поверенного, то за французского туриста.

К третьей четверти XVIII века относится запутанная история основания в Восточной Африке, на острове Мадагаскар, русского поселения-порта с немецким названием Луисбург. Группа колонистов включала 12 человек, ведущую роль среди которых играл авантюрист и аферист венгерского происхождения Мориц Бениовский, быстро освоилась на облюбованном им уголке мальгашской земли и начала довольно бойко торговать с Капской колонией (юг Африки), Индией, странами Европы и Южной Америки.

Бениовский вскоре был провозглашен «великим королем». Он сам пустил слух, что является внуком последнего владыки Мадагаскара, сыном его дочери, будто бы коварно похищенной французами.

Коптская церковь Св. Марии (Аль-Муалляка)

Возможно, кто-то из аборигенов острова поверил в эту чушь, но самозванный король внезапно исчез, оставив своих «подданных» на произвол судьбы. Имена двух из них известны: Иван Уфстюжанинов (Устюжанинов?) и Алексей Чулочников. Как звали остальных – двух матросов и семерых подсобных рабочих, сведений нет. Уфстюжанинов и Чулочников, очевидно, были правой и левой рукой Бениовского и с его исчезновением заняли положение лидеров среди поселенцев.

Как сложилась судьба этих двух колонистов, историки выяснили. Оба благополучно вернулись в Россию. Что касается остальных, то о

них ничего не известно. Возможно, они доживали свой век на Мадагаскаре.

Сохранился документ, из которого следует, что в 80-х годах XVIII века русские мореплаватели достигали островов Маврикий, Мадагаскар и мыса Доброй Надежды со стороны Камчатки. Именно этим путем оказались на Мадагаскаре Бениовский с товарищами.

В конце XVIII столетия в России в порядке вещей была практика стажировки русских моряков на кораблях британского флота. Так еще до своих самостоятельных кругосветных путешествий в Африке и Индии в числе других морских офицеров побывали в 1797 году И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский.

Без удержу и меры

Заграничный период жизни великого русского ученого Михаила Ломоносова связан главным образом с Марбургом. В университет этого старинного немецкого города двадцатипятилетний химик и кандидат медицины из России прибыл в марте 1736 года для обучения горному делу и металлургии. Он слушал лекции по механике, гидростатике, аэрометрии, гидравлике профессора Христиана Вольфа и курс по теоретической химии профессора Ю.Г. Дуйзинга, сочетал изучение естественных наук с литературными занятиями.

Христиан Вольф обладал широким взглядом на вещи и, став наставником русского стажера, приобщил его к универсальному подходу к науке. Впоследствии Ломоносов с благодарностью отзывался о своем немецком учителе и как теоретик и практик совмещал в ученых трудах философию, логику, математику, физику, то есть придерживался именно того комплексного метода исследования, который перенимал у Вольфа.

Большое впечатление на молодого человека произвело и то, что профессор, отступая от установленных правил, читал лекции не на латыни, а на немецком языке. Позднее преподавание на родном языке станет принципиально важным нововведением, на котором настаивал Ломоносов при создании Московского университета. Как его основатель он взял за образец модель организации и содержания учебного процесса в Марбурге.

Первые три года своей заграничной стажировки Ломоносов много и плодотворно работал: подготовил две диссертации, одну по физике, другую по химии, проводил лабораторные опыты, прочитал массу нужных книг. Причем наряду с латынью и немецким освоил французский и итальянский. Он считал также необходимым брать уроки рисования, танцев и фехтования. Было у него и еще увлечение – составление библиотеки художественной литературы, чтобы познакомиться с мировой классикой в оригинале.

М. В. Ломоносов

Однако образ кабинетного ученого, который за рубежом только и делал, что не покладая рук с утра до ночи занимался лишь наукой и самообразованием, мало подходит Ломоносову. Он не щадил себя в труде, но и отдыхал и расслаблялся без удержу и меры. Ему пришлось по нраву разгульная жизнь немецких студентов, привыкших, чтобы «мозги не отсохли» от переизбытка полученных знаний, кутить и

веселиться. И Ломоносов не только от них не отставал, но и, войдя во вкус, изрядно превосходил. Картам, пирушкам, бесшабашным попойкам он предавался с истинно русским пьяным буйством и размахом. Ведь в Германии он оказался с довольно тугим кошельком. Ему сразу выдали денежное содержание вперед на целый год: 300 рублей золотом. Для выходца из бедной крестьянской семьи это была неслыханно большая сумма. Вынужденный в России отказывать себе во всем и экономить каждый грош, в Марбурге Ломоносов, полный молодых, горячих сил, как бы берет реванш и тратит деньги, не считая. В результате они вскоре заканчиваются, но кутежи продолжаются, потому что в университетских городах Германии студентам издавна предоставляется кредит, чем и воспользовался Ломоносов.

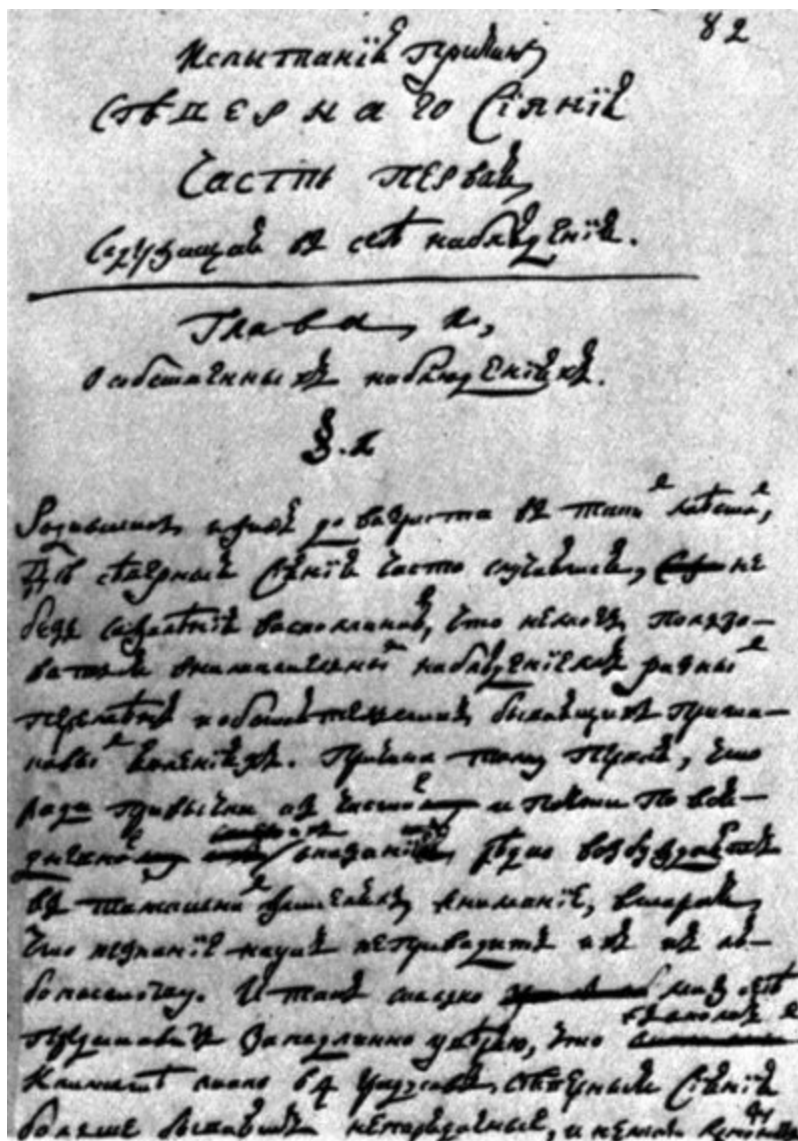
Но вот пришло время, когда у него сложилось настолько плачевное положение, что ему по решению руководства университета, согласованному с Императорской академией наук в Петербурге, пришлось покинуть Марбург. Даже расположенный к Ломоносову Вольф находит, что дальнейшее пребывание в Марбурге его русского подопечного не пойдет ему впрок, ибо он больше не должен быть предоставлен сам себе и иметь ту свободу, которой студента университета по устоявшейся традиции никак нельзя лишить.

В знак протеста

В старейшем горнозаводском центре Саксонии Фрейберге стажировка Ломоносова протекала совсем иначе, чем в Марбургском университете. Вместо прежней вольной жизни началась череда дней, подчиненных строгому распорядку. Теперь наставником русского практиканта стал горный советник Й.Ф. Генкель – хороший специалист, но человек крайне педантичный, поборник жесткой дисциплины. Тех, кто был направлен к нему с целью повышения квалификации, он держал под неослабевающим контролем и требовал от них соблюдения раз и навсегда установленных правил и режима работы.

Занятия по минералогии и металлургии, которые проводил Генкель, сводились в основном к непосредственному погружению в производственный процесс и строились как объяснения в ходе посещения рудников и металлургических заводов. Деятельного Ломоносова, давно стремившегося перейти от теории к практике, это как нельзя более устраивало. Однако он не мог отказаться от самостоятельных размышлений над теоретическими проблемами и от собственной исследовательской работы. Генкель же такую инициативу не только не поощрял и не приветствовал, но и решительно пресекал, считая, что «посторонние умствования» и побочные эксперименты мешают выполнению главной задачи – постижению профессии и отвлекают от усвоения сложных технологических моментов. После отеческих наставлений и доброжелательности Вольфа мелочная опека, бесконечные замечания и придирки Генкеля, его вмешательство во все, что делает или собирается делать Ломоносов, не могли не раздражать молодого ученого. К тому же советник, следуя предписанию из Петербурга, ограничил потребности русских практикантов в деньгах на так называемые карманные расходы и разные мелочи смехотворной суммой – 1 таллер в месяц.

В знак протеста против вторжения в его личную жизнь и фактического лишения права на независимость Ломоносов после бурной ссоры резко разрывает отношения с Генкелем и самовольно покидает Фрейберг, где провел около года.

Рукопись Ломоносова

Последствием конфликта было то, что Ломоносов начинает вынужденно скитаться по Европе, ища твердый заработок, чтобы собрать деньги на возвращение в Россию. Он пытается встретиться с русским посланником в Саксонии бароном Г.К. фон Кайзерлингом, но не застаёт его в Лейпциге. Тогда ученый принимает решение вернуться в Марбург, где его ждала невеста и где он рассчитывал на помощь друзей.

Полоса скитаний

С девицей Елизаветой Цильх Ломоносова связывали серьезные и длительные отношения. Она была дочерью его домохозяйки, вдовы марбургского пивовара, уважаемого в городе человека Генриха Цильха. Влечение друг к другу Михаила и Елизаветы было взаимным и переросло в любовь. Они договорились пожениться и вместе уехать в Россию, как только стажировка Ломоносова подойдет к концу.

После конфликта во Фрейберге русский жених некоторое время остается в Марбурге в доме невесты, и в феврале 1739 года они венчаются в местной реформатской церкви. Толком насладиться медовым месяцем молодоженам не удастся, поскольку для Ломоносова наступает полоса скитаний. Нужда в деньгах заставляет его позаботиться о достойном достатке семейства. Он не может позволить себе жить и содержать супругу, мать его будущих детей, на скромные средства вдовой тещи и отправляется устраивать свои дела во Франкфурт. Там его постигает неудача, и далее маршрут ученого лежит в Голландию. Из Роттердама он морем следует в Гаагу, оттуда – в Амстердам, но в Нидерландах, как и в Германии, существенно поправить критическое денежное положение не получается. Правда, во время своих разъездов, не сумев пополнить кошелек, Ломоносов обогатился новыми знаниями и опытом: обстоятельно изучал устройство действующих механизмов и технологию добычи руды, в Гессе и Нимзугене, стоя у плавильных печей, получал информацию из первых рук у лучших специалистов в горнодобывающей промышленности. Когда Ломоносов знакомился с тем, как поставлено дело на рудниках в Гарце в Голландии, его приняли за высококлассного инженера – настолько профессионально точные, продуманные и глубокие по содержанию вопросы он задавал.

Был ли у него шанс найти подходящую работу за рубежом и остаться там навсегда? Безусловно да. Но он не помышлял об этом, потому что не представлял себе жизни вне России.

Какие-то предложения в период его странствий по Европе ему, конечно, поступали. И не заинтересовали они его по той простой причине, что он рассчитывал в короткий срок заработать как можно больше. Однако за отсутствием таких вариантов пришел к выводу, что лучше всего возвратиться в Марбург. Теперь он готов умерить свои запросы и согласен на любой, пусть не высокий, но стабильный доход, обеспечивающий прожиточный минимум на какое-то время, до поступления финансовой помощи из Академии наук. И тогда прощай, Германия! Все помыслы и планы Ломоносова связаны исключительно с Россией, и возвращения на родину он ждет с огромным нетерпением.

Однако даже к жене в Марбург он попал не сразу, а почти полгода спустя. По дороге с ним приключился нелепый случай. Он остановился на ночлег в гостинице, где шумно пировали офицер-вербовщик, с десятков солдат и новобранцы. Они пригласили рослого и крепкого незнакомца присоединиться к своему застолью, и тот охотно согласился. Когда на следующее утро Ломоносов пришел в себя, на нем уже была форма рейтара, а звонкие монеты в карманах указывали на то, что отныне он должен служить в войске прусского короля. Доказывать, что его завербовали обманом, было бесполезно, и новобранец притворился, что всем доволен, и даже изобразил веселье. Тем не менее за ним был строгий присмотр, и он смог бежать из казармы лишь через пять месяцев, благополучно миновав караульный пост, где дремали часовые, и уйдя от преследовавшей его погони.

В Марбурге Ломоносов возвращается к прерванной работе по теоретической химии и физике и с разрешения своего хорошего знакомого, университетского аптекаря Детлефа Дитриха Михаэлиса, занимается опытами в его лаборатории.

Жизнь четы Ломоносовых складывается спокойно и ровно. В семье происходит пополнение: рождается дочь Екатерина-Елизавета, потом – сын Иван. Ученый счастлив в браке, но его тяготит безденежье и финансовая зависимость от родственников. Он предпринимает все новые усилия, чтобы получить из Петербурга средства на обратную дорогу в Россию.

И тут большое участие в судьбе Ломоносова принимает профессор Христиан Вольф, который прекрасно понимает, что его ученик, несмотря на репутацию шалопая и вертопраха, на самом деле в недалеком будущем станет светилом науки. С помощью этого доброго наставника Ломоносов наконец получает из академии вексель на 100 рублей. Зная нравы соотечественников и местные порядки, Вольф еще хлопочет и о том, чтобы уладить вопрос с долгами своего ученика. Без поручительства почтенного профессора кредиторы не оставили бы того в покое.

Денег едва хватило, чтобы Ломоносов отбыл в Россию один. Жена вместе с дочерью (сын умер в годовалом возрасте) приехала к мужу в Санкт-Петербург позднее.

С родиной в сердце

Чем Европа пахнет

Существенным препятствием отъезда русских за рубеж, как уже говорилось выше, долгое время оставалось общественное мнение, традиционно осуждавшее желающих по какой-либо причине покинуть Родину. Однако при Петре Великом и на рубеже XVIII–XIX веков положение дел несколько меняется. Это очевидно из «Писем русского путешественника», автором которых был писатель и историк Николай Карамзин. Из своей заграничной поездки он вынес одно главное заключение: России надо не сторониться Западной Европы, а учиться у нее.

Долгое проживание за рубежом и эмиграция в различных видах и формах постепенно становится в порядке вещей, больше не приравнивается к преступлению и все реже расценивается как повод для порицания. В то же время легальный переход россиян в другое гражданство был запрещен, а срок пребывания за границей ограничен пятью годами. Для его продления требовалось подать прошение. Если человек получал отказ или пренебрегал официальной процедурой, он терял гражданство и вместе с ним права на имущество, а при самовольном возвращении в Россию подлежал вечной ссылке.

В обеспеченной дворянской среде приходит мода на сезонное (с осени до весны) пребывание в мягком климате Западной Европы вдали от русских морозов и метелей. Не менее популярен и затяжной летний отдых где-нибудь в Альпах и на Средиземноморье.

В конце 1830-х – начале 1840-х годов известный литератор Николай Греч публикует записки путешественника сразу по восьми европейским странам. Сочинение Греча служит чем-то вроде путеводителя и справочника для многих тогдашних туристов из России.

Аристократические семьи обзаводятся собственными домами и виллами в Италии, Франции, Швейцарии, Германии, чтобы проводить там время в свое удовольствие.

Люди творческие пользуются любой возможностью, чтобы год, два, а то и несколько лет прожить в иной обстановке, в отличной от России атмосфере.

В европейских городах и курортных местечках все чаще слышится русская речь.

Подданные Российской империи оседают за границей в силу разных обстоятельств. Например, довольно велик среди русских, покинувших родное отечество, военный контингент. Это, как правило, офицеры, реже солдаты, вынужденные остаться в той или иной стране во время войн. Ранение или контузия исключали их скорое возвращение на родину. Пока их лечили, ставили на ноги, они, пообвыкнув на новом месте, обживались, заводили семьи и потом принимали решение остаться.

Портрет Н.И. Греча, ок. 1850 г.

Временная эмиграция не исключала окончательной, то есть пожизненной, но случалось и так, что последняя в силу каких-то обстоятельств прерывалась или сокращалась ввиду неожиданно представившейся благоприятной возможности возвращения на родину.

Очень распространенное явление в XIX веке – выезд за границу по медицинским показаниям. Кто-то едет на воды и грязи, кто-то для лечения в первоклассной клинике. Наиболее частый диагноз, заставлявший русских постоянно жить в какой-нибудь теплой стране, где круглый год сияет солнце, это туберкулез.

Конечно, проживание и лечение за рубежом стоили дорого, и далеко не все могли себе это позволить. Однако и в Швейцарских Альпах, и в горно-морских городах и поселках Италии, славившихся целебным воздухом, обязательно проживали состоятельные люди из России, которые не жалели средств для поправки своего здоровья.

В XIX столетии приток русских в зарубежье не ослабевает. Они оставляют родину по различным причинам и едут за границу, движимые разными целями. Тех, кто намерен навсегда связать судьбу с другой страной, обрести вторую родину, пожалуй, немного. Большинство рассматривает свое пребывание вне России как временное. Они надеются, что где-нибудь там, в благополучной Европе, им улыбнется счастье, удастся разбогатеть, и тогда не стыдно будет и возвратиться.

Заграница манила. Столько там было всего необыкновенного, неизведанного, любопытного. Ходила крылатая фраза одного из петербургских остроловов, в которой он обыгрывал слова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» «И дым отечества нам сладок и приятен»: «Дымом отечества мы уже всласть надышались – пора изведать, чем Европа пахнет».

Типичная русская диаспора того времени за рубежом представляет собой пеструю смесь из сравнительно небольшого слоя тех, кто уже пустил корни на чужбине, натурализовался, но и, приняв гражданство другой страны, не порывал связи с родиной, не мыслил себя вне России.

Большая группа заграничных русских – это приехавшие на учебу, стажировку, по тем или иным служебным надобностям, но неожиданно для себя вошедшие во вкус новой жизни и задержавшиеся сначала на месяц, потом на год, а затем и на неопределенный срок.

Наконец, еще одна категория русских, живущих за границей, – политические эмигранты. Они были неоднородны и составляли два крыла, между которыми существовали острые разногласия и расхождения. Чисто условно тех и других можно разделить на

революционеров слова и революционеров действия. Первые ставили перед собой высокие и благородные цели добиваться социальной справедливости мирными средствами, путем реформ, и им было не по пути со вторыми – бомбистами, считавшими единственно верным и возможным способом реализации своих туманных идеалов террор и насилие. Как первым, так и вторым возвращение на родину грозило тюрьмой и ссылкой. Они и без того уже были лишены царским судом всех прав гражданского состояния, а нередко еще и приговорены к вечному изгнанию из России. Следовательно, по законам империи, вернувшись, подлежали немедленному аресту как государственные преступники, что оставляло им выбор всего из двух вариантов: сидеть за решеткой и отбывать наказание на родине или пожизненно пребывать за рубежом. Разумеется, при всей готовности к самопожертвованию они предпочитали второе.

Некая константа

«Кто был в Италии, тот скажет «прощай» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю». Эти слова принадлежат классику русской литературы Николаю Гоголю.

Когда солнечная Италия стала для обитателей снежной Московии земным воплощением рая, определенно сказать трудно. Еще при великом князе Иване III в XV столетии прибывшие на Апеннинский полуостров из далекой России гости восхищались теплым климатом страны, местной кухней, разнообразными природными и рукотворными (художества) красотами.

Вид Венеции. Рио-Марина. Ф.Р. Унтербергер

Сохранились и старинные предания о праведном муже Антонии Римлянине, который приплыл из Рима в Великий Новгород. Согласно апокрифическим (недостоверным, не нашедшим подтверждения) текстам XII–XVI веков, гость из Италии почувствовал себя на Руси не чужим, а своим, и как свой был принят местными жителями.

Духовная близость и культурное родство Италии и России – это некая константа, которая не оспаривается ни в той, ни в другой стране.

Но, пожалуй, подлинное открытие русскими Италии приходится на XIX век. Кто только не приезжал тогда на родину Данте и Рафаэля с родины Рублева и Пушкина!

Позапрошрое столетие – это время активного взаимодействия народов и культур двух стран, о чем написано очень много.

В течение XIX столетия выявились и главные центры сосредоточения и притяжения русской диаспоры в Италии. Это в первую очередь, конечно, Рим, Флоренция и Неаполь. Но наряду с ними русские колонии складывались и в других городах и живописных местечках страны, включая большие и малые острова.

Именно в XIX веке в России была невиданная мода на Италию. Туда ехали путешественники и искатели приключений, уже состоявшиеся и будущие художники и литераторы, артисты и музыканты, школяры с родителями и гувернерами, студенты и вступающие в самостоятельную жизнь университетские выпускники.

Если учесть, что Италия в те годы была не единой, а раздробленной, то только русский дипломатический корпус представлял немалый штат и был рассыпан по разным городам.

Известно немало случаев, когда русские, прибыв в Италию не по делам службы, а, например, на стажировку или лечение, задерживались там надолго, и это долговременное проживание за рубежом превращалось как бы в полуэмиграцию. Их не смущало и не тяготило постоянное проживание вдали от родины. В Италии они себя чувствовали комфортно. Им там хорошо работалось и отдыхалось. Они обросли обширным кругом дружеских связей, знакомств, освоили язык, нравы, обычаи, традиции страны. Так зачем же было торопиться с возвращением? Ведь родина, как сказал один из таких русских итальянцев, закончивший свои дни в любимом им Турине, никуда не денется.

Притягательная Флоренция

Во времена императрицы Анны Иоанновны потомок древнего княжеского рода Михаил Голицын по влечению сердца тайно женился на незнатной итальянке. Влюбленный аристократ не только не обратил будущую жену в православную веру, но в приливе чувств сам принял католичество. В наказание за такую дерзость и провинность Анна своей монаршей властью повелела немедленно расторгнуть этот брак, супругу князя выслать из России, а его самого насильно произвести в шуты. И он еще легко отделался! За подобные вещи можно было угодить в вечную ссылку, а то и лишиться головы на эшафоте. Ведь отказ от веры приравнивался к измене родине и расценивался как очень тяжкий проступок.

Улица во Флоренции в дождь. К. Коровин. 1888 г.

Однако на исходе XVIII и в XIX столетии утверждается довольно снисходительное отношение светских и церковных властей к перемене вероисповедания. Так, в царствование Александра I, в 1817 году, семейство графа Дмитрия Бутурлина беспрепятственно переезжает на

постоянное место жительства в Италию, причем это не связано ни с дипломатической, ни с какой-то другой миссией. К тому времени Бутурлин уже несколько лет жил там как частное лицо и был свободен от дел службы. Поехать в теплые края ему порекомендовали врачи, поскольку он жестоко страдал от астмы, и климат Апеннинского полуострова идеально подходил для укрощения болезни.

Восприимчивый ко всему прекрасному, знавший толк в изящных искусствах, Бутурлин особо не колебался, решая, куда держать путь. Наиболее притягательна для него была Флоренция. Туда и отправилось семейство.

Супругу же графа в Италию влекло другое. Она попала под большое влияние религиозного философа Жозефа де Местра. Он был посланником сардинского короля в России и, часто посещая дом Бутурлиных, излагал хозяйке свои клерикальные взгляды. Графиня до того прониклась его идеями, что в конце концов уже на итальянской земле (1825) перешла в католичество, и ее примеру последовали дочери и старший сын.

Сам граф Бутурлин твердо держался за православную веру, как и его младший сын Михаил.

Во Флоренции Бутурлины приобрели большой особняк на виа деи Серви, где была устроена домовая церковь.

В своем палаццо, возведенном одним из зодчих эпохи Возрождения, граф хлебосольно, совсем по-московски принимал гостей, особенно соотечественников. Как правило, приезжие из России рано или поздно оказывались в гостеприимном доме Бутурлиных и потом уже до конца своего пребывания во Флоренции бывали у них и посещали храм.

Страстный любитель книг, граф собрал во Флоренции обширную библиотеку, которая насчитывала 33 тысячи томов.

Вторым именитым русским семейством, обосновавшимся в Италии, были богатые промышленники, владельцы заводов на Урале – Демидовы.

Николай Демидов, приехав во Флоренцию в 1810 году в качестве российского посланника в Великом герцогстве Тосканском, окончательно поселился в этом городе искусств через 12 лет, посчитав, что лучшего места для жизни не найдет. К этому времени ему уже почти пятьдесят. О продолжении придворной карьеры он больше не

думает, тем более что баснословное состояние позволяет ему не только жить с размахом, ни в чем себе не отказывая, но и широко заниматься меценатством и благотворительностью. Он не скупился на щедрые пожертвования, предоставлял огромные суммы в пользу бедных и нуждающихся. В то же время, находясь в Италии, Н.Н. Демидов не терял контроль над горнозаводским делом на Урале, умело направлял его и приумножал свой и без того колоссальный капитал.

Дворец, который был построен для русского богача близ Флоренции, в Сан-Донато (по названию находившегося по соседству с виллой аббатства), при всей роскоши и великолепии не произвел особого впечатления на местных жителей. Покупка им за два миллиона рублей княжеского титула не прошла незамеченной, но тоже была воспринята всего лишь как прихоть эксцентричного миллионера и очередная газетная сенсация.

А вот добрые дела новоиспеченного князя Флоренция оценила очень высоко и приняла их как акты христианского человеколюбия и милосердия. О том, что город хранит благодарную память о русском, который на свои средства открыл приют для престарелых, аптеку, бесплатную начальную школу, свидетельствуют название площади, носящей его имя (Piazza Demidoff) и памятник князю, установленный на этой площади в 1871 году.

В Сан-Донато Демидовым было выделено специальное помещение под церковь. Она стала основным и наиболее посещаемым православным храмом во Флоренции. Всего их в XIX веке, включая бутурлинскую, было три.

Позднее племянник Николая Демидова Павел приобрел и бережно отреставрировал некогда принадлежавшую роду Медичи виллу Пратолино, а имение Сан-Донато продал. Он, как и дядя, был благотворителем и меценатом: давал деньги на дешевые столовые и ночлежные дома для бедных, выделял крупные суммы на приведение в порядок памятников старины. Герб Павла Демидова справа у главного входа в знаменитый кафедральный собор Санта-Мария дель Фьоре – дань признательности ему за финансирование работ по облицовке фасада этого грандиозного сооружения мрамором. И конечно, приезжающим во Флоренцию россиянам отрадно и приятно сознавать причастность русского человека к величайшему шедевру, объекту всемирного культурного наследия.

Царица муз и красоты

Самый знаменитый в Риме фонтан Треви служит фасадом большого, в стиле барокко, дворца – палаццо Поли. Некогда второй этаж этого роскошного здания снимала русская княгиня Зинаида Волконская.

Она родилась в в 1792 году в Турине в семье русского посланника при дворе сардинского короля. В России княгиня прожила всего лишь несколько лет и бывала там наездами. Однако московский дом Волконской на Тверской быстро занял первое место среди других аристократических салонов. Здесь собиралось избранное общество, причем не только представители высшей знати, но и литераторы, художники, музыканты. Человек искусства, наделенная сценическим и музыкальным дарованием и многими другими талантами, очаровательная хозяйка салона устраивала у себя концерты, маскарады, оперные спектакли и сама с подлинным артистизмом играла на сцене и великолепно пела. У нее был чудный голос – редкий контральто.

Великий Пушкин любил бывать у Волконской и называл ее царицей муз и красоты. Частые гости княгини – поэты Е.А. Баратынский и Д.В. Веневитинов, художники К.П. Брюллов и Ф.А. Бруни. Она живо интересовалась русской стариной и приглашала к себе известных профессоров, знатоков рукописных и печатных раритетов, археологов, с которыми свела знакомство в Обществе истории и древностей российских, куда вступила в 1825 году.

В Риме Волконская тоже устраивает что-то вроде русского салона. С 1829 года и до самой смерти, то есть в течение 30 лет, она живет в Италии и в Россию приезжает лишь дважды, чтобы повидаться с мужем и сыном.

Зинаида Волконская в костюме Танкреда. Ф.А. Бруни. 1820 г.

При столь долгом отсутствии на родине княгиня должна была, согласно установленному порядку, лишиться имущества. Но благодаря

личному покровительству императора Николая I для нее было сделано исключение: она получила разрешение на бессрочное пребывание за границей, а ее имение и прочая недвижимость в России после соответствующего оформления бумаг перешли к сыну. Государь вообще был расположен к Зинаиде Волконской и вопреки своему обыкновению даже к ее переходу в католичество отнесся снисходительно.

В Риме Волконская позднее обзавелась собственной виллой в престижной части города, близ площади Иоанна Латеранского и храма Сан-Джованни ин Латерано. Это был своеобразный музей русской культуры с огромной библиотекой и богатой коллекцией произведений искусства. В первой половине и середине XIX века эта вилла – признанный центр тогдашнего русского зарубежья. В доме княгини собирается примерно тот же круг людей, что бывали у нее в Москве. Это заезжие русские аристократы, многочисленные писатели, художники, архитекторы, композиторы, ученые. Частыми визитерами здесь были братья (один живописец, другой архитектор) Карл и Александр Брюлловы, композитор Михаил Глинка, поэт Василий Жуковский, историк Михаил Погодин, художники Сильвестр Шедрин и Александр Иванов, зодчий Константин Тон. В 1837 году у Волконской долго гостил Н.В. Гоголь.

Римский салон княгини пользовался популярностью и среди западноевропейских деятелей культуры, но для соотечественников это было нечто большее: настоящий русский уголок. Через большой сад к вилле вела «Аллея воспоминаний» с мраморными стелами в честь А. С. Пушкина, Н.М. Карамзина и других дорогих княгине людей, которых она знала, с которыми неоднократно встречалась и считала своими друзьями.

Графиня Ростопчина

При чтении повести графини Евдокии Ростопчиной «Палаццо Форли» возникает полное впечатление, что она написана итальянцем. Флоренция первой половины XIX века предстает настолько живо, детали быта, нравы, национальные обычаи, тосканский колорит схвачены и отражены с такой точностью, будто автор родился и вырос под солнцем Италии и вместе с молоком матери впитал в себя язык, культуру, звуки и запахи этой страны.

Между тем Ростопчина в Италии бывала, хоть часто и продолжительно, но лишь как путешественница. И итальянский, как немецкий, французский и английский, которыми она тоже владела свободно, был для нее языком не родным, а иностранным.

Графиня происходила из богатой аристократической семьи, получила прекрасное образование, вращалась в высшем интеллектуальном обществе, не пренебрегая, впрочем, обычными светскими развлечениями: балами, маскарадами, приемами, визитами. Еще в юные годы она обратила на себя внимание лирическими стихами о неразделенной любви. Со временем ее творчество оформилось во вполне профессиональную поэзию и прозу, и Ростопчина стала одной из самых известных в России зачинательниц русской женской словесности, хозяйкой модного литературного салона. О ее произведениях с одобрением отзывались Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Василий Жуковский.

Е.П. Ростопчина. Акварель П.Ф. Соколова. 1842–1843 гг.

Со многими знаменитыми отечественными и зарубежными писателями, художниками, композиторами она была коротко знакома и много общалась. Особенно дружеские и доверительные отношения были у нее с юных лет с Лермонтовым, который подарил ей на память альбом с такими строками:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

Очарованные ее женской привлекательностью, тонким, гибким умом и чувством юмора ей посвящали стихи Федор Тютчев, Лев Мей, Николай Огарев.

Ее семейная жизнь не сложилась. Не поладив со свекровью, с мужем она подолгу жила врозь. Постоянно окруженная толпой поклонников, имея шумный успех у мужчин, давая повод для сплетен и пересудов любовными историями и романами, связанными с ее именем, она тем не менее глубоко страдала от одиночества, от отсутствия рядом по-настоящему близкого человека, родственной души.

Упомянутая повесть Евдокии Ростопчиной «Палаццо Форли» принадлежит к остросюжетной прозе. Она посвящена итальянской жизни и судьбе последних представителей знатного тосканского рода – брата и сестры Лоренцо и Пиэррины. Эти последние отпрыски некогда блистательных маркизов Форли становятся жертвами интриг, козней и обмана со стороны их врагов, задумавших завладеть бесценными художественными сокровищами, собранными в усадьбе, и даже титулом древнего рода.

Яркие, выразительные описания, картины и образы Италии, уличные сценки, карнавальные шествия – все это дышит жизнью, а автор выступает не как сторонний наблюдатель, а как человек, который не чувствует себя чужим под итальянским небом. Со знанием дела и безупречным вкусом рассказывает Ростопчина об архитектуре и живописи Ренессанса, о выдающихся мастерах Флорентийской и Венецианской художественных школ.

Однако, отдавая должное зарубежью, Ростопчина далека от противопоставления Запада и России. Она принадлежит к той большей части русской аристократии, для которой родное отечество всегда превыше всего, лучше, ближе, дороже и милее, чем любая другая страна. И, как ни хороша Италия, графиня довольно скоро начинает там скучать и испытывать что-то вроде усталости от бесконечных музеев, достопримечательностей, круглосуточных серенад и даже от бессменно сияющего солнца. Эта согретая лучами славы литературная дама очень любила все русское, была убежденным православным человеком, и все ее стихи, пьесы, романы, повести исполнены негромкого, непафосного, но необычайно искреннего патриотизма.

Обитель муз

Италия как обитель муз привлекала десятки людей искусства из России. В Рим, Милан, Флоренцию, Неаполь, Болонью, Парму ехали учиться и искать вдохновение начинающие и маститые художники.

Самым знаменитым русским художником, которого в 1830-х годах знала вся Италия, был, конечно, Карл Брюллов. Его грандиозная картина «Последний день Помпеи» имела ошеломляющий успех. В городах, где было выставлено это произведение, его автора ждал триумфальный прием. Брюллова носили по улицам на руках, встречали музыкой, восторженными криками и ликованием. Осыпали цветами, устраивали в его честь факельные шествия. По многочисленным портретам русского живописца в газетах и журналах, стоило ему появиться в публичном месте, тут же узнавали и приветствовали громкими аплодисментами. Академии художеств всех городов искусств избрали его своим почетным членом. При пересечении границы, когда он ехал из одного итальянского княжества в другое, его беспрепятственно пропускали, не требуя паспорта.

В Италии Брюллов прожил свои лучшие годы и завершил жизненный круг. Он умер в местечке Манциана под Римом и похоронен на кладбище Тестацчо в итальянской столице.

С Италией связаны жизнь и судьба еще двух блистательных русских художников первой половины XIX века. Это мастер пейзажа Сильвестр Щедрин и великолепный портретист Орест Кипренский.

Ни тот ни другой не могли бы сравниться славой с Великим Карлом, как в знак восхищения его могучим талантом называли Брюллова современники. И все же оба его коллеги и соотечественника были необычайно популярны в Италии. Им не посвящали стихи, не устраивали оваии, но их широкая известность – факт совершенно бесспорный.

Террасы, увитые виноградными листьями, гавани, обрамленные скалами, парусники, бесшумно скользящие по синеве Неаполитанского залива, фасады домиков, тянущихся по крутому берегу, рыбаки со своим уловом, люди, занятые привычными повседневными делами, – все это необыкновенно поэтично и искусно запечатлено кистью Сильвестра Щедрина. В Неаполе и его окрестностях он работал много и плодотворно. Спрос на его картины был настолько велик, что он не успевал справляться с заказами. Художник внезапно умер в расцвете творческих сил, не дожив и до сорока лет.

Романтический образ Италии – родины искусства и свободы, по выражению А.С. Пушкина, – замечательно передан в живописи Ореста Кипренского. Им создана целая галерея выразительных портретов, в которых внутренняя сущность натуры человека, проницательное внимание к его индивидуальным особенностям мастерски усилены бытовыми деталями или фрагментами окружающего пейзажа.

Первоначально Кипренский провел в Риме и Неаполе шесть лет (1816–1822), затем вернулся в Петербург, но в 1828 году вновь уехал в Италию и оставался там уже до конца жизни. В 1836 году он женился на своей юной воспитаннице, итальянке Анне-Марии Фалькуччи и для заключения этого брака согласился принять католичество.

В Италии он получил высокое признание, участвовал в выставках, был избран членом Неаполитанской академии художеств, по заказу неаполитанского короля написал получившую высокую оценку знатоков и признание большого круга любителей живописи картину «Итальянский мальчик».

Кипренский умер в Риме от воспаления легких. На средства русских художников в церкви Сант-Андреа-делле-Фратта, где он погребен, установлена памятная стела, а автопортрет художника в почетной галерее Уффици во Флоренции подтверждает, что он входил в круг избранных мастеров живописи.

Художник из Шадринска

В краеведческом музее города Шадринска на Урале внимание посетителей непременно привлекут великолепные картины художника XIX столетия Федора Бронникова. Сразу видно, что их автор – не просто профессионал, а мастер высочайшего класса и не случайная фигура в живописи. Бросается в глаза и другая интересная особенность: большинство его полотен посвящены итальянской теме. Это характерные виды Италии, итальянские бытовые сюжеты, жанровые сцены, будни и праздники.

Какова же история этих произведений? Как они попали в провинциальный музей?

Жизнь в искусстве Федора Бронникова может служить классическим примером завидно последовательной и удачно сложившейся карьеры.

Художник родился в Шадринске в 1827 году. Его родители, люди простого звания, никак не предполагали, что их сын будет учиться в Императорской Академии художеств, добьется известности, твердого достатка и завершит свою жизнь вдали от отчего дома и от родины, в Италии.

Рано проявившийся талант к рисованию и горячее желание стать художником привели Федора в Санкт-Петербург. Юного провинциала, убедившись в его способностях, взял в ученики за кров, еду и одежду хозяин гравировальной мастерской. Это были не впустую потраченные годы – Бронников прошел отличную профессиональную школу, освоил тонкости ксилографии, постиг секреты графики, свел полезные знакомства.

Гимн пифагорейцев восходящему солнцу. Ф.А. Бронников. 1869 г.

Со временем ему удалось осуществить давнюю мечту – поступить в Академию художеств. Природное дарование плюс необыкновенные работоспособность и усердие помогают ему успешно справляться с творческими заданиями и участвовать в конкурсах, занимая первые места. Он пишет портреты с натуры, увлекается церковной живописью и постоянно совершенствует мастерство, выполняя множество этюдов. За картину «Божья Матерь всех скорбящих» для одноименной церкви в Петербурге Бронников удостоился похвалы самого императора Николая I. Но высочайший отзыв, как говорится, на хлеб не намажешь. А Бронников отчаянно материально нуждается, бедствует и недоедает. Профессор А.Т. Марков, который руководит занятиями одаренного юноши, доволен успехами своего питомца и оказывает ему всяческую поддержку: помогает деньгами, содействует в назначении ежемесячной стипендии в 10 рублей, что было большим подспорьем.

По всем академическим показателям Бронников заслуживал пенсионерства за границей, но таких претендентов было несколько. Однако он вытягивает счастливый билет – его отправляют в Италию. Ему все хочется посмотреть. Он много путешествует по стране, делает

зарисовки с натуры, копирует шедевры гениев Возрождения. Но работа работой, а молодая кровь играет, и Федор с товарищами по академии отдает должное местному вину, переходя из одной таверны в другую. Их веселые кутежи и пирушки всякий раз заканчивались громогласным пением «Вниз по матушке по Волге» и лихой камаринской с молодецким посвистом. Однажды в Сорренто они раскрасили белого пуделя местного аббата под «кардинала» и еле унесли ноги от разгневанных служек.

По завершении трехгодичной командировки Бронников представил на суд академии, как это было положено, свою большую картину – итог практики за рубежом. При ее одобрении он мог бы рассчитывать на продление своего пребывания в Италии. Однако внушительное полотно «Гладиатор-славянин, умирающий на арене цирка» (1857) не понравилось, и Бронникову предстояло возвращаться на родину, что в его планы вовсе не входило. Поэтому он с готовностью принимает предложение – выполнить роспись церкви при русском посольстве в Париже, и деликатный вопрос с новым сроком пенсионерства улаживается сам собой.

После девяти лет отсутствия Бронников привозит в Россию на суд академии картину «Квестор читает смертный приговор римскому сенатору Тразею Пету». На этот раз высокая комиссия благосклонна к художнику. Еще лучше принята его следующая работа – «Гораций читает свои сатиры меценату» (1864).

Но Бронников далек от того, чтобы почивать на лаврах. На родине он приходит к выводу, что его искусство должно быть ближе к жизни. В 1865 году художник снова уезжает в Италию с намерением параллельно с античной темой разрабатывать в дальнейшем и жанровое направление. С тех пор произведения, выдержанные в прежней академической традиции, чередуются у него с реалистическими мотивами и сюжетами. Он пишет «Мозаичистов перед судом трех в Венеции» и «Бедное семейство, выгоняемое с квартиры», «Гимн пифогорейцев восходящему солнцу» и «Старика нищего», «Алкивиада и Аспазию перед архонтом» и «Раздачу пищи бедным перед монастырскими воротами». Впрочем, и в картины на античные темы Бронников все чаще привносит правду жизни, как, например, в «Освящение гермы» (1874) и «Проклятое место» (1878). Еще острее получается у него современность: «Больной у стен

католического монастыря», «Покинутая», «Сторож на железной дороге», «Бродяга на площади Пополо в Риме», «Художники в приемной богача». Последняя картина – одна из лучших по уровню мастерства работ художника.

В Россию Бронников так и не вернулся. Он женился на итальянке и окончательно поселился в Риме. Русская тема все реже встречается в его произведениях, да и то как историческая ретроспектива. Это «Крещение великого князя Владимира» или «Встреча греческой царевны Софьи Палеолог» (обе 1883).

Прах Ф.А. Бронникова покоится на Русском кладбище в Риме. По его завещанию около 40 тысяч рублей и более 300 полотен художника поступили в распоряжение Шадринской городской управы. Сейчас картины знаменитого земляка – основное ядро художественной экспозиции местного краеведческого музея.

Родной дом нашей души

Знаменитый русский художник Александр Иванов прожил в Италии почти 30 лет (1831–1858), двадцать из которых (1837–1857) посвятил созданию многофигурных композиций, портретов, жанровых акварелей, пейзажей, бесчисленных рисунков и этюдов, ставших основой для величайшего монументального полотна «Явление Христа народу». Наиболее известные работы художника на итальянскую тему: «Эскиз в венецианских тонах», «Октябрьский праздник в Риме», «Аппиева дорога», «Неаполитанский залив у Каstellамаре».

Явление Христа народу. А.А. Иванов. 1837–1857 гг.
Третьяковская галерея, Москва

Поэт В.А. Жуковский каждое свое путешествие по Италии воспринимает как странствие по садам живописи, поэзии и быстрых страстей. В одном из его частных писем за 1833 год содержится такой отзыв: «...видел чудесный... сон – Италию». Другой поэт Е.А.

Баратынский, внезапно умерший в Неаполе, незадолго до смерти посвятил Италии последнее стихотворение.

Н.В. Гоголем под небом Вечного города написаны «Мертвые души», а Ф.М. Достоевский находит во Флоренции вдохновение, чтобы завершить роман «Идиот».

А сколько было безвестных русских, которые после странствий по дорогам Европы почти безвыездно жили в Италии! Они покидали дворянские гнезда на родине, становились вечными постояльцами отелей, пансионеров, съемных квартир, втягивались в здешний образ жизни и уже не желали менять его ни на какой другой.

Говорить о полной эмиграции было бы не всегда правильно, потому что многие сохраняли российское подданство и не помышляли о перемене гражданства. И все же немало людей и формально, *de jure*, *de lege lata* (по праву, с точки зрения действующего закона), и *de facto* (фактически) попадали под статус эмигрантов. Наплыв русских в Италию в XIX веке не прекращался. И всегда находились благовидные предлоги (дела, обстоятельства, состояние здоровья, учеба, церковная надобность и т. п.), чтобы задержаться, если позволяли средства, сверх первоначально запланированного времени, а позднее снова перенести срок отъезда и остаться еще. И так могло тянуться достаточно долго.

Италия привносит особые краски в культуру России Серебряного века (конец XIX – начало XX столетия).

Скульптор князь Павел (Паоло) Трубецкой, братья-художники Александр и Павел Сведомские, поэты Андрей Белый и Вячеслав Иванов, публицист и драматург Александр Амфитеатров, философ Николай Бердяев, писатели Павел Муратов и Михаил Осоргин – вот лишь некоторые знаменитые русские, для которых встречи с Италией стали знаковыми. Их мысли и высказывания об этой стране объясняют, почему именно туда устремилось из России после Октябрьской революции 1917 года так много интеллектуалов и людей творческих профессий, отчего так велик русский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо.

Можно было бы привести бесконечное число цитат, выразительных фрагментов из «Итальянских сонетов» В. Иванова или выдержек из «Итальянских писем» А. Белого.

Однако и те суждения П. Муратова и Н. Бердяева, которые следуют ниже, дают предметное представление о магнетизме Италии

для русского сердца.

Из книги Павла Муратова «Образы Италии» (1911):

«В Италии все важно для нас и драгоценно».

«Не театр трагический или сентиментальный, не книга воспоминаний, не источник экзотических ощущений, но родной дом нашей души, живая страница нашей жизни, биение сердца, взволнованного великим и малым, – такова Италия, и в этом ничто не может сравниться с ней».

«Мы возвращаемся из Италии с новым мироощущением слиянности начал и концов, единства истории и современности, неразрывности личного и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса...»

Из статьи Михаила Осоргина «По этапам экскурсантских мытарств» (1912):

«Иногда Италия представляется мне моей собственной квартирой. Вот ее приемная – Венеция... Вот моя библиотека и картинная галерея – Флоренция. Вот мой деловой кабинет – Милан. Вот Рим – моя святая святых, склад ценностей неизреченных, собранных моими предками и мной преумноженных... А вот мой балкон – это Неаполь».

Из очерка Николая Бердяева «Чувство Италии» (1915):

«Италия обладает таинственной и магической силой возрождать душу, снимать тяжесть с безрадостной жизни. Такова вечная, неумирающая, неразрушимая Италия».

«Нигде русский человек не чувствует себя так хорошо, как в Италии. Только в Италии не чувствует он давления и гнета».

Пешком в Париж

В биографии если не каждого пятого, то каждого шестого из просвещенных русских людей XVIII–XIX веков присутствует строка: «Учился в Сорбонне». Некоторые россияне при посещении Парижа считали нужным хотя бы избирательно прослушать несколько лекций в старейшем вузе страны, как это сделал весной 1857 года писатель Лев Толстой.

Знаменитый французский университет давал не только добротное образование, но предоставлял кров. Большое общежитие для студентов было устроено здесь еще во времена, когда Сорбонна представляла собой всего лишь богословский коллеж в Латинском квартале.

Одним из первых в Сорбонне оказался Василий Тредиаковский – поэт, филолог, известный своим новаторством в русском стихосложении.

Он родился в 1703 году в Астрахани в семье священника. В двадцать лет из-за разлада с отцом, который хотел видеть сына не иначе как своим преемником, сбежал из дома в Москву, где поступил в Славяно-греко-латинскую академию. Но по какой-то причине это первое в России высшее учебное заведение он так и не закончил, самовольно оставил учебу и отправился искать счастья за границу. Сам Тредиаковский объяснял свой побег исключительно неодолимой страстью к наукам. Тогда выходит, что все те знания, которые он мог далее получить в академии, его больше не удовлетворяли. Очевидно, амбициозный попович руководствовался девизом, который стал популярен у русских студентов Сорбонны в следующем столетии: «Единственное, что никогда не стыдно приобретать за рубежом, – это знание».

Не совсем понятно, как он беспрепятственно покинул пределы Российской империи и, минуя государственные границы, добрался до Голландии. О том, что этот бедный и беглый молодой человек был очень целеустремленным и настойчивым, свидетельствует его путешествие от Гааги до Парижа. Весь путь занял у него около месяца, потому что за отсутствием средств он шел пешком, а дорогу, верный мудрой русской народной присказке: «Язык до Киева доведет», спрашивал у встречных прохожих. И вот наконец Василий у цели — перед ним лежит столица Франции.

Как он покорил Париж и стал в 1727 году студентом Сорбонны и секретарем посла России князя Бориса Куракина — загадка. По-видимому, в первую очередь ему помогли находчивость, упорство и

незаурядные способности. Вероятно, французский давался Тредиаковскому легко. Иначе другой русский студент – Василий Ададуров, который уже несколько месяцев прожил в Париже, не предложил бы ему разделить с ним комнату в обмен на обязательство практиковаться в языке.

Эти двое – не единственные в ту пору студенты из России. В записках Тредиаковского бегло упоминается, что на Новом мосту было постоянное место встреч соотечественников, но как много их было и сколько именно, он не сообщает.

В университете В.К. Тредиаковский прослушал в 1727–1730 годах курсы лекций по математике, философии, богословию, совмещая свои занятия с работой у Куракина. Однако при этом он много гулял по Парижу, развлекался, посещал злачные места и, как и положено русскому человеку, отчаянно скучал по родному отечеству, а чтобы унять тоску, слагал «Стихи похвальные России».

Оказавший гостеприимство Тредиаковскому В.Е. Ададуров – тоже вполне состоявшаяся личность. Он – видный филолог, математик, писатель и переводчик, автор первой русской грамматики.

В Сорбонне учился известный философ, филолог, теоретик архитектуры, путешественник, участник Войны за независимость США Федор Каржавин. В Петербург он возвращался вместе с начинающим зодчим Василием Баженовым. Тот прошел длительную стажировку (включавшую пребывание в Италии) в Парижской академии художеств.

Куратором и покровителем русских студентов во Франции был посланник Петербурга «со степенью полномочного министра» Антиох Кантемир – блистательный поэт и искусный дипломат. Он занимал пост русского резидента в Париже с 1738 по 1744 год – до самой своей смерти, причиной которой, возможно, был яд.

Вне конкуренции

(Уже в XIX веке первое место в тогдашнем русском зарубежье устойчиво занимает Франция. Эта страна долгое время остается вне конкуренции как прибежище эмигрантов из России всех мастей и играет особую роль в судьбах миллионов русских людей.

Как ни странно, притягательность для россиян Франции после Отечественной войны 1812 года не уменьшилась, а даже увеличилась.

Однако к фактам. За бесславным отступлением войск Наполеона из Москвы последовал заграничный поход русской армии, и император Александр I верхом на белом коне лично возглавил триумфальное вступление русских в Париж. Интересно, что между победителями и побежденными изначально установились не враждебные, а приятельские отношения. Как тогда говорили, русские покорили Париж, а Париж покорила русская армия. Офицерам и солдатам открылись многие привлекательные стороны французской жизни, тем более что обоюдная симпатия значительно облегчила и упростила сближение и взаимопонимание.

В памяти участников заграничного похода навсегда отложились яркие картины увиденного ими за рубежом. И наибольшее впечатление своим политическим и социальным устройством, общими порядками и установлениями и, конечно, обилием всевозможных развлечений, увеселений, доступных любому человеку, произвела Франция.

На французской реке. Фриц Таулов. 1893 г.

Впоследствии, уже спустя много лет после возвращения на родину, многих русских тянуло вновь окунуться в парижскую жизнь, побывать в опере или драматическом театре, посидеть в уютном ресторанчике за бокалом хорошего вина, посетить музеи и художественные галереи, побродить по знакомым улицам, порыться в знаменитых книжных развалах на набережной Сены...

Для дворянства и образованной публики, которую в России было принято именовать интеллигенцией, время от времени выезжать во Францию и приобщаться к сокровищам мировой культуры, практиковаться в языке со второй половины XIX века стало не только модой, делом престижа, но и настоящей потребностью.

Заманчивый образ

Именно Франция принимает в XIX столетии наиболее заманчивый собирательный образ зарубежья, где найдется место всякому русскому человеку.

Разные жизненные обстоятельства заставляли русских людей навсегда или подолгу находиться вне родины. Например, революционеры Александр Герцен и Михаил Бакунин живут во Франции как политические эмигранты. Возвращение в Россию равносильно для них добровольному согласию на тюремное заключение.

А вот всемирно известный писатель Иван Тургенев годами и десятилетиями делит жизнь между Россией и Францией по причине личного характера. Однажды и на всю жизнь он страстно влюбился во французскую оперную певицу, испанку по национальности, Полину Виардо, и с тех пор его судьба тесно связана с этой женщиной. Она была замужем, отказывалась оставлять семью, но не порывала и с Тургеневым, относясь к нему неизменно тепло, участливо и не просто по-дружески, а более чем благосклонно, постоянно давая надежды на совместное будущее и не желая с ним расставаться, как бы держа про запас. Вряд ли придет в голову, что знаменитые «Записки охотника» написаны не в России, а во Франции, но это так.

Порой, знакомясь с биографиями конкретных людей, трудно провести черту между эмигрантами и неэмигрантами, потому что сама эта граница, как уже отмечалось выше, довольно условна. Ведь многие россияне, подолгу живя в той же Франции, но имея возможность в любой момент вернуться при желании на родину, строго говоря, отличались друг от друга только наличием или отсутствием российского подданства. Но русскими и гражданами России осознавали себя и те и другие.

Пары, катающиеся на коньках. Гравюра. XIX в. Франция

Русская Франция неоднородна по человеческому составу, и было бы неверно представлять ее сплошь из оппозиционеров и вольнодумцев, которым, подобно Герцену, путь на родину был закрыт.

Среди эмигрантов были настоящие аристократы по происхождению и бунтари по духу, по убеждениям, например, один из

идеологов анархизма князь Петр Кропоткин, известный также как видный географ, ученый-естествоиспытатель и путешественник.

Фигура куда более мелкого масштаба – другой представитель эмигрантской аристократии, князь Н.И. Трубецкой. Он никогда не был борцом с царским режимом, но приобрел репутацию критика самодержавия благодаря резким высказываниям и демонстративным переходом из православных в католики.

В числе эмигрантов оказывались и случайные люди вроде офицера в отставке И.И. Савича. Он ничем себя в глазах царских властей не скомпрометировал, а эмигрантом стал по недоразумению: в 1848 году находился во Франции, и его застала там революция. Из-за этого Савич не вернулся в срок в Россию и сам себя считал неблагонадежным гражданином, нарушившим закон пребывания за рубежом и тем самым совершившим преступление.

Имущие и неимущие

Франция и ее сердце Париж притягивали многих русских из мира науки, литературы и искусства. Их пребывание, как правило, было непродолжительно: от двух недель до месяца. Но затем нередко следовали повторные приезды.

Бывало, что ученые из России проводили во Франции по несколько лет, как, например, математик и механик Михаил Остроградский.

«Шесть лет, проведенные в Париже, – делился он позднее воспоминаниями с друзьями, – для меня – как успешное окончание шести университетов. Так много я почерпнул знаний в этом городе».

Во Франции плодотворно работали и со взаимной пользой общались с французскими коллегами химики Николай Зинин, Александр Бутлеров, Владимир Лугинин, математики Пафнутий Чебышев и Софья Ковалевская, географ Михаил Венюков, экономисты Виктор Порошин и Людвиг Тенгоборский, политолог и социолог Максим Ковалевский, микробиолог и эпидемиолог Николай Гамалея, историк Сергей Соловьев и его сын Владимир – философ с мировым именем.

Почти тридцать лет (1887–1916) прожил во Франции биолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии Илья Мечников. В Париже ему, уже известному ученому, была предоставлена лаборатория самим отцом современной

Парижское кафе. К.А. Коровин. Конец 1890-х

Многолетняя жизнь и работа связывают с Францией географа, геолога и путешественника Петра Чихачева. Он, как и Мечников, был избран действительным членом Парижской академии наук.

Встречаясь с соотечественниками, Чихачев признавался, что в Париже ему легко дышится и вдохновенно работается.

Подобные отзывы русских о французской столице попадают постоянно, причем эти высказывания вовсе не обязательно

принадлежат людям благополучным и устроенным. Многие эмигранты, которым приходилось жить в дешевых пансионах на парижских окраинах, а то и ютиться в ночлежных домах и грязных притонах, не чувствовали себя отбросами общества. Для них не были закрыты двери ни Славянской библиотеки в Париже, основанной по инициативе князя И.С. Гагарина, ни Русской библиотеки, созданной писателем И.С. Тургеневым как читальня для малоимущих и носящей его имя, ни Русской высшей школы общественных наук – свободного учебного заведения, организованного в начале XX века за счет добровольных пожертвований состоятельных людей.

Низы русской эмиграции, то есть люди без титулов, капиталов и званий, были вхожи на собрания, концерты, диспуты в этих центрах культурной и научной жизни, свободно участвовали в чтениях, которые там часто проводились. Словом, русская эмигрантская среда дореволюционной поры была более дружной, открытой для новых лиц и демократичной, чем та, которая появилась в той же Франции после 1917 года.

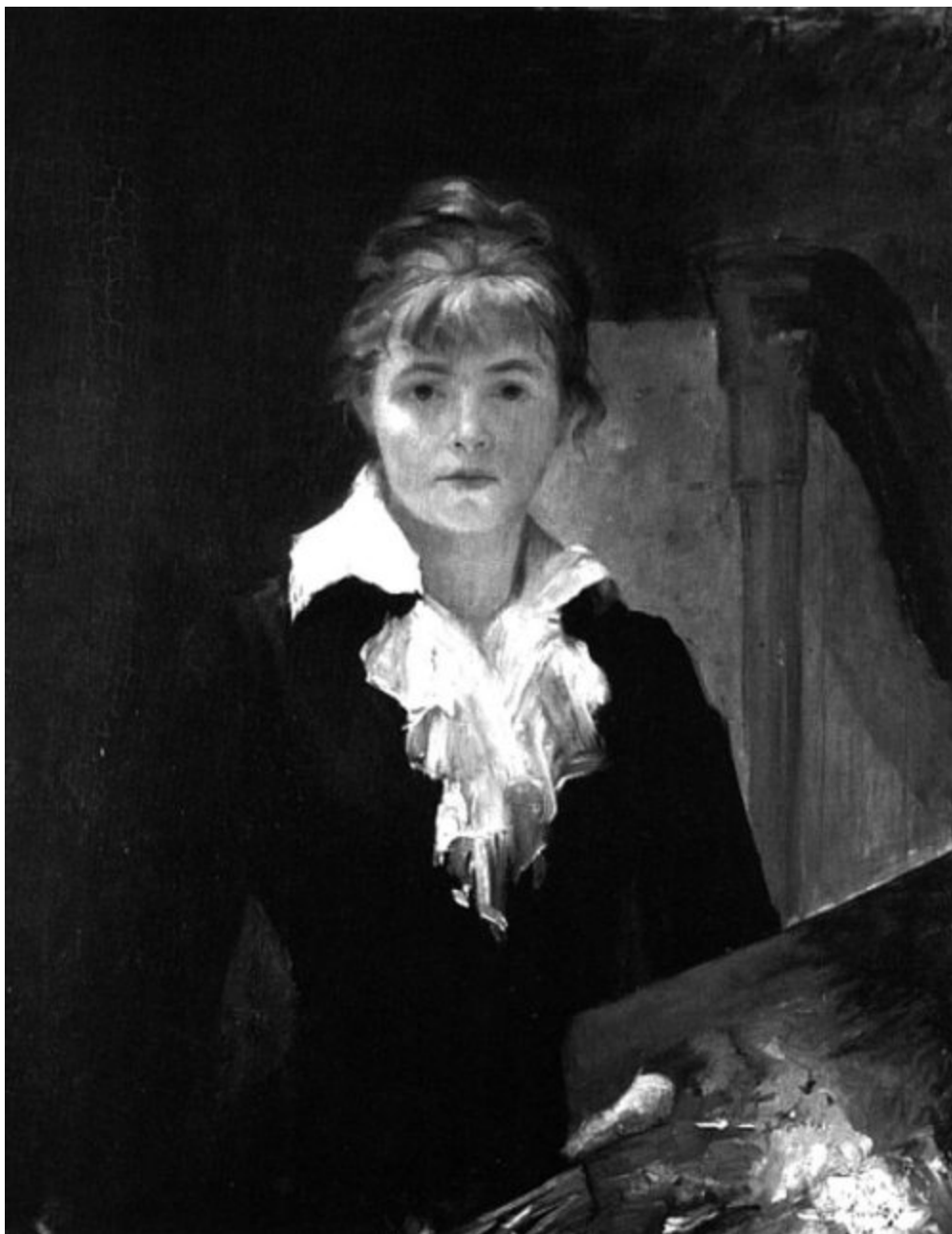
Имени Марии Башкирцевой

Одна из улиц Ниццы носит имя Марии Башкирцевой.

Какое-то время популярность этой русской женщины во Франции была очень велика. Она ярко и жадно прожила свою короткую жизнь и оставила по себе память и след, которые до сих пор привлекают к ней внимание.

Мария Башкирцева родилась в 1858 году на Украине в дворянской семье. Еще в подростковом возрасте она заболела туберкулезом, и мать привезла ее в Ниццу в надежде, что целебный воздух Лазурного Берега плюс курс лечения вернут дочери здоровье.

С детства Мария увлекалась музыкой и рисованием. У нее были отличные вокальные данные. Но из-за болезни к девятнадцати годам она потеряла голос – чудесное, редкое сопрано и больше петь не могла. Зато как художница проявила себя в полной мере. Окончив экстерном (за два года вместо семи положенных) частную Академию живописи Рудольфа Жулиана в Париже, Башкирцева стала регулярно участвовать в выставках. Ее картины были представлены и на очередном Салоне, куда ежегодно отбирались лучшие произведения изобразительного искусства.

Автопортрет с палитрой. М. Башкирцева. 1880 г.

Ее заметили! О ее картинах лестно отзывались Эмиль Золя и Анатоль Франс. Еще более высоким признанием таланта художницы было приобретение некоторых ее работ Лувром.

Она спешила жить, много работала, страдала от несчастной любви и снова влюблялась... Свои мысли, чувства, мечты, надежды, разочарования Мария откровенно и искренне поверяла дневнику,

который вела на французском языке с двенадцати лет и до самой смерти. Впоследствии ее записки будут опубликованы и принесут автору не меньшую известность, чем картины.

Башкирцева сожалела, что ее литературный дар никому не ведом. «Однажды, – пишет она в дневнике, – я проснулась, ощущая потребность, чтобы какой-нибудь знаток оценил по достоинству, как красиво я умею писать». Ей хочется, чтобы мир узнал, насколько она умна и разносторонне талантлива. Может быть, именно с целью показать себя во всем литературном блеске Башкирцева сочинила и отправила анонимное письмо Ги де Мопассану. Он ответил ей. Завязалась переписка. Марии удастся заинтересовать и заинтриговать своего адресата, на чем она и останавливается, так и не открывшись ему.

Она не была красавицей, но умела нравиться. Ее шарм и обаяние отмечали все, кто с ней общался. У нее были романы, но не было настоящей любви. И всю свою нерастраченную силу чувств Башкирцева обратила в творчество. Лучшие из ее творений – «Молодая женщина с букетом сирени», серия «Три улыбки», «Митинг» (изображена ватага что-то горячо обсуждающих мальчишек), «Весна». Не ограничиваясь живописью, она успешно пробует себя в ваянии. Ее скульптуры так же притягательно таинственны своей недосказанностью, как и картины.

Когда она уставала, когда болезнь одерживала над ней верх, спасительным местом была Ницца. «Я люблю Ниццу; Ницца – моя родина, – признавалась Башкирцева, – в Ницце я выросла, Ницца дала мне здоровье, свежие краски. Там так хорошо!»

Чухотка оборвала ее жизнь, когда ей было только двадцать пять лет. Но и за столь короткий век, который был ей отмерен, Башкирцева многое успела. Она создала более 150 картин, не считая эскизов, рисунков, акварелей. Основная часть ее наследия, возвращенная после смерти художницы (1884) на родину, была безвозвратно утрачена в годы революции и Второй мировой войны. Те работы, что сохранились, находятся сейчас в музеях Франции, России, Украины, а также в частных коллекциях в разных странах мира.

В своем дневнике она грезилась о славе. Ее мечта сбылась. Так мало прожив, она достигла не только истинного мастерства, но и бессмертия.

Заметая следы

Как бы ни была мила Франция сердцу многих русских эмигрантов, это вовсе не означало, что они безоговорочно стали франкофилами и, впадая в эйфорию, идеализировали страну Вольтера и Марата. При всем своем шарме Франция не только очаровывала, но и разочаровывала. Впервые побывавший в Париже летом 1862 года Федор Достоевский быстро разобрался, что ему не по душе, и в письме литературному критику Н.Н. Страхову так передал свои впечатления: «Француз тих, честен, вежлив, но фальшив, и деньги у него – все. Идеала никакого. Не только убеждений, но даже размышлений не спрашивайте. Уровень общего образования низок до крайности...»

Во второй половине XIX века во Франции сошлись два русских мира: эмигрантский и придворный. Последний обосновался на Лазурном Берегу. Вдова Николая I императрица Александра Федоровна желала приобрести в Ницце, в бухте Вильфранш, землю для Российского императорского дома. И обошлось она ей, по преданию, всего лишь в нитку жемчуга. Так было положено начало созданию на юге Франции популярного в среде высшей русской аристократии курорта и всей Французской Ривьеры. Ну а рассказы о том, что русские появились в этом райском уголке Франции чуть раньше французов, но позднее, чем римские легионеры, это, конечно, шутка, веселая байка, которую, однако, охотно подхватили местные гиды.

Русская элита (сливки общества, высшая аристократия) жила в Ницце своей жизнью и будто бы не соприкасалась с эмигрантской диаспорой.

Портрет императрицы Александры Федоровны. Н.К. Бондаревский. 1907 г.

Но на самом деле те 400 близких ко двору русских семей, которые обзавелись землей и жильем в Ницце, были связаны с некоторыми из эмигрантов родственными узами или многолетней дружбой. Теперь вдали от России судьба опять свела их вместе, и кто-то из лиц

избранного круга так и не решился, а кто-то отважился и счел возможным возобновить прерванные контакты и прежние взаимоотношения.

Однако к началу XX века состав русской политической эмиграции существенно обновляется и меняется за счет членов экстремистских партий и организаций. По сути, если отбросить ложный пафос и риторику, это были криминальные элементы, которые сбежали за границу, заматаывая следы совершенных ими на родине преступлений. Именно в это время словосочетание «революционер из России» в глазах западноевропейского обывателя равнозначно понятию «террорист». Действительно, концентрация во Франции боевиков, бомбистов, участников актов насилия от вооруженных ограблений до убийств должностных лиц или покушений на них столь велика, что вызывает серьезное беспокойство и озабоченность французских властей.

Даже сравнительно безобидная партийная школа для рабочих активистов в местечке Лонжюмо под Парижем, созданная В.И. Лениным и его соратниками, пользуется дурной славой как место, где проходят курс обучения террору.

На самом деле слушателям всего лишь читались здесь лекции по политической экономии, истории, теории и практике социализма и т. п. Правда, сама эта школа финансировалась на деньги от называемых эксков (от слова «экспроприация» – принудительное изъятие) – налетов на почтовые поезда, кареты, казначейства, банки, магазины, конторы заводов и фабрик. Похищение денег было с размахом организовано от Кавказа до Урала, сопровождалось кровью и человеческими жертвами, и революционной романтики в этих нападениях было не больше, чем в уголовных преступлениях бандитов и разбойников с большой дороги.

В Туманном Альбионе

Русская эмиграция не была локализована и привязана к какой-то одной стране. Такие политические эмигранты, как А.И. Герцен, М.А. Бакунин или П.А. Кропоткин активно перемещались по Западной Европе, и это относится и к другим изгнанникам из России. Сколько-то лет они, допустим, жили во Франции, затем перебирались в Англию, оттуда – в Германию, подолгу оставались в Швейцарии, а позднее снова оказывались во Франции или в Англии. Для Герцена и его друга Огарева это особого труда не составляло. За границей они не бедствовали, ибо оба сумели вовремя продать свою недвижимость в России и перевести капитал во Францию, что обеспечило им вполне безбедное существование.

В Великобритании к концу XIX века сложилась компактная община русских политэмигрантов численностью свыше 9,5 тысячи человек. Они сосредоточились главным образом в трех крупных промышленных городах – Лондоне, Лидсе и Манчестере. Правда, кроме русских, среди них были и поляки, участвовавшие в революционном и национально-освободительном движении, и, преследуемые царизмом, вынужденные покинуть Россию.

Первые русские (если не считать дипломатов и купцов) ступили на английскую землю еще в начале XVII столетия. Это были молодые люди из хороших семей, посланные царем Борисом Годуновым обучаться наукам и набираться на Западе ума-разума.

В стране Туманного Альбиона им настолько понравилось, что они пожелали остаться и стали «невозвращенцами».

В XIX веке столица Великобритании – центр свободной русской печати. Именно отсюда «звонит» «Колокол» – газета, издаваемая для тайного распространения в России друзьями и единомышленниками А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Из Лондона исходят и попадают на родину альманах «Полярная звезда», сборники «Голоса из России», журналы «Накануне», «Народоволец», «Хлеб и воля», доносившие до соотечественников вольное русское слово.

Традиция брать под защиту инакомыслящих существует в Великобритании давно и насчитывает не одно столетие. И помимо русских изгнанников и борцов с самодержавием в Англии жили тогда политэмигранты из самых разных стран.

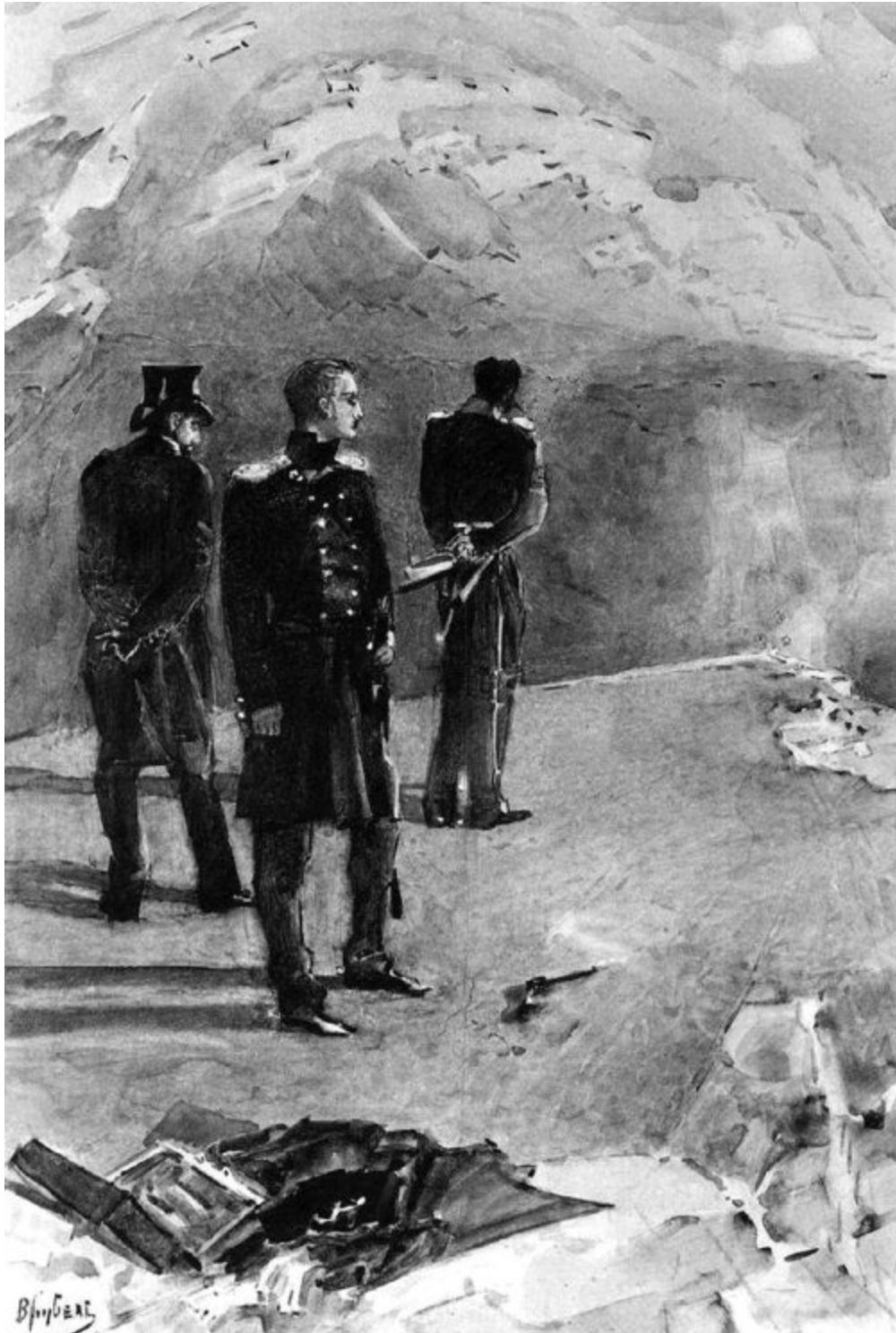
Впрочем, в Великобритании до поры до времени предпочитают искать убежище не только революционеры и лица, критически настроенные к царскому режиму, но и люди, ни в чем предосудительном не замеченные. Страна Томаса Мора и Шекспира привлекает россиян не только свободой мысли и слова, но и передовыми технологиями, рациональностью и удобством жизни. Император Александр I, побывавший в 1814 году в английской столице, сразу оценил комфорт роскошной гостиницы на Пикадилли, в которой остановился во время своего визита. Больше других новинок отеля ему понравился нигде еще не виданный ватерклозет. Во дворце английских королей это усовершенствование канализационной системы еще отсутствовало, и потому любивший удобства русский монарх наотрез отказался туда переселяться.

Англомания с начала XIX века – распространенное явление в России. Не случайно А.С. Пушкин, никогда не бывавший ни в Англии, ни вообще за границей, мечтает увидеть «Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы...», в чем и признается своему другу П.А. Вяземскому.

Эмигрант по убеждению

Владимир Печерин был из тех людей, которых иностранцы приводят в пример, говоря о загадочной русской душе. Фигура яркая, таинственная, противоречивая, он притягивал внимание как современников, так и потомков.

Родился он в Киевской губернии в семье офицера-дворянина. По окончании филологического факультета Санкт-Петербургского университета два года стажировался в Берлинском. Еще в студенческие годы проявил блистательные способности к языкам и литературному переводу. Возвратившись из-за границы, Печерин занял предложенное ему место профессора Московского университета, преподавал философию и греческую филологию. При таком хорошем старте у него были великолепные перспективы, но он пренебрег открывавшейся перед ним карьерой и предпочел навсегда покинуть Россию. Это произошло в 1836 году – как раз тогда, когда было опубликовано первое «Философическое письмо» Петра Чаадаева, взорвавшее общественное мнение в стране.

Дуэль Печорина с Грушницким.

Михаил Врубель. 1890–1891 гг.

Владимир Печерин был прообразом лермонтовского Печорина из повести «Герой нашего времени»

Между Печериным и Чаадаевым много общего. Оба разделяли утопические взгляды одного из родоначальников христианского социализма аббата Ф.Р. Ламенне, оба страдали от реалий российской жизни и выступали с резкой критикой существующих порядков и духовного застоя.

Эмиграция В.С. Печерина не была ни внезапной, ни спонтанной. Это продуманный и осознанный шаг. Как он сам признавался, его вытолкнуло из России «зрелище неправосудия и ужасной бессовестности русского быта». Он был эмигрантом по убеждению. Тоска по загранице охватила его душу с самого детства. «На запад! На Запад!» – кричал во мне таинственный голос...» – напишет позднее Печерин в своих воспоминаниях под мрачным названием «Замогильные записки». И, с блеском читая лекции в Московском университете, он продолжал думать и мечтать лишь об одном: как бы побыстрее и во что бы то ни стало бежать из России.

Его нередко причисляют к антипатриотам. В обширном творческом наследии этого оригинального литератора и религиозного философа с трудом можно найти доброе слово о покинутой родине. Да и поведение и поступки Печерина говорят сами за себя.

Им написаны строки:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтожения!

Он испытывал настоящий «страх России» и называл оставленное отечество Некрополисом – городом мертвых, который не имеет никаких перспектив для своего развития.

Запоздалое прозрение

Декларируя нелюбовь к родине, Печерин на самом деле продолжает любить ее, но той «странною любовью», которая характерна для его великого современника поэта Михаила Лермонтова и для многих других мыслящих россиян. Печерин испытывает острую нравственную боль от своего бессилия что-либо изменить, исправить, улучшить в родном отечестве, но пройдут годы, и он будет не менее жестоко страдать из-за несбывшегося ожидания найти идеальную жизнь на Западе.

Возврата на родину больше нет. Он принимает католичество. Его лишают российского гражданства. Четыре года экс-профессор скитается по Европе. Из Франции его высылают как подозрительного человека, от которого можно ждать чего угодно. Он нищенствует, ведет жизнь бродяги, берется за любую черную работу, не отказываясь быть разносчиком или продавать ваксу. А уж грошовые уроки или службу камердинером у капитана английского флота считает просто полосой везения.

Его жизнь складывается не так, как он хотел. В юности Печерин под впечатлением идей Ж.-Ж. Руссо и романтических образов Ф. Шиллера мечтал умереть за благо народа. Стремясь к духовной независимости, он, по его собственным словам, «вечно воевал за идеи».

К своему глубокому разочарованию, за рубежом Печерин столкнулся с не меньшим, чем в России, засильем зла и беззаконием. Именно это приводит его от прежнего вольнодумства и утопического социализма к религии. Он как бы платит за запоздалое прозрение. Казалось бы, его решение стать монахом парадоксально и даже абсурдно. Этого ли он желал? Этого ли добивался? К этому ли стремился?

Однако таким образом бывший вольнодумец, борец с деспотизмом, тиранией, несправедливостью, не терпящий над собой никакой власти, сурово наказывал сам себя, налагал на себя пожизненную епитимию из смирения аскезы, терпения, кротости, усердия в исполнении своих обязанностей и точном соблюдении раз и

навсегда установленного жесткого распорядка дня. Он отрекся от физической любви, собственности, свободы выбора, от ненависти, зависти, всевозможно гнета и искушений – всего, присущего мирской жизни. Его прежний темперамент проявляется в активной миссионерской деятельности, в просветительстве, энергичном отстаивании прав ирландских католиков да еще, пожалуй, в упорном изучении восточных языков – санскрита, персидского, арабского.

Монах – человек подневольный. Вряд ли в молодости Печерин представлял, что кончит свои дни в далекой Ирландии. Тем не менее именно туда его направили, и он принял это как должное. Монастырский устав предусматривал безропотное послушание, и Печерин добровольно согласился стать членом одного из монашеских орденов, где царила даже боле строгая дисциплина, чем в армии.

Собор Святого Патрика в г. Дублине

Два десятилетия его жизни прошли в Ирландии, где он служил капелланом при большой больнице в Дублине. Ему было дано заечь

огнем веры внутренний мир человека, отворить духовную дверь для общения с другими людьми, вызвать их доверие, заставить себя слушать. Он слывет искусным проповедником, умеющим найти доступ к сердцам самых заблудших и грешных. Его последний адрес: Доминик-стрит, 47. В маленьком домике на этой улице ирландской столицы Печерин вместе с любимым псом доживал свой век и умер в возрасте 78 лет.

Любезность на любезность

Когда император Александр I был в зените славы, он настолько устал от власти, что хотел отречься от престола и поселиться как частное лицо где-нибудь в Германии. Он не решился так поступить, но не свидетельствует ли само намерение, которое государь не скрывал, что в первой половине XIX века идея уехать из России столь обычна, если о чем-то вроде эмиграции подумывает даже сам царь?

Германия тогда не была единой, состояла из множества государств, и карта страны напоминала лоскутное одеяло. Однако этот фактор не оказывал большого влияния на русское присутствие. Любая немецкая земля, каждый город были хороши по-своему, и гостей из России можно было встретить в Пруссии и в Ганновере, в Мекленбурге и Саксонии, Баварии и Вюртемберге.

Русские ехали в Германию учиться и работать, лечиться и отдыхать. Кто-то совершенствовался в профессии, кто-то углублял знания и расширял кругозор, кто-то скрывался от политического преследования. Многих молодых людей, стремившихся получить современное европейское образование, привлекали немецкие университеты. Вот характерный отзыв публициста-славянофила А.И. Кошелева, проводившего в 1831 году свой отпуск в Германии: «Мысль, что я нахожусь в стране Канта, Шеллинга, Шиллера и Гете, меня приводила в восторг. Мне все казалось замечательным, разумным, прекрасным... Немецкий обед в Травемюнде найден мною отменно вкусным, а гостиницы по своим удобствам и чистоте – чуть-чуть не баснословными». На другого мыслителя и публициста – Петра Чаадаева Германия произвела сильное впечатление философским свободомыслием, которого ему так не хватало в России.

Наиболее посещаемые русскими немецкие города – Берлин и Потсдам. Еще в начале XVIII столетия в них формируется православная община, основное ядро которой составляют отборные, богатырского телосложения и двухметрового роста солдаты, посланные Петром I в дар прусскому королю Фридриху Вильгельму I. Так было положено начало русскому поселению со своим церковным приходом и священником (батюшкой).

Король со своей стороны (любезность на любезность) одарил российского царя ценными панелями из янтаря, которые уже позднее (середина 1750-х годов) были использованы при устройстве уникального интерьера знаменитой Янтарной комнаты Екатерининского дворца в Царском Селе. Такой вот получился между двумя монархами своеобразный бартер.

Подобная диаспора благополучно существовала и в начале XIX века. Известно, что в 1812 году император Александр I направил в Потсдам в знак неизменной дружбы с Пруссией целый военный хор, причем не временно, а на постоянное проживание, усилив тем самым русскую общину.

Избы в Потсдаме

Еще одна линия русского присутствия в Германии прослеживается в традиции устройства православных приходов для русских великих княгинь, выходивших замуж за немецких монархов. Достаточно себе представить, что каждое из 38 немецких государств того времени имело свою столицу, свой двор, издавало свои законы, содержало свою армию. И женитьба кого-то из местных королей, герцогов и курфюрстов на русской аристократке вела к тому, что весь многочисленный штат ее приближенных и слуг переселялся вместе с ней на новую родину.

Русская колония Александровка в г. Потсдаме

Заботясь о престиже, каждый сюзерен считал своим долгом обеспечить культовые нужды своей супруги (если она не меняла веру) и ее православного окружения. Обычно с этой целью уже вскоре после

акта бракосочетания строились временные часовни, а потом домовые церкви, становившиеся центрами притяжения для русских. В Потсдаме, например, храм Александра Невского (заложен в 1826 году) превратился со временем в средоточие всей духовной жизни русского прихода. Поблизости от церкви выросла настоящая русская деревня с колоритными деревянными избами, украшенными резными ставнями, наличниками, подзорами.

Немалое количество русских собиралось на немецких термальных курортах. В Бад-Эмс, Баден-Баден, Наухайм, Висбаден постоянно приезжали на лечение старые и новые пациенты. Одни проводили на этих курортах сезон, другие – целый год, а были и такие, что задерживались на несколько лет или на еще более долгий срок. Конечно, то была состоятельная публика, но люди с деньгами были в России не только среди законопослушных сиятельных графов, а и среди политэмигрантов, многие из которых принадлежали к классу помещиков.

Раздробленность страны предполагала в каждом из германских государств русский дипломатический корпус, а это представительство в свою очередь предусматривало содержание посольско-консульского аппарата с секретарями, референтами, переводчиками и также пребывание членов семей. Естественно, что за счет всех них русская колония в Германии заметно разрослась. Одним из тех, кто находился здесь на длительной (22 года) дипломатической службе, был знаменитый поэт Федор Тютчев. И такие классические стихи, как «Люблю грозу в начале мая...» или «Зима недаром злится, прошла ее пора...», написаны им в Баварии.

В Берлине образовалось устойчивое русское землячество из студентов-вольнодумцев и либерально настроенной молодежи. В берлинском литературно-философском салоне известной дамы света Е.П. Фроловой бывали писатель Иван Тургенев, публицист, издатель, переводчик Михаил Катков, идеолог анархизма Михаил Бакунин, историк, лингвист, литературный критик Константин Аксаков...

В немецкой столице в общей сложности почти год и четыре месяца провел классик русской музыки Михаил Глинка. Он любил этот город, говорил, что ему там хорошо. Именно здесь прошли последние дни его жизни. Дом, где скончался композитор, не сохранился, но

мемориальная доска на стоящем здесь здании отдает дань памяти русскому гению.

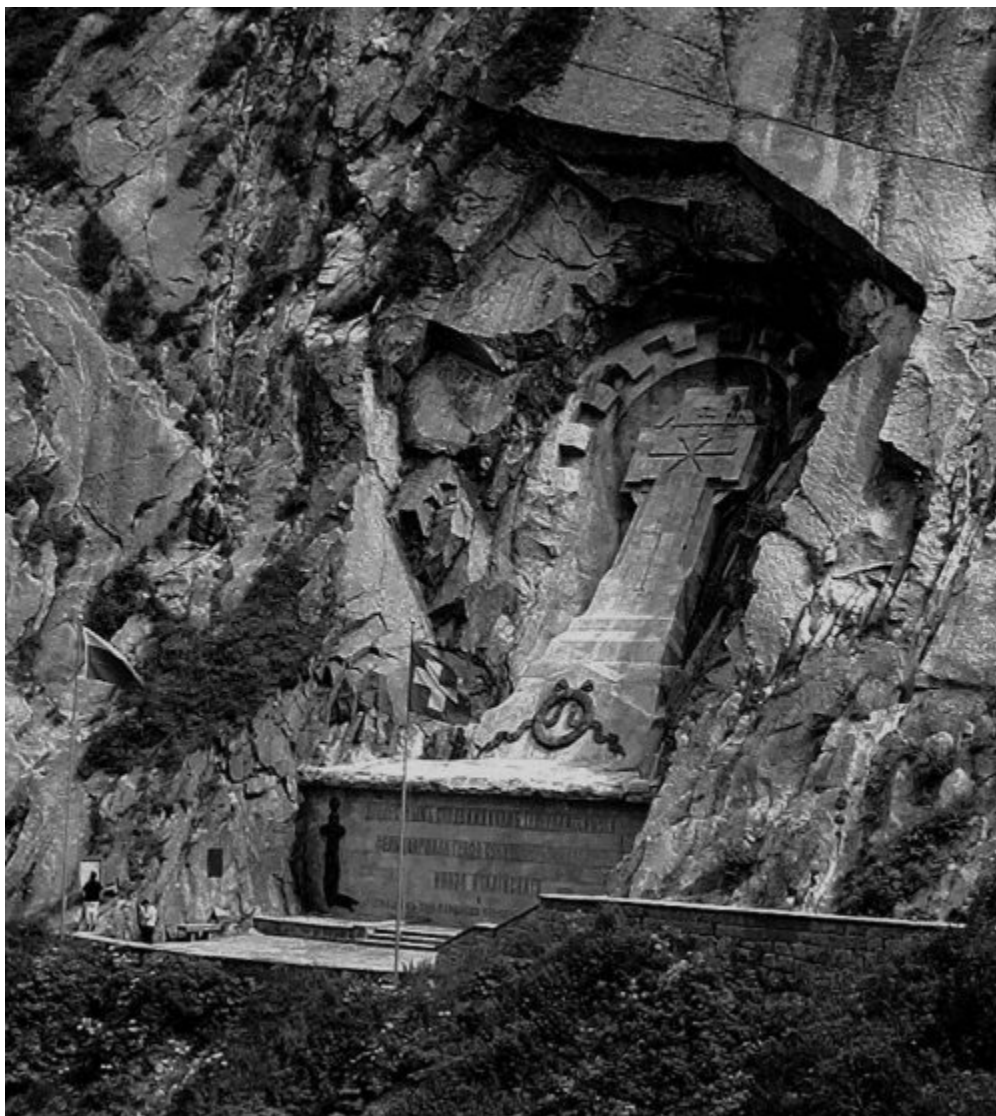
Поскольку в наиболее популярных курортных местах циркуляция русской публики наблюдалась круглый год, там тоже появились православные храмы и образовались церковные приходы соотечественников-единоверцев.

Если где-нибудь в Германии строилась православная церковь, это указывало на наличие здесь русской колонии. Так было в Людсвигслюсте, Веймаре, Ремплине, Карлсруэ, Штутгарте, Дармштадте, Мюнхене, Дрездене. Численность постоянных прихожан в русских храмах на немецкой земле сохранялась стабильной, а после объединения страны и провозглашения Германской империи (1871) даже увеличилась и в начале XX века достигла около 10 тысяч человек.

Под небом Швейцарии

В Швейцарии отчетливый русский след проступает с XVIII века. Двенадцатиметровый крест в углублении скалы близ города Андерматта с надписью на русском языке напоминает о легендарном переходе через Альпы войск А.В. Суворова в 1799 году. Есть неподалеку и маленький, устроенный энтузиастами прямо в кафе музей великого полководца. Оригинальный памятник фельдмаршалу установлен на перевале Сен-Готард. Суворов и его проводник-швейцарец Антонио Гамма похожи на этой скульптурной композиции на Дон Кихота с Санчо Пансой.

В Лозанне гид обязательно покажет группе туристов из России роскошный современный отель, на месте которого когда-то была старинная гостиница, связанная с именем фаворита Екатерины II графа Григория Орлова. Здесь, в Лозанне, в 1782 году умерла от чахотки его любимая жена. Ее последние годы прошли удивительно спокойно, и в благодарность графиня завещала городу, где она, несмотря на смертельную болезнь, знала немало счастливых дней, все свое имущество.

Мемориал в виде креста на месте перехода армии А. В. Суворова через Альпы

Красотам Швейцарии отдали должное многие русские литераторы от Н.М. Карамзина до

В.В. Набокова. Но вот Н.В. Гоголь отозвался о пейзажах этой альпийской страны без всякого восторга, о чем свидетельствует одно из его писем: «Что... сказать о Швейцарии? Все виды да виды, так что мне уже от них становится тошно, и если бы мне попало теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатою избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться как новым видом».

Но большинство русских такого сдержанного отношения не разделяли и чувствовали себя в Швейцарии очень даже неплохо. И дело не столько в живописности местной природы и целебном климате, сколько в легкости, с какой выходцам из России выдавали вид на жительство.

В 1860-х – 1870-х годах в университетах Цюриха, Берна, Женевы и Лозанны было несколько десятков студентов из России. Если на родине женское образование только делало первые шаги, и желающие учиться по специальностям медицина, философия, право, теология обычно получали отказ, то здесь никакого сексизма (ограничений и дискриминации по половому признаку) не существовало, и все факультеты были одинаково доступны и девушкам, и юношам. Именно в Швейцарии (в Цюрихском университете) успешно сдала экзамен на степень доктора первая русская женщина-врач Надежда Суслова.

Процент русских среди иностранных студентов был преобладающим и составлял с 1880-х по 1913 год от 30 до 40 процентов, причем примерно треть выпускников предпочла не возвращаться в Россию и без проблем трудоустроилась в Швейцарии.

Правда, русские студенческие колонии не вписывались в тихий, размеренный и упорядоченный уклад жизни местного населения. Если поначалу швейцарцы симпатизировали живой, активной молодежи из России, то затем не скрывали своего неудовольствия и раздражения и выражали протест, поскольку от веселых разбитных компаний было слишком много беспокойства и шума, особенно в ночное время. Жалобы обывателей на бесконечные гулянки и пирушки стали главной причиной увеличения вдвое против прежнего университетских взносов. Для некоторых русских студентов, стесненных в средствах, новая плата оказывалась непосильной. Они и без того экономили на всем, чем можно, и прежде всего на питании, что в результате приводило к серьезным заболеваниям, ослаблению здоровья на почве постоянного недоедания и даже к ряду смертных случаев от истощения. Тем не менее покидать Швейцарию, как бы туго им ни приходилось, соглашались немногие.

Транзитом или навсегда

В Швейцарии, по выражению современного писателя Михаила Шишкина, автора литературно-исторического путеводителя по этой стране, транзитом или навсегда побывала вся русская культура. И это действительно так.

Туризм, лечение, отдых, учеба, бизнес, гастроли, творческий (в поисках вдохновения) вояж, эмиграция – вот типичный набор целей и причин, приводивших русских в Швейцарию. Трудно сказать, что преобладало и кого было больше, но приток русских денег, размещение капитала в старинных банках стимулировали швейцарскую экономику и способствовали процветанию курортов, университетов, лечебниц, всей инфраструктуры.

Редкий путешественник из России, собираясь в Западную Европу, не включал альпийскую республику в свою маршрутную карту.

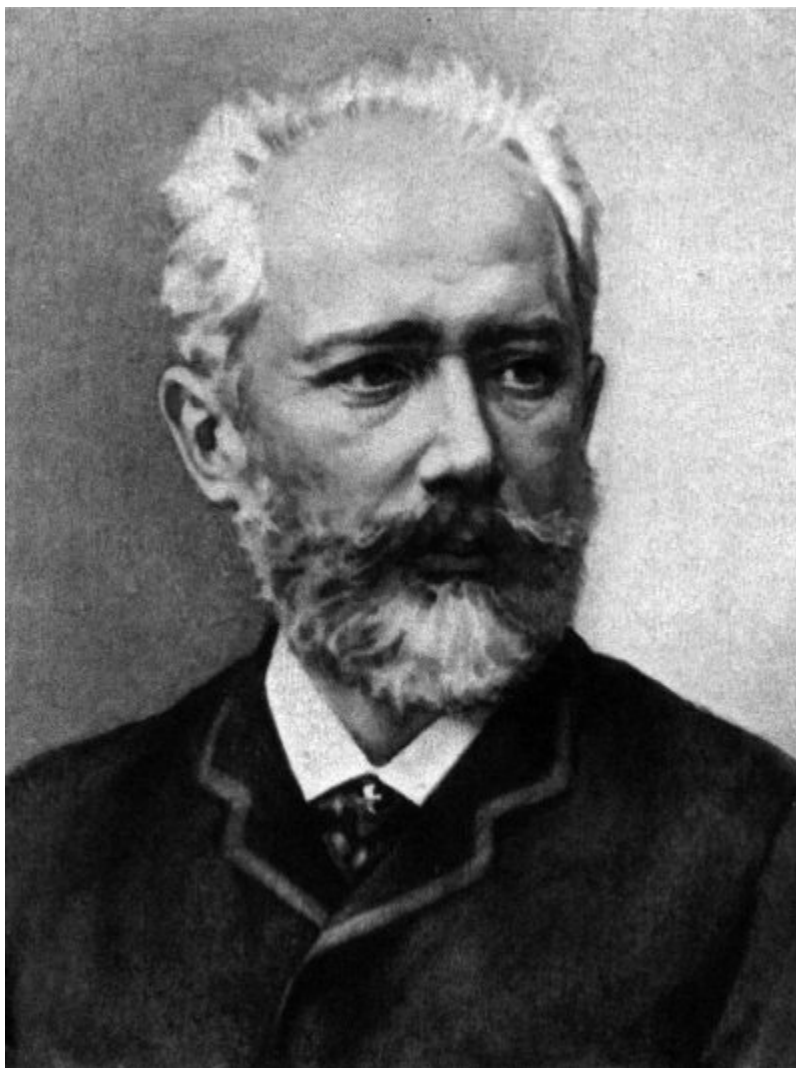
В глазах эмигрантов главным фактором, который выдвигал Швейцарию на ведущее место среди прочих стран, был режим наибольшего благоприятствования для лиц, которые у себя на родине преследовались из-за политических взглядов и убеждений. Демократическое устройство союза кантонов импонировало эмигрантам, включая российских, и они после скитаний по Европе охотно оседали в Базеле, Берне, Женеве, Цюрихе или в их окрестностях и жили там отнюдь не на птичьих правах.

Основным центром русской Швейцарии стала Женева. Именно здесь в середине XIX века появилась первая православная община, а вскоре городские власти безвозмездно выделили в вечное владение этой общине участок земли для строительства церкви. В 1863–1869 годах здесь был построен Крестовоздвиженский храм. Другой (сооружен в 1878 году) находится в городе Веве.

Доброжелательность и расположение со стороны местной администрации к русским объясняется широкой благотворительностью последних. Их вклады, пожертвования на содержание клиник, музеев, библиотек, школ были столь существенны, что порой превосходили скромные возможности городской казны. Так было, например, с музеем промышленности,

основанным в середине XIX века в Лозанне на средства богатой русской женщины Екатерины Рюминой. Она была неизлечимо больна, и целительный альпийский климат не спас ее. Однако это не помешало Рюминой передать в дар любившемуся ей городу на берегу Женевского озера созданный на ее средства музей.

Каждый кантон уже тогда имел права суверенного государства и соответственно — свои законы, правительство, суд. Но при этом порядок получения гражданства везде был примерно одинаковый. Русских эмигрантов Швейцария привлекала тем, что давала не только политическое убежище, как Англия или Франция, но и предоставляла полноценное правовое положение. Статус гражданина альпийской республики и швейцарский паспорт одним из первых получил А.И. Герцен. М.А. Бакунин гражданства не дождался, но свое пребывание в Швейцарии легализовал и, когда умер, был вполне официально и на законном основании похоронен в Берне.

П.И. Чайковский провел почти два года (1877–1879) на берегу Женевского озера, в Кларансе

В качестве политического эмигранта в городке часовщиков Ла-Шо-де-Фон нашел приют теоретик анархизма князь П.А. Кропоткин. Однако после убийства террористами императора Александра II он летом 1881 года по требованию российских властей и решением Федерального совета Швейцарии был выдворен из страны. В отличие от него годы жизни в Женеве и Цюрихе революционеров из России Г.В. Плеханова и В.И. Ульянова (Ленина) протекали сравнительно ровно и бесппроблемно.

В истории русской культуры со Швейцарией связано немало примечательных страниц. П.И. Чайковский, проведший почти два года

(1877–1879) на берегу Женевского озера, в Кларансе, создает здесь оперы «Евгений Онегин», «Жанна д'Арк» и концерт для скрипки ре мажор.

Другой музыкальный гений России – И.Ф. Стравинский в том же Кларансе, но спустя четверть века пишет балет «Весна священная».

В Кларансе же в 1977 году похоронен писатель Владимир Набоков. Он жил неподалеку, в городе Монтрё, и последним пристанищем ему в течение 15 лет служили роскошные апартаменты в Palace Hotel. Как он шутил, русскому писателю такое место подходит.

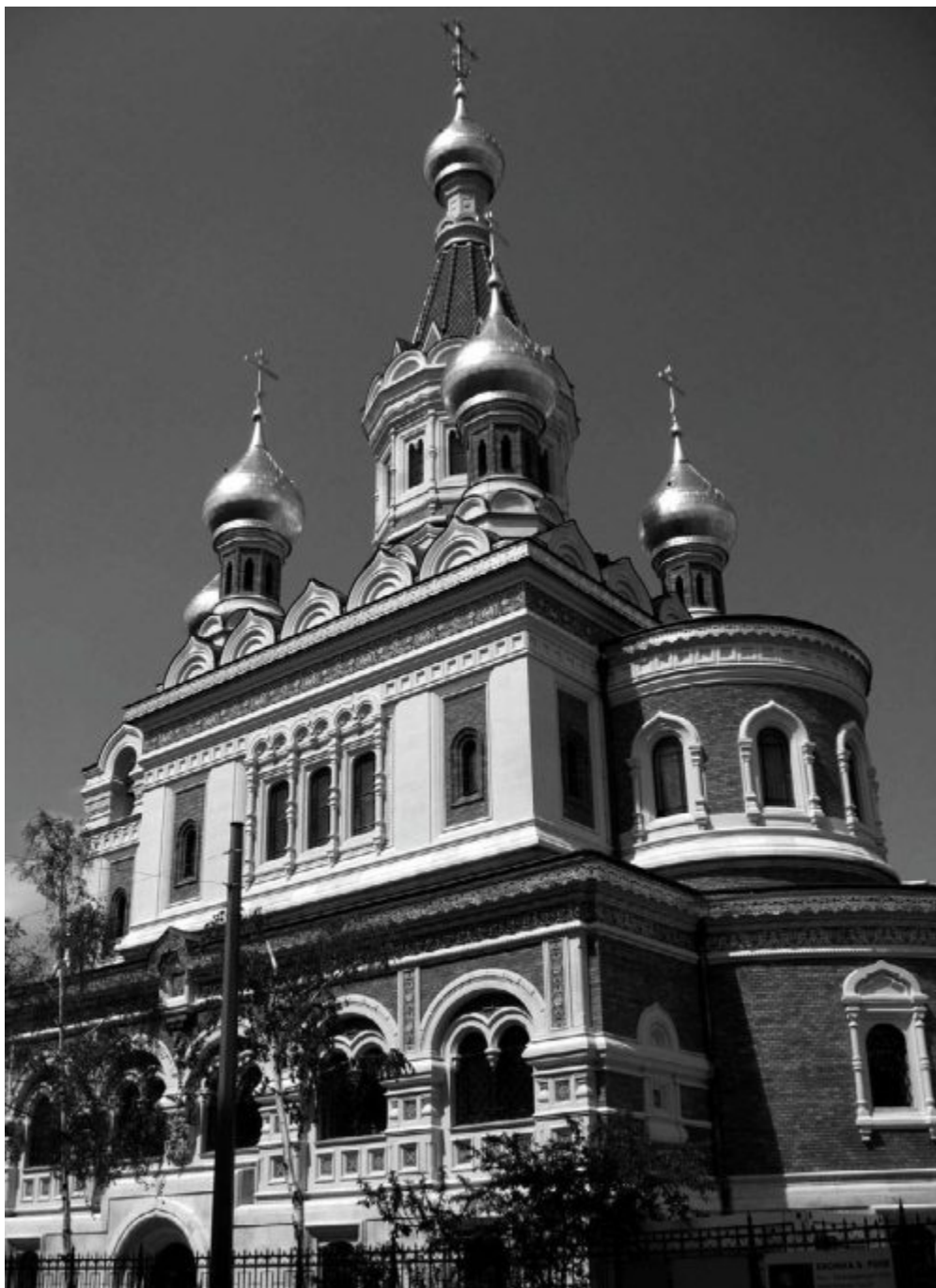
Судьба вполне могла свести на альпийской земле В.В. Набокова с высланным летом 1974 года из СССР и вскоре получившим швейцарский паспорт А.И. Солженицыным. Но встретиться этим двум крупнейшим русским писателям XX века так и не довелось.

Земное и небесное

В истории русских в Австрии тесно переплелись светское и церковное, земное и небесное.

В этой горной стране в центре Европы издавна проживали народы так называемой греческой веры. Довольно рано сложилась здесь и русская православная община. Эдикт императора Йозефа II 1782 года о веротерпимости укреплял ее позиции, хотя собственно русская церковь (Никольская) была возведена в Вене лишь в 1809 году, а величественный собор во имя святителя Николая построен уже на исходе XIX века.

Российско-австрийские торговые связи отвечали коммерческим интересам обеих стран. Товаром повышенного спроса в России были косы – сельскохозяйственные орудия в виде длинного изогнутого ножа на длинной рукоятке для срезывания (покоса) травы, злаков и прочих растений. Ежегодно их продавалось свыше двух миллионов. Это была устойчивая статья дохода, и русское купечество развернуло торговлю косами с размахом. В Вене были открыты специальные конторы, ведавшие оптовым приобретением ходового инвентаря. Наиболее преуспевший в этом бизнесе купец из города Рыльска И.Ф. Филимонов нажил миллионный капитал, был награжден правительством Австрии орденом да еще и стал австрийским дворянином фон Филимоновым.

Никольский собор в г. Вене

Бойко шла в России и торговля вывозимым из Австрии вином, чем целенаправленно занималась живущая непосредственно в районах его производства («Токай» и др.) русская купеческая колония.

Отношения между Россией и Австрией не всегда складывались гладко, что, конечно, сказывалось на положении русской диаспоры в империи Габсбургов. Имели место различные проявления дискриминации, попытки насильно склонить православных верующих принять католичество. Однако со временем ситуация выравнивалась, и жизнь русских общин нормализовалась.

В 1840-х годах Австрия дала приют гонимым русским старообрядцам. Когда-то их предки бежали в Речь Посполитую, но с включением северо-восточных польских земель в Российскую империю раскольники вынуждены были искать новое убежище и нашли его в Австрийской Галиции, в селе Белая Криница. Это место становится крупным духовным центром старообрядчества. В Белокриницком монастыре была создана архиерейская кафедра, которая позднее трансформировалась в митрополицию. В ее составе возник ряд зарубежных старообрядческих епархий, причем каждая из этих церковно-административных единиц располагала серьезной материальной базой, была оснащена собственной типографией, где печаталась староверческая литература. В 1846 году Белокриницкую иерархию возглавил авторитетный митрополит Амвросий, пользовавшийся уважением и популярностью не только у русских, но и среди всей славянской паствы.

С петровских времен

В географически и культурно близких Голландии и Бельгии русское присутствие прослеживается неравномерно.

Нидерланды относятся к числу тех стран, куда Петр I целыми группами отправляет молодых россиян овладевать знаниями и полезными профессиями. Царь-реформатор отказался от прежней практики приглашать из-за границы не только инженеров, архитекторов, художников, но и ремесленников: плотников, слесарей, механиков, часовщиков, штукатуров, портных, переплетчиков. Он считал, что гораздо правильнее, эффективнее, а главное дешевле и выгоднее посылать на обучение и стажировку за рубеж побольше русских. И вот в западноевропейские страны выезжают несколько десятков юношей, которым предстоит постигать там разные премудрости, приобщаться к современной науке и технике. Особой заботой Петра была подготовка кадров для армии и флота. Поэтому среди отобранной молодежи преобладали те, кто должен был учиться артиллерийскому и морскому делу. И один из основных маршрутов лежал в Голландию.

Сам Петр неплохо знал эту страну, хорошо владел голландским языком, прошел школу корабельного мастерства на верфи в деревне Заандаме (старинное название Саардам). Теперь Заандам город, но домик на улице Крисп, где жил русский царь летом 1697 года, до сих пор цел и стал частью местного музея.

58-пушечный корабль «Гото Предестинация» («Божье Предвидение»). 1700 г.

Именно с петровских времен общение с иностранцами и выезд за границу не только перестают быть под запретом, но даже поощряются. Мало того, известны случаи, когда иных приходилось буквально

силком принуждать отправляться в чужие края, так как они не хотели оставлять дом и семью, покидать родину.

Российско-голландские отношения исторически складывались как на официальном уровне, так и благодаря так называемой народной дипломатии. Монаршие связи между Домом Романовых и нидерландским королевским двором тоже сыграли не последнюю роль в межгосударственном диалоге. Дочь императора Павла I Анна в 1816 году вышла замуж за принца Вильгельма Оранского, который четверть века спустя стал королем Нидерландов Вильгельмом II. Разумеется, это стимулировало взаимный интерес обеих стран и их народов друг к другу.

Королева Анна пользовалась уважением на новой родине. Она на собственные средства основала госпиталь, дом для инвалидов, а из казны по ее настоянию были выделены деньги для открытия пятидесяти сиротских приютов и воспитательных домов. Отчасти это благодаря ей после Петра I в Нидерландах устойчиво сохранялся положительный образ России, а к русским людям голландцы неизменно выказывали симпатию.

Однако русская колония в Нидерландах в XIX веке отличалась по своему составу от соседних стран. Здесь практически не было политических эмигрантов и, кроме дипломатов и деловых людей, подолгу жили в основном представители творческой интеллигенции, главным образом художники, которых привлекали живописные шедевры великих голландских мастеров.

Гостеприимная монархия

«Если бы мне надлежало избрать жилище вне своей отчизны, я предпочел бы Брюссель», – написал в 1820 году в своем сочинении «Прогулка за границу» историк и публицист Павел Сумароков.

В 1717 году в Бельгию с официальным визитом прибыл Петр I. Тогда страна входила в Австрийскую империю Габсбургов, с которой у России были дружественные отношения, и русского царя в Брюсселе принимали со всеми подобающими почестями и подчеркнуто гостеприимно. Сразу два памятника Петру I в бельгийской столице напоминают об этом посещении. Заехал великий государь и в Антверпен. Правда, долго там не задержался – провел не больше двух дней. Вроде бы мало, но местные жители сочли, что вполне достаточно, и уже на исходе XX века выступили с инициативой увековечить столь лестный исторический визит. И вот через триста лет в городском сквере появилась отлитая из меди энергичная фигура монарха-реформатора. Вообще-то ставить монументы в честь государственных и политических деятелей антверпенцам запрещает давний обычай, оформленный как муниципальный закон, и они его строго придерживаются. Но для Петра, как и для двух основателей города Дрюена Антигона (Ланге Вапер) и Сильвиуса Брабо, было сделано исключение.

Вид Брюсселя. Геркулес Сегерс. 1625 г.

С 1830 года Бельгия – независимое государство. И с того времени она стабильно входит в число западноевропейских стран со сравнительно большой русской диаспорой. Кроме того, бельгийское королевство в течение всего XIX и в начале XX столетия постоянно посещает много русских.

В бельгийских городах и прежде всего в одном из крупнейших в Европе портов Антверпене были торговые представительства и конторы российских компаний, поставлявших хлеб, лес, лен, пушнину, сельскохозяйственное сырье, нефть. Коммерсант из России – не менее типичная фигура для портовых городов Бельгии, чем русский моряк.

О динамике роста здешней русской диаспоры можно судить по таким цифрам: в 1890 году она насчитывала 931, в 1900–2351, а в 1910–7491 человек.

Бельгия еще во второй четверти XIX века ступила на путь индустриального развития, и командированным туда русским инженерам было что перенять: и в черной металлургии, и в машиностроении, и в производстве оборудования, а также в текстильной, пищевой и химической промышленности, на

предприятиях которой применялись передовые технологии и использовались новейшие достижения научно-технического прогресса.

Весьма комфортно чувствовала себя в Брюсселе русская политическая эмиграция. Монархия в этой стране давно и мирно уживается с парламентаризмом, а крепкие либеральные традиции заслуженно создали ей репутацию государства, где максимально реализованы права и свободы человека. Этим и воспользовались теоретики и практики радикальных революционных идей из России. Одни из них жили в Бельгии вполне легально, на пребывание других власти как бы закрывали глаза.

Русская политэмиграция сосредоточилась главным образом в Льеже, Брюсселе, Антверпене, Вербье, Генте и Монсе – городах, где были сильные организации бельгийского пролетариата (союзы, кооперативы) и где русские последователи Карла Маркса имели возможность приобрести опыт организации рабочего движения.

Научно-практические интересы привлекали в университетские города Бельгии (Брюссель, Гент и др.) ученых из России. Среди них преобладали аграрники, изучавшие сельское хозяйство страны, и представители технических специальностей.

Неизменно высок был процент русских студентов в бельгийских вузах. Обучение здесь обходилось значительно дешевле, чем во Франции или Швейцарии, а по качеству им не уступало.

И конечно, Бельгия ежегодно принимала тысячи гостей из России. Это путешественники, отдыхающие, а также приехавшие на лечение. Первое место среди курортов страны занимал рыбацкий поселок (теперь город) Остенде.

Помимо праздных туристов, любителей побродить по антикварным рынкам и лавочкам, прожигателей жизни, охотников за острыми ощущениями, искателей значных мест, Бельгия притягивала писателей, художников, музыкантов и всю ту артистическую публику, которая в музеях Льежа, Гента, Ипра, Брюсселя хотела воочию (своими глазами) увидеть полотна Брейгеля, Рубенса, Ван Дейка, Снейдерса и других величайших художников фламандской школы.

Среди тех, кто предпринял культурное паломничество в Бельгию, были литературный критик

В.Г. Белинский, композиторы А.П. Бородин и Н.А. Римский-Корсаков, живописцы И.Е. Репин и В.А. Серов, а поэт Александр Блок,

побывавший в этой части Европы незадолго перед Первой мировой войной, позднее, осенью 1914 года, написал стихотворение, посвященное Антверпену, – морскому городу, навсегда оставшегося в его памяти:

Пусть это время далеко,
Антверпен! И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.
И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой...

Своими тазами

В Испании позапрошлого века основной контингент русских – путешественники. Они приносили ощутимый доход, и потому к их вкусам, запросам, интересам относились особо внимательно и с поистине национальной учтивостью.

Испанцам льстило, что русские приезжают к ним не с какой-то прагматической целью, а движимые желанием увидеть эту удивительную и прекрасную страну. Если в Баден-Бадене лечились и играли в рулетку, в Париже развлекались и весело проводили время, в германских университетах получали и совершенствовали образование, в Женеве спасались от политических преследований, то в Испанию ехали ради самой Испании. И это отметил наблюдательный автор справочника «Русские путешественники в Испании в XIX веке» Х.Ф. Санчес. По его словам, у путешествий русских в Испанию не было никаких посторонних побудительных мотивов, и ничем иным, кроме как желанием узнать страну, они не объяснялись.

Впрочем, тяга к Испании имела под собой некую романтическую подоплеку (скрытую причину): родина Сервантеса и Мурильо из России виделась чем-то вроде рая Средиземноморья, а образ Испании сливался с утопической мечтой о чудесной стране, которая, однако, существует на самом деле.

Далеко не у всех была возможность увидеть Испанию своими глазами. Удовольствие это было не из дешевых. И оттого большинство россиян открывали для себя привлекавшую их страну по книгам и запискам тех, кто там побывал.

В середине XIX века чуть ли не вся Россия зачитывалась «Письмами об Испании» В.П. Боткина. Известный публицист, литературный критик и переводчик, он самостоятельно выучил испанский язык и летом – осенью 1845 года совершил путешествие по стране, посетив Мадрид, Севилью, Кадис, Гибралтар, Гренаду и даже Танжер (Марокко). Свои впечатления Боткин отразил в цикле очерков, которые публиковались с 1847 по 1851 год в журнале «Современник», а позднее вышли отдельной книгой.

В середине XIX в. чуть ли не вся Россия зачитывалась «Письмами об Испании» В.П. Боткина

Приводимые ниже выдержки из сочинения Боткина говорят сами за себя, и при знакомстве с ними становится ясно, чем и как его «Письма...» послужили хорошей рекламой в пользу поездки в Испанию.

«Нет народа более воздержанного, уживчивого и терпеливого. У себя дома испанец исполнен неутомимой добродушной приветливости к человеку, с ним сближенному, к иностранцу, ему рекомендованному. Раз рекомендованные испанцу, вы можете располагать его домом, его временем, его связями. При обычном спокойствии своем он не

расточителен на любезности, но, будьте уверены, вы никогда не будете ему в тягость, никогда не обойдется он с вами холодно. В Испании никогда не употребляют слова *ты*, даже между близкими друзьями. Если генерал обращается к солдату, он говорит ему *usted*, ваша милость. То же самое с слугами; дети, играя на улице, говорят друг другу: *mira usted* – посмотрите, ваша милость».

«Вот подробности поважнее и еще более говорящие в пользу народа, так дорогого туристам. Тот, кто не видал испанцев в их частном быту, в их домашних отношениях, не имеет понятия о чистоте их нравов, весьма часто идущих рядом даже с возмутительными пороками в жизни общественной... Наперекор... страшной бедности, которая гложет испанские провинции, в... народе нет разрушительных семян, которые находятся в изобилии по многим более благоустроенным государствам Европы. Внутри края (за исключением разве очень больших центров населения) между сословиями царствует простота отношений, совершенное равенство тона и деликатная короткость в обращении. В Испании дворянин не горд и не спесив, простолюдин к нему независтлив. Не только горожанин, но мужик, водонос, чернорабочий обращаются с дворянином совершенно на равной ноге...»

Эффект присутствия

Пушкин А.С. никогда не бывал в Испании, как и вообще за границей, но у него есть так называемые испанские стихи, создающие полное впечатление эффекта присутствия. Поэтический гений позволил ему представить, вообразить то, что он сам не видел, но увидеть хотел, ибо испанская культура волнующе близка русскому человеку. Подтверждением тому испанская тема в произведениях писателей, художников, композиторов России, которые, в отличие от Пушкина, в Испании были. Все они так или иначе откликнулись в своем творчестве на картины и образы этой страны.

М.И. Глинка признавался, что нигде за границей не чувствовал себя так привольно, как в Испании. Его покорили общительные и приветливые люди. Он наслаждался видами и достопримечательностями, мелодичным языком, который он быстро освоил и вскоре уже свободно понимал разговорный испанский.

Больше всего русского композитора, разумеется, привлекли музыка, песни под гитару, пляски, причем все это он слышал и видел не в театрах и концертных залах, а прямо на улице в народном исполнении или в хорошей компании дома у кого-нибудь из добрых знакомых. Он и сам азартно отплясывал хоту и фанданго с кастаньетами в руках.

В симфонических «Испанских увертюрах» Глинки «Арагонская охота» (1845) и «Ночь в Мадриде» (1851) отчетливо звучат полюбившиеся ему внешне сдержанные и пламенные внутри испанские фольклорные мелодии.

«Испанское каприччио» (1887) Н.А. Римского-Корсакова – это как бы продолжение увертюры Глинки. И здесь в виде темпераментных музыкальных зарисовок проступает народная жизнь с ее яркой звуковой красочностью, песнями пастухов, мелодиями фанданго и фламенко.

Разноликий и разноголосый музыкальный образ страны замечательно передан в «Испанской серенаде» (1888) А.К. Глазунова. Это сочинение навеяно и хабанерой, и народными напевами, услышанными им в самой Испании и в Марокко.

Испания. Михаил Врубель. 1894 г.

Испания оставила неизгладимый след в творческой биографии маститых русских художников. Василий Суриков создает здесь (1910) акварели и этюды, для которых характерны особый живописный язык и цветовая экспрессия. Илья Репин именно в Испании почувствовал, каким бесконечным источником вдохновения всегда останется для него малая родина. Для художника это был южнорусский город Чугуев, где он родился и вырос. Однако издалека, в Испании, Репин понял, как много для него значит родной город, как он колоритен и оригинален.

«Одно слово – Испания!» – восторженно воскликнул прославленный метр живописи, желая передать, как он влюблен в родной край.

Михаил Врубель в Испании ни разу не был, но его картина «Испания» (1894) абсолютно живописно полнокровна и словно бы передает живые впечатления, игру и кипение страстей, истинный национальный характер. И работы К. А. Коровина «У балкона. Испанки Леонора и Ампара», «Испанский кабачок», написанные непосредственно в стране, эффектом присутствия не превосходят полотно Врубеля.

Испания нашла яркое воплощение в жизни и творчестве (стихах, очерках, воспоминаниях, письмах, рисунках) поэта и художника Максимилиана Волошина, который находил в кастильском плоскогорье милое сердцу сходство с крымским Коктебелем.

Прощальным аккордом уходящей культуры России Серебряного века стали в Испании в 1915–1916 и 1921 годах «Русские сезоны» Сергея Дягилева. В этих гастролях привлекли внимание танцевальная сюита «Квадро фламенко» с декорациями П. Пикассо и симфоническая картина «Фейерверк» И.Ф. Стравинского, тема которой позднее получила развитие в оркестровой пьесе композитора «Мадрид».

Вокруг света

Первые кругосветные плавания русских, по существу, были географической разведкой, поиском морских путей к дальневосточным окраинам империи и к Русской Америке. Ведь доставка грузов по суше была сопряжена с большими трудностями и обходилась очень дорого.

Кругосветная экспедиция под командованием капитан-лейтенанта Ивана Крузенштерна отправилась в 1803 году из военного порта Кронштадт под Петербургом на кораблях «Надежда» и «Нева» и после захода в Данию и Англию вышла в Атлантику и взяла курс на Южное полушарие.

Экспедиция дважды пересекла экватор. После мыса Горн ее путь лежал через воды Тихого океана.

Бразилия, остров Пасхи, Маркизские и Гавайские острова, берега Камчатки и Аляски – таков был маршрут русских кораблей. Далее «Надежда» направилась в Японию, а «Нева», где капитаном был старый друг Крузенштерна Юрий Лисянский, – в Китай. В феврале 1806 года корабли встретились на рейде Макао (Аомынь) – колонии Португалии на побережье Южно-Китайского моря. Уже вместе оба судна достигли берегов Южной Африки, но у мыса Доброй Надежды ввиду густого тумана потеряли друг друга и завершили кругосветное плавание, длившееся три года, по отдельности, прибыв в исходную точку – Кронштадт.

Итогом экспедиции было составление карт, атласа южных морей, описание посещенных земель, исследование их природы, а главным практическим результатом стала прокладка морского пути из Балтики к берегам Русской Америки.

Две экспедиции вокруг света ученого-мореплавателя Василия Головнина (1807–1809 и 1817–1819) отчасти повторили маршрут Крузенштерна и Лисянского, более обстоятельно исследовав северную часть Тихого океана и северо-западное побережье Америки, то есть ту акваторию и территорию, которые входили в зону геополитических интересов России.

Кругосветные путешествия, помимо научного значения, имели следствием то, что раздвинули географические горизонты среднего россиянина. Из публикаций и отчетов об этих плаваниях он получил более предметное представление о том, как велика Россия и где какая земля лежит в сравнительной близости от рубежей огромной империи. Даже чисто психологически отважиться пуститься в дальний путь после открытий Крузенштерна, Лисянского, Головнина и других мореплавателей стало легче и проще.

Русский человек всегда интересовался, что собой представляют те или иные страны, как живет там народу, и потому панорамная информация участников кругосветных плаваний о разных частях света, чудесах и достопримечательностях мира, обычаях и нравах населения находила самый живой отклик.

Большой популярностью у читателей пользовались путевые очерки «Фрегат «Паллада», принадлежавшие перу знаменитого писателя Ивана Гончарова. Он совершил в 1852–1854 годах на военном парусном корабле под названием «Паллада» кругосветное

плавание и, помимо Северной Европы, побывал на острове Мадейра, в атлантических тропиках, на мысе Доброй Надежды и острове Ява, в Сингапуре и Гонконге, в Японии, Китае и на Филиппинах.

Читающая публика получила ту книгу, какую хотела. В сочинении Гончарова освещены именно те вопросы, которые больше всего волновали русских в связи с зарубежным миром: что в заграничье есть схожего и что несхожего с нашей российской жизнью? Что там хорошо и что плохо? Что приходит в голову при сравнении своего и чужого?

В своих очерках автор настолько включает читателя в происходящее, приобщает его к увиденному и пережитому, что он как бы превращается в участника кругосветного путешествия.

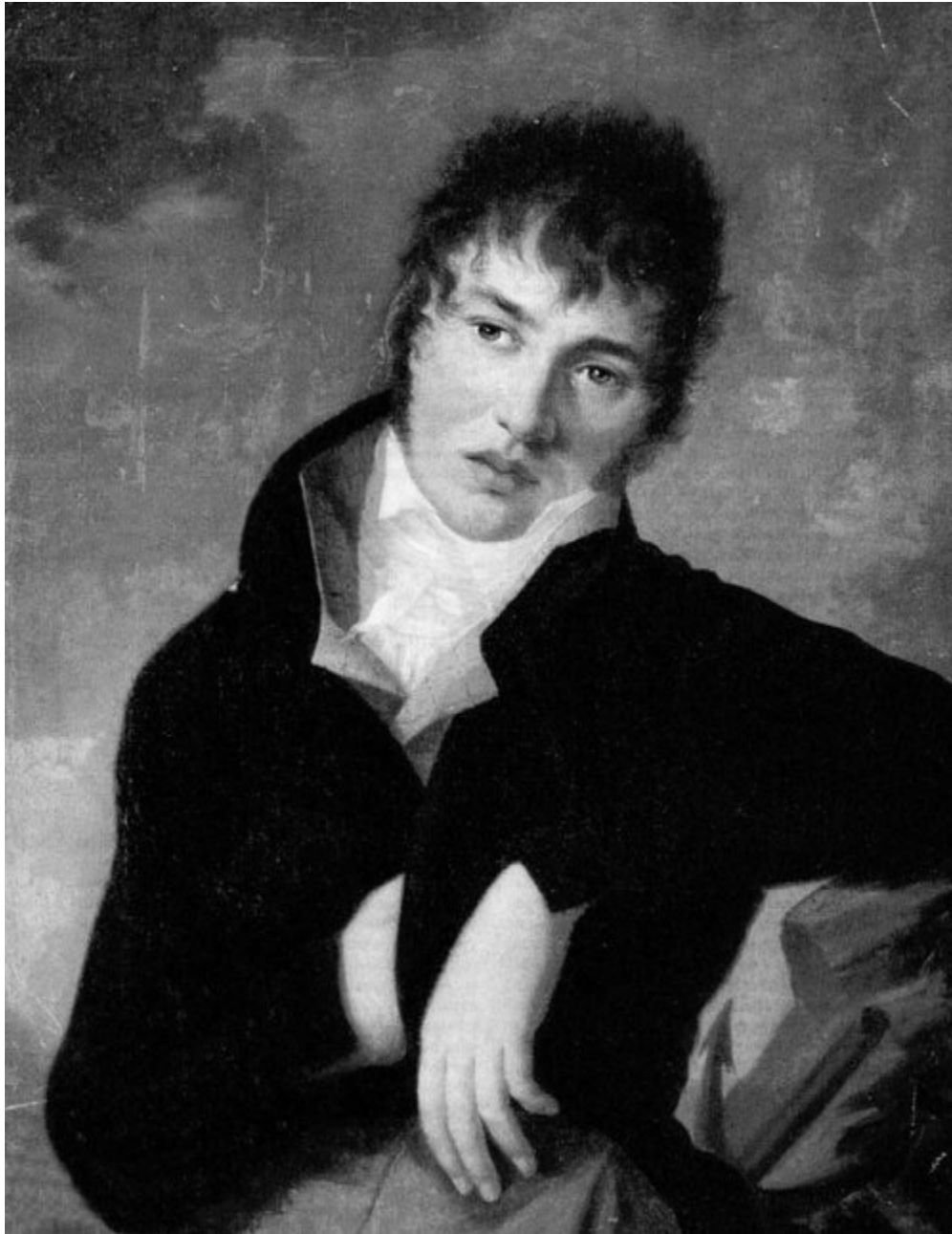
Любопытно, что книга Гончарова побудила немало соотечественников преодолеть страх перед неизвестностью, решиться на большие переезды, дальние плавания, чтобы посмотреть мир, «обогащать ум наглядным знанием всего того, что знаешь по слуху», или даже отправиться искать счастья в другие страны в надежде в корне изменить жизнь и начать все сначала.

Граф Безбрежный

Жизнь графа Федора Толстого полна приключений, походов, удивительных историй – материала, которого с избытком хватило бы и для плутовского романа, и для остросюжетного фильма. Кстати, великий писатель Лев Толстой приходился ему двоюродным племянником. В детстве он не раз общался со своим дядюшкой и потом изобразил его в «Войне и мире» в образе удалого и бесшабашного гуляки и забияки Долохова.

У Федора Толстого была репутация необыкновенного и неугомонного человека. Любитель постоянно бросать вызов судьбе, отчаянный карточный игрок, он отличался завидной храбростью и редкой дерзостью. Он и в военной службе прежде всего видел способ проявить себя перед лицом опасности, совершить нечто особенное, из ряда вон выходящее. Из-за этого у него как офицера то и дело возникали крупные неприятности, и из-за частых нарушений дисциплины ему пришлось досрочно выйти в отставку.

Экстрим и азарт были нормами его жизни. Он участвовал в бесчисленных дуэлях, потасовках, веселых проказах и розыгрышах. Чтобы осуществить иные свои затеи, легко и охотно шел на риск. Тянуть жребий, заключать пари, вступать на поле брани в неравную и, возможно, смертельную схватку с врагом, решаться на безумный по отваге поступок, проигрывать за карточным столом огромные суммы – для него все это было едино. Лишь бы горячило кровь, тешило самолюбие, будоражило неумную кипучую натуру.

В детстве Лев Толстой не раз общался со своим дядюшкой и потом изобразил его в «Войне и мире» в образе удалого и бесшабашного гуляки и забияки Долохова

В его бурной биографии был и полет на воздушном шаре, и кругосветное путешествие с экспедицией Крузенштерна, и жизнь на далеком острове среди дикарей, и возвращение в Россию через всю Сибирь, сквозь непроходимую тайгу и по бездорожью.

Сам себя он называл граф Безбрежный, подчеркивая тем самым, что ни в чем не знает удержу и предела и что весь мир открыт для него. Но после участия в кругосветном путешествии (1803–1805) Толстой получил еще и прозвище Американец.

Произошло это вот по какой причине. Во время плавания этот отъявленный сорвиголова отчаянно скучал и искал развлечений. Своими проделками и пьяными выходками он непрерывно испытывал терпение команды и самого начальника экспедиции Ивана Крузенштерна. Тот окончательно вышел из себя, когда дрессированная обезьянка, принадлежавшая Толстому, измазала чернилами журнал с записями научных наблюдений. Капитан тут же догадался, что животное сделало эту каверзу не само по себе, а было подучено хозяином.

И тогда Крузенштерн избавился от графа-хулигана довольно простым способом. Во время стоянки и отдыха на одном из Алеутских островов, когда Толстой отправился гулять со своей мартышкой, корабль отплыл и пустился в обратный путь уже без него. Граф с берега увидел, что происходит, снял шляпу и хладнокровно и учтиво поклонился стоящему на капитанском мостике командиру.

На всякий случай Крузенштерн оставил Толстому запас провианта, но он и без него бы не пропал, поскольку тут же вошел в контакт с туземцами и быстро нашел с ними общий язык.

Впоследствии граф не мог точно сказать, сколько времени провел на острове, ибо потерял счет дням. Он даже толком не знал, где именно оказался. Скорее всего, это был какой-то остров Русской Америки, находящийся недалеко от Аляски. Обитателями этого острова было дикое племя, промышлявшее охотой и рыболовством. Толстой успешно освоил оба занятия, чем высоко поднял себя в глазах местных жителей. Впрочем, они и без того относились к нему хорошо и дружелюбно.

Сведения о пребывании Толстого в Америке несколько расходятся. По одним, он только и делал, что день за днем проводил на берегу, поддерживая сигнальный костер, с помощью которого надеялся быть замеченным с проходящих судов. По другой версии, граф не спешил с возвращением на родину и решил, пользуясь случаем, поближе познакомиться с островной Америкой. Он побывал на нескольких островах Алеутской гряды и на острове Ситха близ

канадского берега. На Ситхе он чем-то так понравился аборигенам, что они, по его словам, предложили ему быть их царем.

В Россию Толстой вернулся на торговом судне русско-американской компании. На нем он доплыл до Петропавловского порта, а далее добирался как придется: то на рыбацких баркасах, то на собачьих упряжках, то на лошадях, то пешком. Значительную часть пути он проделал самостоятельно, без всяких проводников и провожатых. У него просто не было на них денег.

Позднее, рассказывая о своей одиссее, Толстой многое выдумал, присочинил или грубо приврал. Так, например, он специально шокировал дамское общество, подробно описывая, как, мучимый голодом, съел свою обезьянку.

Истории про Америку у Толстого не иссякали, что и дало повод прозвать его Американцем.

По всему миру

На берегах Босфора

В Турции в XV–XVI веках множество русских оказывалось против своей воли. Это были пленные, захваченные в ходе войн и набегов и проданные затем в рабство на невольничьих рынках. Мужчины чаще всего становились гребцами на военных галерах. Вечно закованные в цепи, они были лишены возможности бежать. Девушки и молодые женщины с хорошими внешними данными раскупались в гаремы, а те, кто постарше, использовались на сельскохозяйственных работах или как домашняя прислуга.

Если учесть, сколько детей в Османской империи было рождено болгарками, сербками, черногорками, украинками, число тех, кто появились на свет от русских жен и наложниц, были вскормлены русскими кормилицами, воспитаны русскими няньками, возможно, не столь уж значителен. Однако не будет особым преувеличением сказать, что приток славянской крови в течение веков был в Турции величиной постоянной и не мог не сказаться как на облике, так и на менталитете турецкой нации. Даже у султана Селеймана I одной из жен была славянская (предположительно русская) красавица, и именно она стала матерью знаменитого турецкого владыки Селима I.

Босфор в лунную ночь. И.К. Айвазовский. 1874 г.

Острые и частые военные конфликты между Россией и Турцией чередовались с периодами мирного затишья и нормализации отношений. И тогда из Едикуле – семибашенного замка-тюрьмы выпускали находившихся там в заключении русских послов, а купцы, паломники, путешественники, ученые, литераторы, люди искусства из России устремлялись на берега Босфора. В течение XIX века в Турции побывали (некоторые не однажды) художники К.П. Брюллов и И.К. Айвазовский, архитектор Н.Е. Ефимов, востоковед О.И. Сенковский, этнограф и филолог Ю.И. Венелин, врач А.А. Рафалович.

Турецкими впечатлениями навеяны картины Брюллова «Полдень в караван-сараяе», «Гавань в Константинополе», «Приход на бал в Смирне», сатирическая композиция «Прогулка султанских жен».

Айвазовский пишет по заказу самого султана десять видов Босфора. Правитель Турции приходит в полный восторг и желает, чтобы художник выполнил для него новые работы. В результате султанский дворец украсили сразу 30 полотен Айвазовского.

В 1830-х годах Стамбул – излюбленный объект путевых записок и очерков русских людей, хорошо владевших пером. Это публицист В.П. Давыдов, дипломат и писатель К.М. Базили, историк и путешественник Н.С. Всеволожский. Такая реклама сделала свое дело, и приток желающих из России посетить древний город еще более увеличился. В середине века в Стамбуле побывали две литературные знаменитости: писатель Н.В. Гоголь и поэт П.А. Вяземский.

Научные и творческие интересы не всегда были доминирующей причиной пребывания в Османской империи гостей из России. Как правило, эти интересы сочетались с личными и общественными побудительными мотивами. Ведь на турецкой территории находились духовные центры православия и очаги славянской культуры. И например, ученый-славист В.И. Григорович предпринимает в середине XIX века трудное и опасное путешествие по европейской Турции лишь с одной целью: изучить язык, фольклор, литературу болгарского народа, который в то время томился под османским игом.

Перекресток культур

Десять лет русским консулом в разных городах Турции служил Константин Леонтьев – яркий мыслитель и писатель. Его повесть «Из жизни христиан в Турции» (1876) написана столь живо, содержит так много ценных и точных наблюдений, что ее вполне можно включить в круг важнейших источников по истории местной русской диаспоры.

Основной маршрут русских паломников лежал на Афон, но они обязательно молились и в подворье Святого Пантелеймоновского монастыря, и в Андреевском и Ильинском скитах в Стамбуле.

У турок в середине второй половины XIX века заметно возрастает интерес к русской культуре. Их приобщение к русской литературной классике было возможно благодаря высокому мастерству перевода. И здесь достойна упоминания жена казанского городского главы Ольга Лебедева (она же Гюльнар Ханым), которая открыла турецкому читателю Пушкина. Занимаясь переводами с русского на турецкий, она так увлеклась и вошла в материал, что в конце концов стала серьезным востоковедом и надолго переехала в Турцию.

Стамбул. XIX в.

С открытием в турецкой столице в 1894–1895 годах Русского археологического института ученые из России активно участвуют в раскопках на территории Османской империи, и их находки проливают свет на многие ранее неизвестные факты и события византийской истории.

Писатель Иван Бунин настолько изучил Стамбул, который был интересен ему как своеобразный перекресток культур, что знал его не хуже Москвы. От прогулок по древнему городу он получал громадное удовольствие, хотя его стихотворение, написанное в 1905 году, свидетельствует скорее о горечи по утрате былого Константинополя – Царьграда времен величия Византии:

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.
Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.
И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий.
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.
И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья...
Стамбул, Стамбул! Последний мертвый стан
Последнего великого кочевья!

В конце XIX столетия в Турции скапливается довольно много эмигрантов из России. В их числе инженеры, врачи, технические специалисты, а также привлеченные возможностью вступить в регулярную турецкую армию казаки. Еще в 1770-х—1780-х годах Османская империя приняла более 200 тысяч крымских татар. В начале XIX века в Румелии (европейская часть Турции) проживали 275 тысяч татар и ногайцев.

Исламское население России обращало взоры к Турции в силу национальных и религиозных убеждений. Эмиграцию в мусульманскую страну немало правоверных рассматривали как вполне естественный шаг, и царское правительство не чинило им препятствий. Сохранились пофамильные списки российских подданных, получивших паспорта на выезд в Турцию с 1860 года по 1905–1906 годы XX века. Одной из первых больших групп религиозных эмигрантов были 27 тысяч татар. Позднее последовало массовое переселение в Османскую империю карачаевцев, балкарцев, адыгов, осетин, чеченцев. Но основная часть народов Северного Кавказа с присоединением в результате долгой войны к России предпочла остаться на родине. За границей они обычно бывали по коммерческим

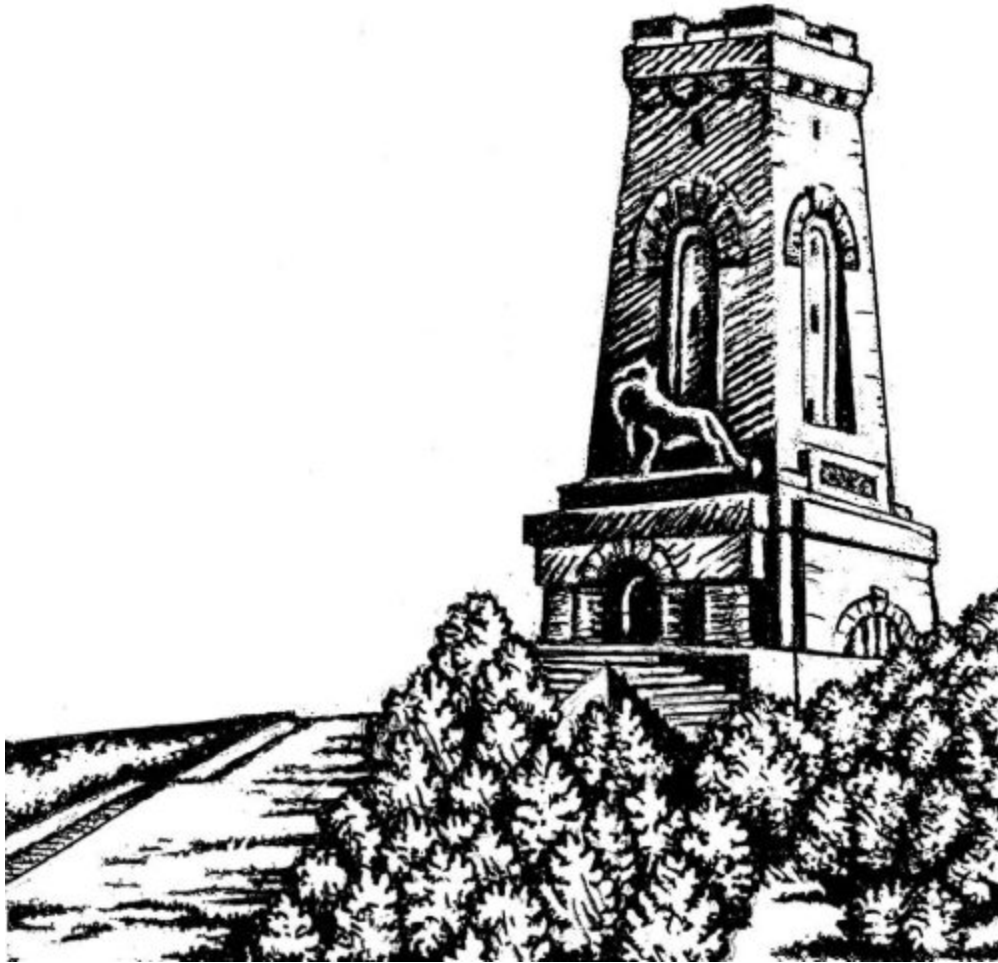
делам и для того, чтобы навестить родственников, совершить традиционный хадж. Молодежь, особенно среди карачаевцев, при ограниченном доступе в учебные заведения России охотно пользовалась правом учиться за рубежом и чаще всего выбирала Стамбул.

Те переселенцы, которые добровольно приехали в Турцию, поразному устраивались на новом месте. Около двух тысяч человек (карачаевцы и балкарцы) остались недовольны выделенной им землей и пожелали проследовать дальше, в Сирию, что было им разрешено. Они осели неподалеку от Дамаска и основали там два поселения.

Тяжелые условия жизни в Турции заставили многих кавказцев вернуться назад. По свидетельству публициста Илмаза Невруза, из карачаевцев и балкарцев, расположившихся во внутренних районах Анатолии, половина умерли от жестокой малярии и других инфекционных болезней. «На наших кладбищах, – печально констатирует он, – могил больше, чем живущих в селениях».

Узы братства

Русское зарубежье – это не только старые и новые землячества выходцев из России, но и памятники истории и культуры, музеи, мемориальные доски, названия улиц и площадей. Их далеко не всегда ожидаешь встретить за границей, но они не такая уж редкость, потому что благодарную дань памяти России воздают в разных странах мира. И пожалуй, бесспорный приоритет здесь принадлежит Болгарии, где одних только памятников в знак признательности русским свыше четырехсот, а многие села, улицы, бульвары носят русские имена. Центральное место в этом ряду занимает Александр II – император России, при котором в результате Русско-турецкой войны (1877–1878) Болгария обрела после пятивекового турецкого владычества свободу. Нет в стране города или населенного пункта, где не было бы улиц, названных в честь Царя Освободителя или в честь генералов И.В. Гурко, М. Д. Скобелева, Н.Г. Столетова, М.И. Драгомирова, Э.И. Тотлебена, дипломата, посла России в Стамбуле графа Н.П. Игнатьева, врача Н.И. Пирогова и многих других российских полководцев, государственных и общественных деятелей, внесших вклад в достижение национальной независимости Болгарии.

Когда в 1875 году сербы Боснии и Герцеговины, а вслед за ними и болгары подняли восстание против турок, их борьбу поддержали и в России. В Сербию прибывают более двух тысяч русских добровольцев. Среди них 650 человек – офицеры и около 300 медработников. Они вливаются в ряды сербского ополчения. Возглавляет его опытный русский военачальник генерал Михаил Черняев, а его ближайшими помощниками становятся офицеры Виссарион Комаров и Дмитрий Дохтуров. На нужды сербской армии в России было собрано 50 тысяч рублей – огромная по тем временам сумма.

Село Раковицы Видненской области Болгарии переименовано в Киреево в память о герое-добровольце русском офицере Николае Кирееве, который во главе болгарского легиона летом 1876 года одержал победу над турецким отрядом. Это был первый успех на южнославянском театре военных действий над сильным противником,

что вызвало всеобщее воодушевление и дальнейший подъем освободительной борьбы на Балканах. Вскоре из-за трусости сербского командира Цветковича, позорно бежавшего с поля боя, Киреев, оставленный на произвол судьбы с горсткой смельчаков, погиб. Однако своим бесстрашием он обрел вечную славу и бессмертие.

Султанская Турция беспощадно подавляла очаги сопротивления своему господству на Балканах. С особой жестокостью карательные силы османов расправились с болгарским восстанием, что вызвало гневный протест и сочувствие в славянском мире. В России был организован сбор пожертвований, а приток добровольцев возрос с четырех до семи тысяч и продолжал с каждым днем увеличиваться. В конце концов на вербовочных пунктах начали принимать заявления лишь у лиц, имевших военную подготовку.

Узы славянского братства и общей веры были скреплены братством по оружию и совместно пролитой кровью. Русские солдаты, офицеры, врачи, медсестры находились рядом с болгарами на поле боя, а с началом Русско-турецкой войны на русскую армию легла основная тяжесть сражений с жестоким неприятелем.

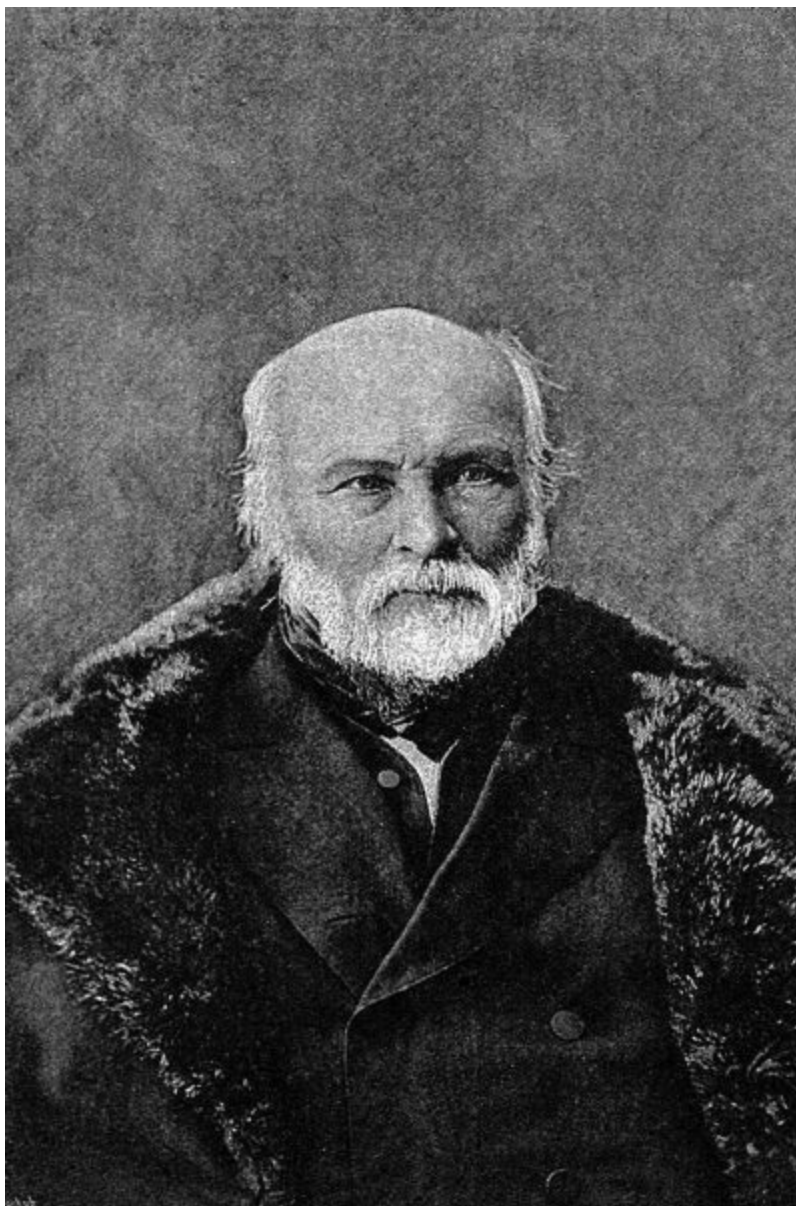
По зову сердца

Во время войны на Балканах русские люди считали своим долгом и делом чести оказывать братьям-славянам всяческую помощь. Государь император Александр II лично выехал на театр военных действий, чтобы своим присутствием воодушевить сражающуюся с турками армию, а его сын и наследник престола (будущий император Александр III) с доблестью и успешно командовал отдельным отрядом из двух крупных армейских корпусов.

Солидарность с болгарами, поддержка их праведной борьбы принимали в России разные формы. По зову сердца на Балканы отправляются не только военные или врачи, но и инженеры, ученые, коммерсанты, служащие, чиновники, творческая интеллигенция. Общественное мнение той поры удивительно единодушно: если ты патриот России, значит, твое место на Балканах.

Горячий порыв быть чем-то полезным, внести свой вклад в освобождение православной страны от турецкого рабства охватывают десятки тысяч россиян. Артисты безвозмездно выступают на сцене и дают концерты, профессора читают публичные лекции, а вырученные средства вместе с многочисленными пожертвованиями людей разных званий и состояний поступают на военные нужды. В борющуюся и истекающую кровью Болгарию устремляются писатели Глеб Успенский и Всеволод Гаршин, художники Василий Polenov, Василий Верещагин, Константин Маковский. Но больше всего из людей мирных профессий востребованы медики. Особенно острая нужда была в хирургах.

В 1877 году в Болгарию прибывает знаменитый врач, известный всему миру Николай Пирогов. Про него говорили, что от творит чудеса и способен оживить мертвого. Национальный герой и объединитель Италии Джузеппе Гарибальди был обязан ему жизнью. Лучшие медицинские светила Европы оказались бессильны определить, где находится пуля в теле раненого лидера итальянской революции, и лишь приглашенный Пирогов сумел не только ее найти и извлечь, но и в короткий срок поставить легендарного итальянца на ноги.

Николай Пирогов был известен всему миру.

Про него говорили, что он творит чудеса и способен оживить мертвого

И вот прославленный русский хирург, которому уже 67 лет, приступает к организации в Болгарии медицинской службы: во фронтовых условиях работает во временных госпиталях и полевых лазаретах, лично проводит операции и занимается лечением русских и болгарских воинов. Позднее он опубликует классический труд «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в

Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 годах». В этой книге великий врач обобщит большой практический опыт, приобретенный им на Балканах.

В Болгарии установлено 30 памятных монументов Н.И. Пирогову, а барельеф с его скульптурным портретом украшает фасад больницы скорой помощи в Софии, носящей имя замечательного хирурга.

Осенью 1876 года болгарский поэт Иван Вазов написал такие строки:

По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич – Россия!

Русских здесь не воспринимали как иностранцев, чужаков, сторонних наблюдателей. Они были своими, и их встречали как «братушек» и посланцев доброй воли. Те в свою очередь тоже чувствовали себя в этой православной стране почти как дома. Десятки ветеранов русской армии остались в Болгарии после 1878 года и в большинстве своем не жалели: нормально устроили личную жизнь, обзавелись хозяйством, нашли себе дело по душе.

Хождение в Поднебесную

Отношения между Москвией и Великой Поднебесной империей – Китаем завязались в начале XVII века. В мае 1618 года из сибирского города Томска пустилась в дальний путь экспедиция во главе с Иваном Петелиным, Андреем Мундовым и Петром Кизиловым. Все трое – ни дипломаты, ни ученые, а казаки, то есть военные люди, которые несли охрану границ, участвовали в походах в составе царских ратей, а также по поручению центральной или местной власти часто отправлялись в качестве разведчиков-первопроходцев в путешествия к неведомым землям.

После пяти месяцев трудного и опасного пути через горные районы Монголии и обширные пустынные равнины самого Китая экспедиция достигла Пекина.

Казачье посольство пробыло в Поднебесной почти всю осень и вернулось в Россию с грамотой от китайского императора, которую никто не мог прочесть, так как китайские иероглифы были для москвитов тайной за семью печатями. И лишь шестьдесят лет спустя выяснилось, что владыка Поднебесной желал видеть при своем дворе русских оружейных мастеров и переданная послам его бумага содержала соответствующее приглашение.

В 1641–1642 годах казак Емельян Вершинин сам по себе, как частное лицо и по собственной инициативе, ездил с товарами в китайский город Синин. Все хорошо распродал и вернулся не только с барышом (прибылью), но и с письменным предложением китайской стороны продолжить коммерческие контакты, которое, впрочем, тоже долго оставалось без перевода.

Храм Неба – символ Пекина

Первая русская дипломатическая миссия с целью установления официальных отношений между соседними странами была возложена царем Алексеем Михайловичем в 1654 году на опытного в посольских делах человека Федора Байкова. Однако русская и китайская дипломатии не нашли общего языка, и гость из Московии фактически вернулся ни с чем. Неудача постигла и следующего русского посла Николая Спафария. В 1676 году он был выслан из Пекина, ничего не добившись.

И только в 1729 году договор, урегулировавший отношения между Российской и Китайской империями, был наконец заключен.

Немалую роль в сближении двух стран сыграли русские поселенцы, в 1685 году оказавшиеся в Поднебесной то ли по своей воле, то ли в качестве пленных. Это была группа из 45 человек, включая казака-землепроходца Григория Мыльниковца, священника Максима Леонтьева, около трех десятков мужчин, а также нескольких женщин и детей. По одной версии, они сами пожелали принять китайское подданство, по другой же – их насильно препроводили в

Пекин, где по приказу императора Канси они были обеспечены всем необходимым.

Под защитой императора

Демонстрация заботы о сорока пяти русских со стороны императора фактически означала, что он берет их под свою защиту и признает своими гостями. Благодаря этому чужестранцы попали в привилегированное положение, на которое могли рассчитывать далеко не все инородцы. В северо-восточной части китайской столицы им были выделены участок земли, кладбище, а также предоставлен буддийский молельный дом.

Оценив веротерпимость китайцев, русские тотчас ею воспользовались, и вскоре стараниями проповедника Святого Евангелия в Китайском царстве отца Максима там, где еще недавно отправляли буддийский культ, была устроена православная церковь, посвященная Николаю Чудотворцу.

Так было положено начало русской православной миссии в Пекине, которая сыграла большую роль в укреплении российско-китайских отношений. Позднее в столице Поднебесной будет построен и освещен храм в честь Софии, Премудрости Божией.

До сих пор в Книге рекордов Гиннесса территория русской православной миссии в Пекине значится как самое большое в мире посольство.

В течение 14 лет (1807–1820) миссию возглавлял отец Иакинф, известный по мирскому имени как Никита Яковлевич Бичурин. Его заслуженно признают отцом российского китаеведения. Он создатель первой китайской грамматики на русском языке, составитель большого китайско-русского словаря в девяти томах, автор капитального страноведческого труда «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» и многих других сочинений.

В Китае отец Иакинф вел себя не как глава церковной миссии и даже не как духовное лицо, а как светский человек. Гораздо больше времени, чем проповедям, он уделял посещению театров, переодевшись в китайский костюм, ходил по базарам, лавочкам, где только можно общался в целях совершенствования разговорного языка с местным населением и всем этим навлек на себя недовольство отцов

церкви. Он был отозван в Россию и за упущения по службе лишен сана архимандрита.

На родину в 1821 году Бичурин возвращался с огромным количеством собранных материалов. Только одних книг он вез 400 пудов (6 тонн 400 килограммов), и для транспортировки этого тяжелого груза понадобился караван из пятнадцати верблюдов.

Н.Я. Бичурин много сделал для преодоления взаимонепонимания русских и китайцев, в устранении этнокультурного барьера, препятствующего познанию друг друга. Преемником отца Иакинфа и активным продолжателем его начинаний в Китае стал служивший в русской духовной миссии в Пекине В.П. Васильев.

Тем самым в конце XIX – начале XX века была подготовлена почва для развития равносторонних связей обеих империй. Между

ними выстраиваются отношения естественных союзников, которые объединены политическими и хозяйственными интересами, совместным трудом в бурно развивающемся Дальневосточном регионе и растущими год от года взаимными волнами эмиграции.

Кстати, если вернуться в XVIII столетие, то небезынтересно вспомнить следующий факт. Со вхождением в состав России в 1771 году Калмыцкого ханства примерно 200 тысяч калмыков покинули свои степи и совершили дальний переход в Джунгарию – Джунгарскую равнину на северо-западе Китая, между горами Алтая и Восточного Тянь-Шаня, и их расселение там не встретило препятствий.

Отец Николай

Русский путь в Японию пролегал через ее «северное окно» – остров Хоккайдо. Сибирские казаки появились здесь в XVII веке, примериваясь найти подходящие места для поселений. Но пограничный отряд княжества Мацумаэ тут же встал на защиту феодальных интересов своего даймё (большого землевладельца), и после нескольких вооруженных стычек сибиряки покинули остров.

До середины XIX столетия Япония была закрытой для иностранцев страной. Русские купцы время от времени проникали туда для торговли, но лишь в 1859 году они могли это делать вполне легально. Основной поток товаров из России и в Россию проходил через крупный международный порт Хакодате на Хоккайдо, где находились русское консульство, морской госпиталь и православная церковь.

В Хакодате началось и подвижничество служения православного миссионера отца Николая Японского (настоящее имя Иван Дмитриевич Касаткин). Он родился под Смоленском, закончил духовное училище, семинарию и академию и в 1860 году сам вызвался в качестве настоятеля церкви отправиться в Японию.

Спустя десять лет стараниями отца Николая в Токио была открыта русская духовная миссия.

Епископ Николай выучил японский язык, глубоко вошел в культуру и обычаи страны, в то же время и сам лично привлекая русских помощников, много рассказывал своей все увеличивающейся японской пастве о России.

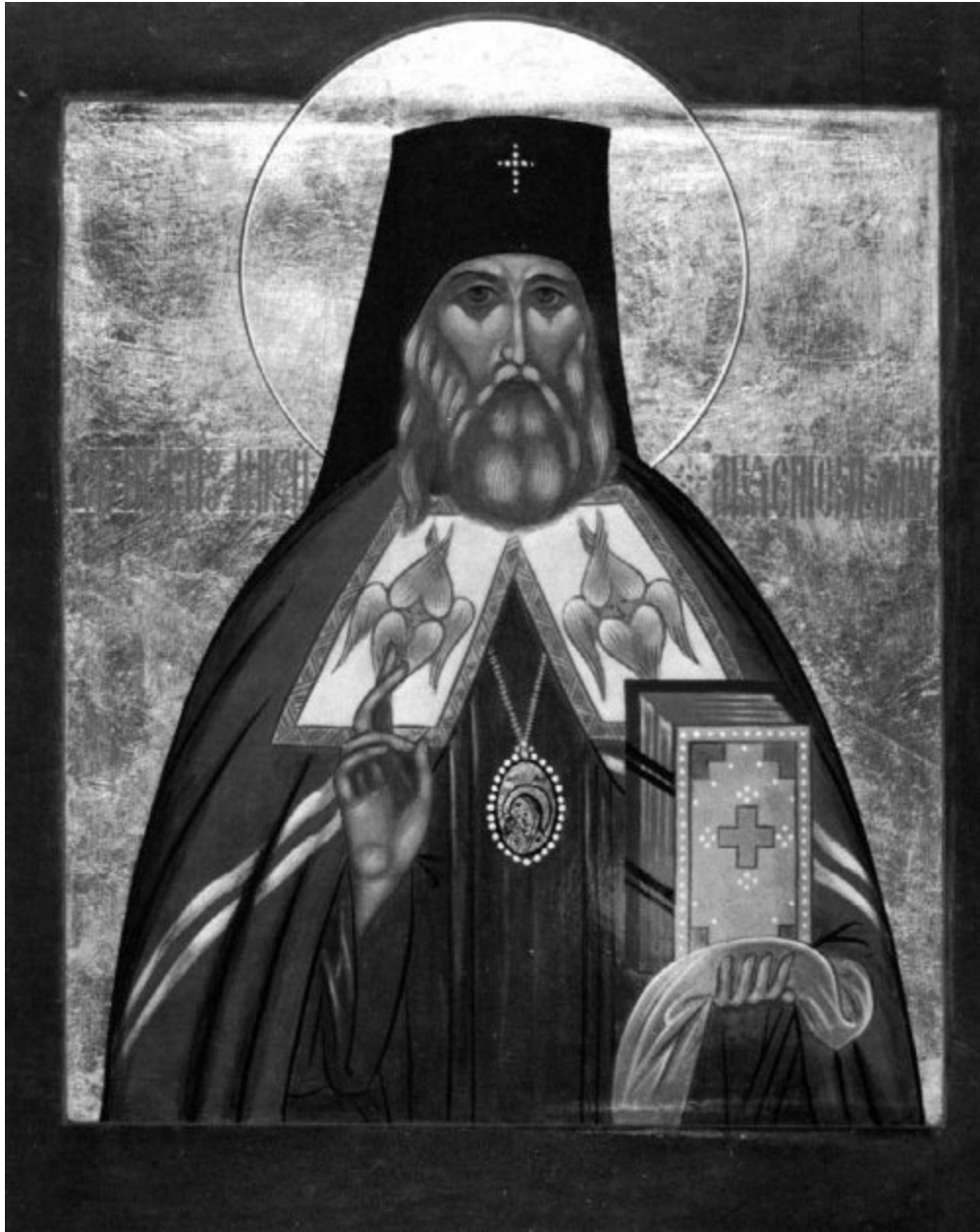
Его и без того высокий авторитет возрос еще больше, когда в мае 1891 года он заступился за самурая, совершившего покушение на находившегося с визитом в Японии наследника российского престола Николая Александровича (будущего Николая II). Епископ убедил цесаревича проявить милосердие и великодушие – простить виновного, и тот внял этому совету.

Во время начавшейся войны России с Японией 1904–1905 годов отец Николай был единственным из русских подданных, кто остался в

Стране восходящего солнца. Он стал центральной фигурой, на которую легла забота о 73 тысячах русских военнопленных.

Они были размещены в 29 лагерях и содержались в соответствии с существующими международными правилами. Японская сторона достойно обеспечила их жизнь и быт, наладив медицинское обслуживание, оборудовав для больных и раненых специальные госпитали, предоставив хорошее питание и нормальные условия содержания для столь большой массы людей. Было предусмотрено отправление христианского религиозного культа и даже уделено внимание досугу пленных. Для них устраивали экскурсии, организовывали концерты самодеятельных хоров и оркестров. «Мы часто потом говорили об этих русских, – писал в своих воспоминаниях житель предместья Токио, где находился один из лагерей для военнопленных. – Они были веселые, рослые и громко пели во время работы».

Гуманное отношение к захваченному противнику было не в японских традициях, и проявленные властями и местным населением человечность и сострадание – это не только демонстрация миру цивилизованности, но отчасти и результат неустанных усилий отца Николая, который, как мог, защищал интересы соотечественников.

Миссионер отец Николай Японский (Иван Дмитриевич Касаткин)

Епископ Николай обратил в православную веру 34 тысячи 110 японцев, оставил после себя множество учеников, заложил основы православной церкви в Японии. Почитание, которым он был окружен, нетипично для иностранца. Когда престарелый подвижник умер, сам император Мэйдзи прислал на похороны святителя венки и разрешил погребение его праха в пределах Токио, чем подчеркивалось, какой высокой чести удостоился покойный из уважения к его заслугам.

Узнать изнутри

Из Византии на Русь некогда попало литературное произведение XII века «Сказание об Индийском царстве». С него, пожалуй, и начинает складываться фантастический образ чудесной страны, которая велика, сильна, богата и обильна.

Интерес русских к Индии, собирание сведений о ней в течение столетий объясняется осознанием ее культурной близости и сходным строем духовной жизни. И автор первого сочинения о путешествии в эту страну купец из Твери Афанасий Никитин обращает внимание на то, что в вере, обычаях, взаимоотношениях индийцев много совпадений с христианскими идеалами. Для вдумчивого и наблюдательного Никитина Индия не совсем чужая страна. Она даже предстает отчасти знакомой. Он видит в ней примерно то, что ожидал, к чему его готовили легендарные рассказы. В результате Индийское царство для русского купца ни нечто инородное и иностранное, а в заметной мере напоминающее свое, российское, следовательно, доступное пониманию православного человека.

В XVII–XVIII веках стабильные и систематические отношения между Россией и Индией не налаживаются, хотя присутствуют более или менее регулярные торговый обмен и дипломатический диалог. Информацию об этом поместил в 1841 году в научно-литературном журнале «Московитянин» писатель А.Ф. Малиновский, озаглавив ее «Известия об отправлении в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами...». Он ограничился данными с 1469 по 1751 год, почему-то не обратившись к более поздним. А между тем они тоже примечательны, подтверждением чему может, например, послужить поразительная судьба Герасима Лебедева.

Он родился в 1749 году в Ярославле в семье священника. С детства его более всего привлекали музыка и дальние страны. Оба увлечения закончились тем, что он одновременно стал музыкантом и путешественником. Оказавшись в 1785 году в Индии, Лебедев провел там двенадцать лет, изучил санскрит и другие языки народов этой страны, с успехом исполнял на виолончели европейскую и национальную индийскую музыку, ставил спектакли и даже создал в

Калькутте первый в стране драматический театр, где играли профессиональные актеры, были декорации и музыкальное сопровождение. Он настолько освоил язык, вошел в жизнь Индии, вписался в ее обычаи и традиции, что к его услугам обращались даже английские индологи – ученые специалисты. Лебедев и сам со временем стал автором ряда научных работ, написал индийскую грамматику, наладил типографию с бенгальским наборным шрифтом, опубликовал труд об экономике, географии и культуре Индии «Беспристрастное созерцание...» (полное название не приводится, так как слишком длинное). А еще он занимался литературными переводами на русский бенгальской поэзии, исследовал религиозно-философскую основу индийской арифметики, вникал в тайны древней космографии, и нет ничего удивительного, что в XX веке об этом замечательном человеке были написаны два исторических романа.

Лебедев, по его собственным словам, изучал Индию, чтобы сблизить с ней свою родину, свой народ, и он достиг своей цели.

А вот еще одна необыкновенная биография. В 1826 году журнал «Северный архив» публикует «Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Д.И. Цикулина... с 1808 по 1821 год, им описанные».

Среди заморских стран, где как по своей, так и не по своей воле более двенадцати лет пробыл Цикулин, была и Индия. Крестьянин-путешественник не скрывает в своих записках, что ни щедрые дары природы, ни приветливость местных жителей, ни торговые интересы не заставили его здесь задержаться. Воспользовавшись первым же удобным случаем, он кружным путем (через Колумбию и Англию) вернулся на родину. Интересно, что в Бомбее Цикулин нашел соотечественников. В его судьбе приняла участие семья петербургского медика Грифса. Она-то и помогла ему выбраться из Южной Азии.

В отличие от Цикулина князь Алексей Салтыков отправился в Индию вполне сознательно, чтобы изучить эту удивительную страну изнутри, а поскольку всерьез увлекался живописью, то и сделать зарисовки. Ему и без того сопутствовала репутация человека эксцентричного и непредсказуемого. Теперь же этот аристократ и вовсе слывет русским Чайльд Гарольдом, пилигримом, одержимым болезненной страстью к перемене мест.

«Письма из Индии» А.Д. Салтыкова были адресованы родным и друзьям и не предназначались для печати. Он дважды (1841–1843 и 1845–1846) путешествовал по стране, причем в основном восседаая в палантине, который несли носильщики. Важным господином князь себя не чувствовал – просто другого способа передвижения для иностранца не было. К тому же уставшие кули время от времени не удерживали и роняли носилки, и Салтыков оказывался на земле, о чем пишет без всякой досады и с юмором. Полное собрание его дорожных

писем составило целых три тома. Предельно честные, доверительные, подкупавшие свежестью и непосредственностью впечатлений, они не могли не быть опубликованы и вызвали у читателей бурный восторг, тем более что автор сопровождал их собственными гравюрами и акварелями.

В Индии он нашел себя, открыл смысл жизни. Она оказалась страной его мечты. Не случайно к нему прочно приклеилось прозвище Индеец. Индейцами тогда называли и американских краснокожих, и индусов, а более правильный этноним «индиец» найдет употребление лишь позднее.

Каждая страна хранит столько мифов, сколько о ней складывают. Для русского князя Индия стала ключом к тайне, источником истины и преображения. Однако, не отрицая ее загадочности, он любит в ней прежде всего не мистическое, а земное и считает, что она придумана богами как воплощение теплоты и наполненности жизнью.

Путевые записки А.Д. Салтыкова издавались неоднократно и до сих пор не потеряли своего научного значения.

Погружение в Индию

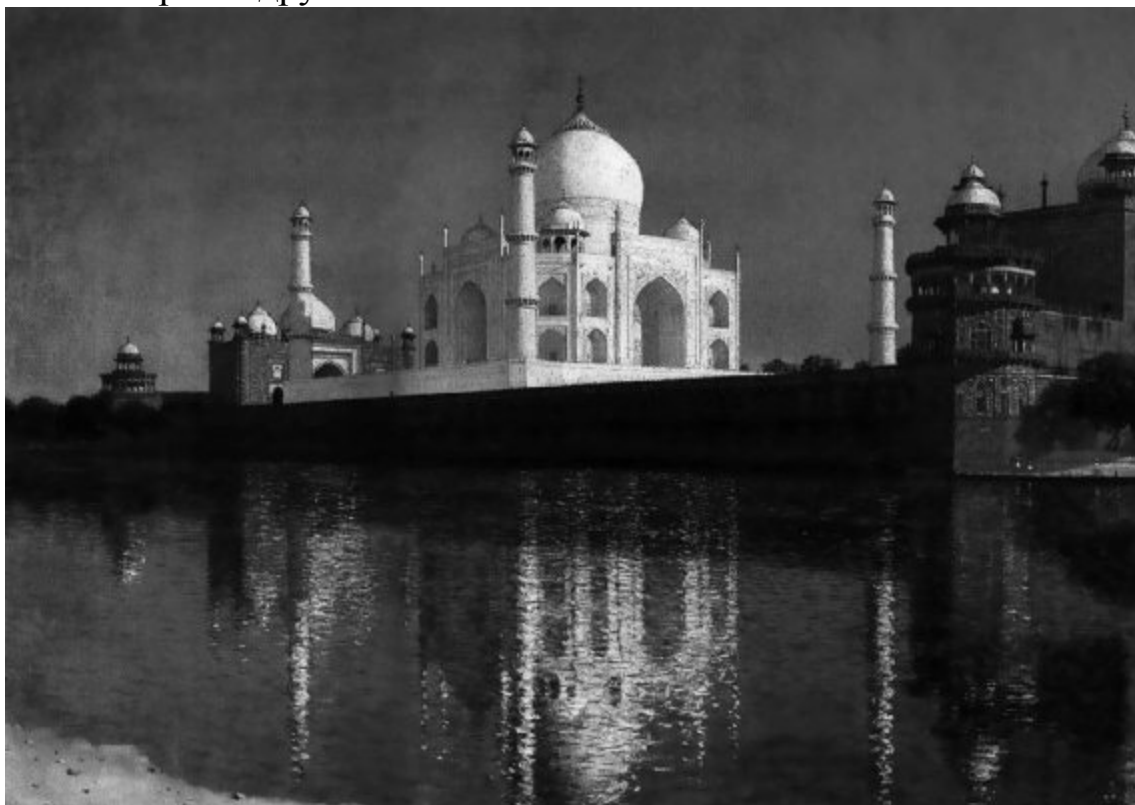
Литератор Александр Ротчев заинтересовался Индией, когда еще находился в качестве правителя канцелярии селения Росс в Америке. В 1844 году по возвращении в Петербург он публикует в журнале «Отечественные записки» не только очерк о новом Эльдорадо в Калифорнии, но и два аналитических обзора, посвященных положению дел на полуострове Индостан в связи с деятельностью английской Ост-Индской компании.

Возможность лично побывать в Индии выдалась у А.Г. Ротчева в 1852 году, когда он предпринял большое путешествие по странам и континентам. Тогда он и осуществил давнее намерение и по заранее намеченному маршруту продвигался по стране от Дели через Аллахабад к Калькутте. Им был собран богатый материал для будущей книги «Правда об Англии и сказание о расширении владений ее во всех частях света». Описание нравов, обычаев и памятников страны, сведения об освещенной индуизмом общинно-кастовой структуре в этой работе лишь фон, поскольку главное внимание уделено резкой критике британской колониальной системы, превратившей Индию в источник сырья и рынок сбыта английских товаров.

Присутствие России в Индии во второй половине XIX века минимально, но к ней обращены взоры и помыслы многих русских, которые симпатизируют индусам и выражают солидарность в их борьбе с английскими колонизаторами. Эта поддержка издалека не остается незамеченной и принимается с благодарностью. К тому же среди русских есть люди, которые непременно хотят не на расстоянии, а непосредственно на месте понять, каков он, индийский мир, чем наполнена жизнь людей, какие священные истины определяют их поведение и поступки.

Для известного художника Василия Верещагина вопрос, приезжать или не приезжать на берега Инда и Ганга, даже не стоял. Погружение в Индию он считал для себя совершенно обязательным. Его реально волнует национально-освободительное движение в главной колонии Великобритании, и верный своему принципу видеть все своими глазами, прежде чем отображать на холсте, он в поисках

живых впечатлений путешествует по Индии в 1874–1876 и 1882–1883 годах. Верещагин задумал серию картин, посвященных истории захвата Индии англичанами, и сделал более 150 этюдов. На них буддийский храм в Дарджилинге, ледник на дороге из Кашмира в Ладак, яркие человеческие типажи, колоритная национальная одежда. Позднее на их основе он напишет несколько картин на индийскую тему: «Процессия английских и туземных властей в Джейпуре», «Подавление индийского восстания англичанами», «Мавзолей Тадж-Махал в Агре» и другие.

Мавзолей Тадж-Махал в Агре. Василий Верещагин

Если в нашем мире есть чудеса, то найдутся те, кто попытается их толковать и использовать. Писательница и теософ Елена Блаватская в этом вполне преуспела. Была ли она истинной искательницей мудрости или ловкой авантюристкой – вопрос открытый. Ее называли колдуньей, медиумом Востока, пророчицей, постигавшей будущее, восхваляли и разоблачали. Индии она отдала не только несколько лет своей жизни (1852–1854, 1856 и 1878–1885), но и связала именно с

этой страной воплощение своей заветной мечты – сблизить культуры Запада и Востока. Под влиянием индийской философии она основала в 1875 году в Нью-Йорке, а в 1882 году в Адьаре, близ Мадраса, Теософическое общество. Ее «Письма из пещер и дебрей Индостана» печатались в газете «Московские ведомости» и в приложении к журналу «Русский вестник». Она стала проводником получившего широкое признание, хотя и далеко не бесспорного, духовно-мистического движения, базовые истоки которого нашла в древних текстах, знаках и символах Индии.

В древнюю и таинственную страну вслед за Блаватской отправились ее почитатели и последователи из России, тем более что с 1900 года в Бомбее открылось русское генеральное консульство, через которое можно было урегулировать пребывание русских в этой английской колонии.

Не без влияния Елены Блаватской увлекся философской мыслью и священными истинами Востока другой большой русский друг Индии – живописец, археолог, путешественник, писатель Николай Рерих. С середины 1905 года индийские мотивы прочно занимают видное место в его творчестве, а 18 лет спустя он с семьей ступает на индийскую землю, с которой в дальнейшем свяжет всю свою жизнь.

Америка далеко

(Укрепленный поселок (форт) русских колонистов Росс на берегу залива Бадего в Северной Калифорнии стал в первой половине XIX века важным опорным пунктом Российско-Американской компании. К этому времени русские владения в Новом Свете были довольно велики. Они занимали на северо-западе обширные пространства Аляски, а на западном берегу материка доходили до места, где теперь находится Сан-Франциско. Кстати, в этом городе, расположенном на холмистом полуострове на побережье Тихого океана, и сейчас живут потомки тех русских семей, которые поселились там 200 лет назад.

Комендант форта Росс И.А. Кусков, видя, что российское правительство от американских дел самоустранилось и никакой практической помощи не оказывает, решил своими силами обустроить новое поселение. Благоприятная почва и теплый климат (восемь месяцев в году всегда чистое, безоблачное небо) позволяли успешно использовать землю под пашни, огороды, фермы. Проявил себя Кусков и как хороший дипломат: договорился с властями Новой Испании (Мексики), под чью юрисдикцию подпадала Верхняя Калифорния, о взаимной торговле.

В течение тридцати с лишним лет (1812–1842) форт Росс оставался надежной базой Российско-Американской компании, но удерживать его и далее в условиях накалившейся внешней обстановки, когда соседняя Мексика ультимативно требовала ликвидировать русское селение и крепость, было небезопасно. Компания сочла за лучшее продать форт Росс мексиканскому гражданину швейцарского происхождения Джону Суттеру за 300 тысяч пиастров.

Форт Росс в 1828 г.

О форте Росс в США сейчас напоминает федеральный музей на месте прежнего селения. Памятники того времени – отдельные служебные постройки, стены, башни и церковь. Все это сохранено и заботливо сберегается, а российский флаг над уцелевшим домом коменданта форта развевается, как много лет назад.

Русская Америка и после потери райского уголка на морском побережье Калифорнии продолжала существовать. Ее столицей был Новоархангельск – город, основанный в 1788 году главным правителем русских поселений в Новом Свете А.А. Барановым на одном из островов архипелага близ Аляски.

В этих широтах занятия сельским хозяйством в силу природных условий не шли ни в какое сравнение с теми, что были в Калифорнии. Около форта Росс развивалось не только пашенное земледелие, но и скотоводство. Пшеницу, рожь, ячмень, гречиху, горох, фасоль, кукурузу, лен, табак, растительное масло, горчицу Русская Америка получала преимущественно из форта Росс. Оттуда же поставлялись солонина и сливочное масло. После 1842 года вопросы продовольственного снабжения русских колонистов приходилось решать путем привоза провианта из материковой России и за счет закупок в Мексике.

Хозяйственная деятельность на крайне отдаленном от основной территории полуострове и прилегающих островах оказалась

чрезвычайно убыточной. Российско-Американская компания не располагала необходимыми средствами для эксплуатации природных богатств Аляски и к тому же сталкивалась здесь с экспансией со стороны Великобритании. Во время Крымской войны (1853–1856) англо-французская эскадра преследовала цель вторжения в пределы Русской Америки, но не достигла успеха и вынуждена была прекратить боевые действия.

В 1867 году Российско-Американская компания была ликвидирована ввиду продажи Соединенным Штатам российских владений (Аляска и Алеутские острова) в Северной Америке за 11 миллионов рублей, или 7 миллионов 200 тысяч долларов. Этой акцией дипломатия императора Александра II решала не столько экономические, сколько политические задачи – укрепить в сложной международной обстановке отношения с США.

Не все русские колонисты приняли решение вернуться в Россию. Некоторые остались. Их потомки до сих пор живут на американской земле. Новоархангельск с 1867 года переименован в Ситку, но следы русского пребывания все же сохранились в названиях ряда населенных пунктов. Существует (с 1840 года) Алеутская епархия Русской православной церкви. На Аляске есть русские храмы. Один из них – церковь Вознесения Господня в Уналашке под Анкориджем.

В Анкоридже и Фэрбенксе сегодня немало желающих изучать русский язык, да и всплеск интереса к России и ее культуре, похоже, не модное поветрие, не одномоментное явление, а показатель устойчивой тенденции. Американцы Аляски хотят лучше узнать русскую страницу своей истории.

Сахарные острова

Вероятно, не будет ошибкой взять за точку отсчета в освоении русскими южноамериканского континента лето 1763 года, когда мичман Никифор Полубояринов ступил на бразильскую землю, высадившись на берег в местечке Себастьян в устье реки Рио-де-Жанейро.

Естественно, что именно русские моряки опередили всех прочих соотечественников, и пребывание Полубояринова относится к самым ранним посещениям россиянами четвертого по величине материка земного шара.

На побывавших в XVIII веке в юго-западной части Северной, в Центральной и Южной Америке первых русских наиболее сильное впечатление произвели ни жаркие степи Пампы, ни Мексика, ни Бразилия, а так называемые сахарные острова: Гаити, Куба, Мартиника, Пуэрто-Рико, Сен-Томас.

Трудно понять, что искал в этом далеком и экзотическом уголке планеты, известном тогда как Вест-Индия, купеческий сын Федор Каржавин. Владея более чем десятью языками, он отправляется странствовать, и его долгое путешествие фактически выливается в эмиграцию. Три года он проводит в Западной Европе, затем перебирается в Новый Свет, но по-настоящему находит место под солнцем на островах Карибского моря, где живет с некоторыми перерывами свыше десяти лет.

Он пытался заниматься коммерцией, работал переводчиком, служил аптекарем, медиком, совмещал географическое описание увиденного с литературным сочинительством, вел дневник, куда заносил свои впечатления и наблюдения.

Физическая карта Мексики

По собственному признанию, почти тринадцать лет он провел вне отечества и двенадцать из них «в разных областях как холодной, так и теплой Америки...».

В скитаниях по белу свету Каржавин испытал много превратностей судьбы и нигде так и не смог обрести желанного покоя, однако на Карибах чувствовал себя, по его словам, необыкновенно хорошо благодаря гостеприимству и радушию живущих там простодушных народов, принимающих всех странников с обожанием.

Примерно тогда же (1780-е годы) другой русский купец Василий Банщиков против своей воли попал на Виргинские острова. Его обманом заманили на отплывающий в Америку датский корабль. Он был определен в солдаты, а потом приставлен к «черной работе». Впоследствии, благополучно вернувшись на родину, Банщиков изложил свои приключения и злоключения в книге воспоминаний.

В Мексику торговые интересы Российско-Американской компании привели русских еще в последние десятилетия XVIII века. В следующем столетии отношения Русской Америки с этой страной перерастают из эпизодических в довольно регулярные.

Инициатором сближения с Мексикой был губернатор российских владений в Америке барон Фердинанд Врангель. В 1833 году он предпринял в качестве должностного лица путешествие по Мексике, целью которого было наметить пути активизации дальнейшего экономического сотрудничества между русской и мексиканской сторонами. Его опубликованный «Дневник» свидетельствует о том, что он собирался направить в практическое русло решение вопроса об официальном утверждении за Россией форта Росс и некотором расширении прилегающей к нему территории для размещения новых русских колонистов.

Царский подарок

От Великих американских озер до мыса Горн пролегал в середине 1830-х годов маршрут русского путешественника Платона Чихачева. Он побывал в Канаде, США, Мексике, Эквадоре, Перу, Чили. Это потребовало от него немалой выносливости и сноровки, особенно когда ему пришлось, не обладая навыками альпиниста, пробираться через Кордильеры и Анды. Далее он с запада на восток пересек Аргентину, преодолев дикие пампасы.

Чихачев, конечно, никак не предполагал, что Россия свернет свое присутствие в Америке. Он, напротив, рассчитывал на приток туда, и в первую очередь на юг континента, созидательных русских сил. Впрочем, этот покоритель Кордильер не так уж и ошибся. Ведь через несколько десятилетий к концу XIX – началу XX века из России начнется массовая трудовая эмиграция, которая охватит не только Северную и Южную Америку, но достигнет даже Австралии и Новой Зеландии.

В Аргентине сегодня не один десяток православных церквей. И в столице страны Буэнос-Айресе их несколько. Правда, действующих всего четыре.

Примечательна церковь Покрова Святой Богородицы в поселке Трес-Капанес в северной провинции Мисьонес. Она, во-первых, относится к числу старейших (построена и освещена в 1904 году) православных храмов в Аргентине, а во-вторых, знаменита колоколом, который был доставлен прихожанам в дар от самого российского императора Николая II.

Русские поселки, основанные, как правило, в первые десятилетия XX столетия, в Латинской Америке не редкость. Так, Парагвай русские крестьяне-переселенцы начали обживать с XIX века, и русская колония играла заметную роль в жизни страны.

Свято-Троицкая церковь в г. Буэнос-Айресе

Поселок выходцев из России сохранился в долине реки Гуаделупе в Мексике. Начало ему положили в 1906 году так называемые молокане – приверженцы религиозной секты, которые образно именуют свое учение «чистым молоком духовным».

Потомков русских поселенцев можно встретить в департаментах Рю-Негро и Сан-Хавьер в Уругвае и в парагвайской провинции Чако. Русские семьи с уже столетней историей пребывания в стране есть в Чили и Эквадоре, Перу и Бразилии.

В Венесуэле хорошо знают и чтут живописца Николая (Николаса) Фердинандова. Этого великолепного мастера акварели и декоратора, автора прекрасных ювелирных изделий венесуэльцы едва ли не считают своим национальным художником. Он прожил в Венесуэле девять лет с 1916 по 1925 год, обрел здесь творческий подъем и нашел семейное счастье. Преждевременная смерть от воспаления легких не дала раскрыться его таланту в полную силу. Он умер, когда ему не было и сорока.

Работы Н.А. Фердинандова представлены в столичном национальном музее и других художественных музеях страны. Он оказал значительное влияние на венесуэльскую школу живописи, его квартира-студия в Каракасе стала салоном, притягивавшим молодых художников. И знаменитый впоследствии Армандо Реверон, которого называли в XX веке первой кистью Венесуэлы, признавал, как много ему дали дружба и профессиональные уроки русского мастера.

Несмотря на преграды

К началу XX века Северная и Южная Америка стягивают наибольшие потоки эмиграции из России. Попытки царских властей остановить утечку рабочей силы из страны путем создания искусственных преград ничего не дают. Ни умышленное затягивание в решении вопроса, ни усложнение бюрократических формальностей, ни высокая стоимость расходов на дорогу не сбивают волну желающих отправиться на постоянное место жительства за океан. Правда, препятствия, которые строят чиновники отъезжающим, все же дают результат: из-за трудностей с легальной активизируется нелегальная эмиграция.

До объявления в 1905 году свободы вероисповедания велик был отток из России старообрядцев и униатов (приверженцев унии – объединения христиан одного или нескольких толков при главенстве католицизма), а также различных сектантов – духоборов, молокан и др. Фактически это было движение протеста, ответ на политику российской власти и официальной церкви насильственно обратить придерживающихся иных религиозных или конфессиональных убеждений и упорствующих этим православию.

Значительная часть старообрядцев, переселившихся в Новый Свет, осела в США (штаты Пенсильвания, Калифорния, Нью-Джерси, Мичиган и др.).

В общей сложности с 1891 по 1900 год в США эмигрировали из России 444 тысяч человек, или 57,8 процента от числа всех выехавших за рубеж в это время.

Другой принимающей практически без ограничений переселенцев из Российской империи североамериканской страной была Канада. За то же десятилетие туда переехало 23 тысячи человек (3,5 процента от общего количества эмигрантов). Здесь нашли убежище довольно много людей, покинувших родину по религиозным мотивам. Так, в 1894–1899 годах около 8 тысяч новопоселенцев, согласившихся жить в неосвоенных районах провинции Саскачеван, были духоборами, или «борцами за дух». Под духом они понимали совесть и нравственность,

считали человека «живым храмом» и не признавали устоявшихся обрядов.

С 1900 по 1913 год Канада пополнилась еще 188 тысячами эмигрантов из России.

По одному из заслуживающих доверия свидетельств, русские в Канаде в подавляющем большинстве составляли отбросы Российской империи – бывшие преступники, дезертиры, маргиналы. Хотя они и звались русскими, на самом деле были в основном украинцами, поляками, литовцами, латышами, евреями, прибалтийскими и поволжскими немцами. К настоящим же русским относились преимущественно духоборы, которые жили колониями, не растворялись в общей разноразличной массе эмиграции и сохраняли свое национальное лицо.

Батумский порт. Лев Лагорио. 1881 г. Оренбургский областной музей изобразительных искусств.

Отсюда духоборы отправлялись через Атлантику в 1898 и 1899 гг.

Признанным лидером переселившихся в Канаду из России духоборов был Петр Васильевич Веригин, находившийся под большим влиянием учения Л.Н. Толстого о непротвлении злу насилем.

Сначала он состоял в переписке с писателем, а потом и познакомился с ним лично.

Третье и четвертые места среди американских стран, предоставивших в первое десятилетие XX века свое гостеприимство эмигрантам из России, поделили Аргентина и Бразилия, куда прибыло соответственно 10 и 9 тысяч переселенцев.

И шесть тысяч человек (0,9 процента от общей массы) рассеялось по нескольким южноамериканским странам (Парагвай, Уругвай, Чили, Венесуэла, Боливия и др.).

Под вымышленными именами

Тяжесть и длительность воинской службы в России были одной из причин бегства за границу солдат и матросов. Это началось еще при Петре I, когда набор в армию по рекрутской повинности фактически до старости лишал человека права принадлежать самому себе и распоряжаться своей жизнью. Сокращение срока службы с конца XVIII века до 25, а с 1834 года – до 20 лет все равно проблемы не решало, поскольку солдатчина слишком сильно и надолго привязывала огромную массу мужчин в их лучшие годы к армии. Иные, чтобы покончить с ненавистным военным рабством, решались на дезертирство. Осуществить задуманное было непросто и очень рискованно, и те немногие случаи успешного бегства, которые известны, как правило, происходили во время пребывания сотен тысяч солдат и матросов за пределами родной страны. Далее путь человека, самовольно покинувшего свой полк или флотский экипаж, обычно лежал туда, где, по его разумению, он сможет так спрятаться, что его никогда не отыщут. Таким надежным местом, в частности, представлялась Южная Африка. Здесь находили спасительное убежище не только беглые солдаты и матросы, но и ссыльные, люди с темным прошлым, бывшие не в ладах с законом. Они жили под вымышленными именами, придумывали себе правдоподобные биографии, но не раз бывали разоблачены своими соотечественниками. Ведь с начала XIX века путешествия русских в Африку учащаются, и в записках их участников отражены встречи со странными белыми людьми, не знавшими европейских языков, державших себя скованно и не умеющими утаить, что понимают по-русски.

Конечно, этих несчастных можно понять. Они боялись насильственного возвращения на родину и сурового наказания (каторга), которое их ждет. Рассказывая о себе, они путались, сочиняли небылицы, как мнимый француз Ганц-Рус, поселившийся недалеко от Кейптауна и торговавший всем понемногу из съестного – от огородной зелени и картофеля до фруктов, изюма и птицы. Потом выяснилось, что он никакой не Ганц-Рус, а уроженец Нижнего Новгорода Иван

Сезиомов. Правда, больше он откровенничать не стал, не без оснований опасаясь за свою судьбу.

Похожий случай приводит в книге «Фрегат «Паллада» писатель И.А. Гончаров, побывавший на мысе Доброй Надежды в 1853 году. Он упоминает о некоем старике, который сам подошел к сошедшим с корабля на берег офицерам и заговорил по-русски. Неизвестный оказался крестьянином Орловской губернии. Из его рассказа выходило, что в 1814 году он был захвачен в плен французами, потом на их стороне сражался с англичанами при Ватерлоо, попал в плен уже к ним, а затем был завезен в Капскую колонию.

Скорее всего, как и Сезиомов, этот человек дезертировал из армии и нашел пристанище на краю света. Возраст позволял ему не опасаться, что его схватят и в кандалах доставят в Россию. Но то, что он сообщил о себе, плохо согласуется с историческими фактами и очень похоже на вымысел.

Обычное явление

Приходит время, когда русские научные экспедиции в Африку становятся явлением вполне обычным. Они организуются прежде всего Императорской академией наук, а также по линии Русского географического общества, и охватывают весь Черный континент. Однако как преобладающее долго удерживают североафриканское направление. Так, автор трудов по систематике растений и животных, палеонтолог, геолог и минералог Эдвард Эйхвальд путешествует в 1847 году по Алжиру, проводя там фронтальные исследования природы, горных систем, рельефа местности. За этим ученым-естествоиспытателем в Алжир следуют другие: А.А. Штраух (1862), А.И. Макшеев (1868), А.Н. Куропаткин (1874).

Фрегат «Паллада»

Египет, Алжир и Тунис занимают приоритетное место в маршрутах русских географических экспедиций конца 70-х – первой половины 80-х годов

XIX века, предпринятых П.А. Чихачевым и А.В. Елисеевым. Последний продолжил полевые исследования в начале 90-х годов в Судане, но в Ливийской пустыне он и его спутники подверглись нападению грабителей и были обобраны до нитки.

Из целого ряда других российских ученых-африканистов второй половины XIX столетия наиболее известны трое: Георг Швейнфурт, Стефан Шольц-Рогозинский и Василий Юнкер. Их труды получили не только общеевропейское, но и всемирное признание. Первый исследовал районы Центральной Африки, второй и третий углубились в экваториальную часть материка.

Швейнфурт был первым подданным Российской империи, который в 1870 году побывал в Конго – тогда бельгийской части Центральной Африки. Этот уроженец Риги по образованию, интересам и достигнутым научным результатам в равной степени совместил в себе квалификацию ученого-естествоиспытателя, географа и ботаника. Наряду с ним и после него в бельгийских владениях в Африке в третьей четверти XIX столетия и вплоть до Первой мировой войны нашли себе профессиональное применение не менее ста россиян: специалисты, путешественники, предприниматели, но в основном люди науки.

В те же годы географическое и археологическое изучение Северной Африки проводили М.И. Венюков (он побывал также на Восточном побережье), Д.А. Драницын и десятки других ученых из России.

Высокий авторитет и репутация представителей русской науки способствовали тому, что к правительству России за помощью в решении многих практических вопросов, связанных с почвоведением, геологией, геодезией, а также с конкретными инженерно-техническими нуждами, обращаются власти африканских стран. Например, еще в середине XIX века по приглашению египетского паши Мухаммеда Али для поиска месторождений золота в Восточном Судане в Африку прибывает русская экспедиция во главе с геологом

Е.П. Ковалевским. В результате не только были открыты содержащие драгоценный металл россыпи, но и запущена золотопромывальная фабрика.

Георг Швейнфурт был первым подданным Российской империи, который в 1870 г. побывал в Конго – тогда бельгийской части Центральной Африки

Именно русских специалистов предпочитают другим иностранцам императоры Эфиопии. Известно, что в 1896 году во время итало-эфиопской войны военным советником царя царей

становится русский офицер Николай Леонтьев, а год спустя следует его назначение генерал-губернатором экваториальных провинций. Тогда же по просьбе негуса (сокращенный титул императора) Россия отправляет в Эфиопию санитарный отряд. Параллельно группа географов под руководством Л.К. Артамонова осуществила маршрутную съемку от Аддис-Абебы до бассейна реки Джубы. Практика русских географических экспедиций в Эфиопии (под началом Н.Н. Курманова и др.) нашла продолжение и в начале следующего века.

Открытие в православной Абиссинии Императорской российской миссии заметно активизировало контакты и союзнические отношения между обеими странами. При негусе Менелике II в его ближний круг входили двое русских: исследователь Африки Александр Булатович и врач Александр Кохановский.

Страсть к путешествиям занесла в 1880 году в Африку начинающего художника из Курска Александра Чикина. Он не только неутомимо изображал то, что произвело на него наиболее сильное впечатление на Африканском континенте, чертил карту своего маршрута (она уцелела), но и вел дневник, куда заносил все, на его взгляд, мало-мальски важное и интересное. Эти путевые заметки (большая, густо исписанная общая тетрадь) сохранились, а вот от огромного количества рисунков осталось лишь несколько. Они выразительны, выполнены с настроением и стремлением к предельной точности деталей. Если когда-нибудь будут обнаружены и пропавшие остальные, их ценность как географического источника информации не вызывает сомнения.

«Африканский дневник» и африканские стихи (вошли в сборники «Шатер» и «Колчан») Николая Гумилева – яркое напоминание о неоднократном (в период с 1908 по 1913) пребывании поэта на Черном континенте. Он не только путешествовал и охотился, но и участвовал в научных экспедициях, интересовался местным фольклором, бытом, искусством, собрал и привез в Россию богатый антропологический и этнографический материал, который передал для пополнения коллекции петербургской Кунсткамеры.

Кто знает, сколько их было – граждан огромной Российской империи, чья судьба вдруг крепко-накрепко оказалась связана на рубеже XIX—

XX веков с Африкой? Внимание, которое уделяется в современной России истории русского зарубежья, вселяет надежду, что будет еще много находок, проливающих свет на русские страницы африканистики. И тогда всплывут новые имена и новые интересные факты.

Станица Московская

Наибольшая плотность русских эмигрантов в Африке приходилась на Капскую колонию. Эта южная оконечность континента привлекает переселенцев из России и благоприятным климатом, и обжитостью европейцами. В 1875 году только в Кейптауне – крупнейшем городе страны – насчитывалось 82 выходца из России.

С началом Англо-бурских войн (1880–1881 и 1899–1902) в Африку воевать с англичанами на стороне буров – потомков первых европейцев из голландцев, немцев и французов вызвались отправиться сотни русских добровольцев. Они вступили в Европейский легион волонтеров, которым командовал подполковник Евгений Максимов, позднее ставший в бурской армии генералом. Не оставило равнодушным общественное мнение России и экспансия Англии и Франции в Абиссинии, тем более что негус этой православной страны Иоанн попросил у императора Александра III защиты. Но тот не счел возможным пойти навстречу царю царей, ибо всячески избегал втягивания в какие бы то ни было военные конфликты и не случайно заслужил прозвище Миротворец.

Однако отказ официального Петербурга прийти на помощь не отменял народную инициативу. И в апреле 1888 года на берегу Таджурского залива (теперь это территория Республики Джибути) высадилось 150 человек русских во главе с терским казаком, есаулом по чину Николаем Ашиновым. Основное ядро неожиданного десанта составляли казаки, но это был не совсем военный отряд, поскольку тут же были их жены, дети и батюшка – архимандрит Паисий.

Атаман скоординировал построение и объявил о закладке русского поселения – станицы Московской. Торжественный акт был ознаменован поднятием на флагшток флага России.

Колонисты обосновались на перешейке между Красным морем и Аденским заливом. Это место идеально подходило для устройства военно-морской базы и контроля за акваторией, через которую лежал путь из Европы на Восток, и выбиралось с определенным прицелом – некоторые высокие чины из руководящего состава российских военно-морских сил были в курсе предприятия Ашинова и тайно

благословили его затею, надеясь в случае успеха закрепиться в стратегически удобной точке.

Казаки действовали дерзко, быстро и решительно. Никакого ни армейского, ни флотского прикрытия у них не было. Правда, они пользовались покровительством негуса Иоанна.

Поскольку Франция считала занятую русскими территорию зоной своих геополитических интересов, из Парижа в Санкт-Петербург был сделан запрос о полномочиях Н.И. Ашинова. Политика сердечного согласия, которую проводила тогда дипломатия Александра III по отношению к Франции, разумеется, исключала осложнения с только что обретенным добрым союзником. Ответ из России был однозначный: Ашинов – самозванец, в Африку с отрядом единомышленников отправился без высочайшего на то повеления и согласования с официальными инстанциями. Тем самым царские чиновники устранялись от проблемы и умывали руки, фактически бросая соотечественников на произвол судьбы.

Между тем та часть туземного поселка Таджура, где разместились ашиновцы, на глазах приобретала облик типичной русской деревеньки. Народ в отряде подобрался работающий. Из привезенного леса возвели церковку, поставили дома, посадили на приусадебных участках саженцы из

России, разбили палисадники. На огородах наряду с экзотическими овощами и плодами начали выращивать огурцы и помидоры.

В станице Московской поддерживалась образцовая дисциплина. Люди были разделены на шесть взводов, на каждый из которых приходился примерно одинаковый объем работ. По сути, русская колония напоминала военное поселение.

Французская эскадра из крейсера и трех канонерок вошла в залив Таджура как раз в тот момент, когда в станице Московской закончилась

церковная служба. Раздались орудийные залпы, сразу на смерть поразившие несколько человек, включая двух женщин (одну беременную) и четверых детей. Двенадцать колонистов были тяжело ранены, остальные, в том числе Ашинов, взяты в плен.

Так трагически закончилась недолгая история русского лагеря в Африке под названием станица Московская.

На пятом континенте

Австралия узнала русских во второй половине XIX века, когда среди моряков, высаживавшихся в Сиднее, Мельбурне и других портах этой большой английской колонии, стали появляться флотские из России.

Конечно, с пятым континентом ассоциируется имя знаменитого ученого и путешественника Николая Миклухо-Маклая. Он прожил в Австралии несколько лет (1878–1882 и 1884–1886), а северо-восточный берег Новой Гвинеи назван в честь него Берегом Маклая. Там он тоже прожил не один год.

Благодаря Миклухо-Маклаю в Новую Гвинею едва не хлынул поток переселенцев из России. Ведь ученый предлагал основать на этом крупнейшем острове Океании «вольную русскую колонию». Со своим проектом он даже побывал в Ливадийском дворце в Крыму – летней резиденции российских императоров. Однако царь Александр III нашел идею Маклая несвоевременной, дорогостоящей, нереальной и заведомо невыполнимой. Между тем, поскольку в печати прошла информация о возможном создании такой колонии, поступило около 2 тысяч прошений от желающих немедленно пуститься в путь.

Эмиграцию в Австралию в конце XIX века трудно сопоставить с эмиграцией в США, Канаду, Аргентину или Бразилию. И тем не менее на пятый континент выходцы из России тоже устремились. В 1890 году там было зарегистрировано около 300 человек, расставшихся с русскими паспортами, а в следующем, 1891-м, общее число прежних и вновь прибывших эмигрантов приблизилось к трем тысячам, причем мужчины многократно (2350 человек) преобладали над женщинами (531 человек).

В Австралию в это время преимущественно въезжали евреи из юго-западных и прибалтийских регионов России, что было вызвано проводившейся тогда царизмом дискриминационной национальной политикой по отношению к инородцам вообще и к евреям в частности.

В 1901 году, когда был образован Австралийский Союз, бывших подданных Российской империи на пятом континенте насчитывалось уже 3 тысячи 358 человек: 2648 мужчин и 710 женщин. География их расселения – Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Западная и Южная Австралия и Тасмания.

Русско-японская война, революция 1905–1907 годов и аграрная реформа П.А. Столыпина стали толчком для эмиграции из районов Сибири и Дальнего Востока. Ранее привязанные к земле крестьяне теперь получили право на свободное переселение и не замедлили им воспользоваться. Нет ничего удивительного, что их выбор пал на

Австралию, где не только по слухам, но и по сообщениям российской прессы можно было легко получить хороший земельный участок, рассчитывать на высокий заработок, и к тому же не омрачали жизнь ни войны, ни революционные потрясения, ни перепады политического курса властей. Для домовитых обстоятельных мужиков, стремившихся наладить крепкое хозяйство, фактор стабильности был далеко не из последних. И они не без оснований видели в Австралии страну, в которой, как говорится, тишь да гладь и Божья благодать. А работы они не боялись, и силы для обустройства на новом месте готовы были затратить, не щадя себя – лишь бы толк вышел.

К 1911 году на пятом континенте, согласно переписи, проживает уже 4 тысячи 456 уроженцев Российской империи. За десять лет русская Австралия пополнилась в основном крестьянским контингентом.

Эвкалипты и березы

На кого-то Австралия производила обманчивое впечатление страны, во многом похожей на Россию. Ведь стоило переселенцу увидеть среди пальм и эвкалиптов березу или дуб, как появлялась иллюзия, что природа здесь не столь уж сильно отличается от русской да и местность, как дома, на родине, куда ни кинь взгляд, равнинная.

Потом это заблуждение рассеивалось.

Не всем новым колонистам посчастливилось, как они рассчитывали, стать фермерами. Даже люди, давно привычные к сельскохозяйственной работе, попав в иные, чем на родине, условия, в другой климат, да еще и не зная английского языка, столкнулись с очень большими трудностями. Какая-то часть эмигрантов определилась в качестве наемных работников в чужие хозяйства и, приобретя необходимые знания, навыки, опыт, потом с успехом начала свое собственное дело. Но бывало и так, что люди решали, раз с крестьянским трудом не заладилось, значит, так тому и быть, и уезжали в город, где рабочие руки всегда были нужны. Без владения профессией они ни на что особенное претендовать не могли и обычно использовались как малоквалифицированная рабочая сила на строительстве железных дорог, на медных рудниках и золотых приисках, на рубке леса, на шахтах и в портовых доках.

Больше всего россиян сгруппировалось в северо-восточном австралийском штате Квинсленде, в столице которого Брисбене была целая улица, заселенная почти исключительно русскими.

В отличие от трудовой политическая эмиграция из России шла Австралии не на пользу. Прибывшие революционеры развернули агитацию и пропаганду, что привело к обострению до этого вполне нормальных и дружелюбных отношений между рабочими и работодателями, к уменьшению показателей производства вследствие забастовок и других актов протеста. Политэмигрантов было всего около 500 человек, но они развили высокую активность, которая пришлась по душе далеко не всем австралийцам. Большая часть трудового населения страны поддерживала существующую общественно-политическую систему с крепкими традициями

демократии, была против ее расшатывания и смотрела не тех, кто развивал революционную инициативу и мутил воду, сбивая с толку товарищей, как на чужаков и опасных смутьянов. К тому же, раздувая рабочее движение, некоторые революционеры жили на деньги из партийной кассы, не зная, что такое тяжелый физический труд. В какой-то мере они изменили к худшему мнение о русских, но со временем разобравшись, что группа политэмигрантов – это всего лишь, как говорится, ложка дегтя в бочке меда, австралийцы перестали косо смотреть на тех, кто приезжал из России.

Эвкалиптовый лес в Австралии

Однако именно революционеры стали выпускать первую в Австралии газету на русском языке. Она печаталась с июня 1912 года, и в ее организации и издании деятельное участие принимал большевик Ф.А. Сергеев, известный также под партийным псевдонимом Артем.

Перед Первой мировой войной, по данным российского генерального консульства, в Австралии насчитывалось 11 тысяч

выходцев из Российской империи, а в соседней Новой Зеландии их было около тысячи.

Доля россиян в 2,5-миллионном населении пятого континента составляла от 0,2 до 0,4 процента.

С началом Первой мировой войны примерно тысяча эмигрантов из России вернулась на родину, чтобы быть на фронте и с оружием в руках защищать отечество. Впрочем, это общая тенденция – так поступали и в других странах.

Волна за волной

Предысторию и дооктябрьскую историю русского зарубежья по понятным причинам не принято смешивать с горькой, трагической, но исполненной истинного величия послеоктябрьской – феноменом, порожденным революцией 1917 года и начавшейся Гражданской войной.

Однако заграничные поселения русских сложились гораздо раньше, были довольно многочисленны и при всей их распыленности по миру все же, как правило, представляли собой нечто устойчивое, что позволяет говорить о некоторых из них как о диаспорах, то есть компактных общностях русского народа, живущих вне страны его происхождения. Сразу следует сделать ремарку: речь не идет только об этнических русских. По крови это могли быть также украинцы, белорусы, евреи, поляки и т. д., но для своего окружения в принимающей стране они собирательно были именно русскими. Такова их самоидентификация, и потом по преимуществу они выступали носителями русского языка и культуры.

ШТАБЪ — ОФИЦЕРСКИЙ РЕЗЕРВЪ.

— „Да на кой хрънъ Вы, Иванъ Петровичъ ѣхали сюда, коли Вы въ винтъ и то играть не умѣете! Оставались — бы, лучше у большевиковъ! . . .“

Карикатура белых офицеров на самих себя в эмиграции.
О. Лемнос. 1921 г.

Интересно, что первая массовая волна эмиграции из России предшествовала и революции, и Гражданской войне. Мощные эмиграционные процессы происходили в стране еще до установления советской власти и коммунистического режима, причем масштаб эмиграции не только не уступал оттоку людей в первые советские десятилетия, но даже превосходил его.

Фактически со времен Великих реформ 1860-х – 1870-х годов и бурного развития капитализма эмиграция из России шла буквально волна за волной.

По своей природе это главным образом была экономическая, или, как ее еще называют, трудовая эмиграция. Крестьяне, рабочие, ремесленники, инженерно-технические кадры, медики уезжали за границу, потому что там их привлекали более высокий, чем на родине, заработок и вместе с тем лучшие по сравнению с российскими система

социальной защиты и условия жизни и труда. О динамике выезда на работу за рубеж свидетельствуют следующие цифры. В 1828–1859 годах нашли себе применение за границей 33 тысячи 314 человек. В реформенные и пореформенные годы (1860–1890) наблюдается резкий рост численности трудовых эмигрантов – до

1 миллиона 128 тысяч 563 человека. Наконец в десятилетия накануне Первой мировой войны трудовой десант из России достигает рекордной цифры 3 миллиона 347 тысяч 418 человек.

Высокая оплата труда в странах Западной Европы, в США, Канаде – веская причина столь крупного выброса из страны рабочих рук. Но наряду с экономической была эмиграция по идейным мотивам. Так, революционеры, преследуемые за теорию и практику террора, насилия, экстремизма, реально рассматривались в России как политические преступники и лишь за рубежом чувствовали себя в сравнительной безопасности.

Примером эмиграции по национально-религиозным соображениям может послужить переселение в Турцию по окончании Кавказской войны так называемых мухаджиров – жителей западных регионов Северного Кавказа. В общей сложности в Малую Азию переселились от 1 до 2,5 миллиона горцев.

Дорожа свободой вероисповедания и не имея возможности ее реализовать, немало русских рассматривали эмиграцию как способ решения проблемы. Старообрядцы, духоборы, молокане, представители других течений внутри православия и сект, не в силах найти общий язык с властями и официальной церковью, находили желанную веротерпимость за рубежом.

Дискриминация и погромы заставили покинуть Россию многих евреев. В 1901–1910 годах только в США их прибыло 704 тысячи 200 человек. Среди представителей других национальных меньшинств, недовольных своим положением и поэтому уезжавших, они численно преобладали.

В целом в течение XIX – начале XX века волны эмиграции вынесли из России не менее 4,5 миллиона человек. Перед Первой мировой войной отток был в среднем не менее 250 тысяч человек в год.

Список литературы

Антропов О.К. История отечественной эмиграции: Учеб. пособие. Кн. 1.4. 1. Астрахань: Изд-во Астраханского государств. пед. университета, 1996.

Беляков А.А. Русский Египет. М.: Вече, 2008.

Бурлак В.Н. Русская Америка. М.: Вече, 2009.

Бурлак В.Н. Русский Париж. М., 2008.

Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008.

Командорова Н. Русский Стамбул. М.: Вече, 2010.

Кравцов А.Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011.

Нечаев С.Ю. Русская Италия. М.: Вече, 2008.

Нечаев С.Ю. Русская Ницца. М.: Вече, 2008.

Нечаев С.Ю. Русские в Латинской Америке. М.: Вече, 2010.

Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008.

Попов А.Н. Русский Берлин. М.: Вече, 2010.

Романюк С.К. Русский Лондон. М.: АСТ, Астрель, 2009.

Ронин В.К. Русское Конго: 1870–1970. Т. 1, Т. 2. М.: Русский путь, 2009.

Русская Индия / авт. – сост. Н.Н. Непомнящий. М.: Вече, 2010.

Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции / Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. М.: Русский путь, 2006.

Хисамутдинов А.А. Русская Япония. М.: Вече, 2010.

Хисамутдинов А. А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010.

Чистякова Е.В. Контакты и связи России с народами Африки (до XIX века). Учеб. пособие. М.: Изд-во УДН, 1987.

Чистякова Е.В. Русские страницы Америки. М.: Изд-во РУДН, 1993.

Шмаглит Р.Г. Русская эмиграция за полтора столетия: Биограф. справочник. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2005.

Шишкин М. Русская Швейцария. М.: Вагриус, 2006.

Указатель имен

- Агрефений*, архимандрит из Смоленска 98
Ададуров В.Е., филолог, математик, писатель, переводчик 157,158
Айвазовский И.К., художник 228,229
Аксаков К.С., историк, лингвист, литературный критик 189
Александр I, император 159, 177,183, 186
Александр II, император 234, 237
Александр III, император 237, 284
Александра Федоровна, императрица, вдова Николая I 171
Алексей Михайлович, царь 56
Алексей Черкасский, князь 43
Амвросий, митрополит 200
Амфитеатров А.В., писатель, публицист 153
Анкудинов Т.Д., авантюрист 62
Анна Иоанновна, императрица 129
Анна Павловна, дочь Павла I 203
Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого 24—26
Антоний Римлянин, праведный муж 127
Артамонов Л.К., географ 279
Ашинов Н.И., есаул, руководитель русских колонистов в Африке 280, 281, 283
- Базили К.М.*, дипломат и писатель 229
Байков Ф.А., посол России в Китае 242
Бакунин М.А., революционер 161,174, 189, 196
Банищikov Василий, купец 264
Баранов А.А., первый главный правитель русских поселений в Америке 261
Баратынский Е.А., поэт 135, 151
Барбаросса Фридрих, германский император 31
Батый, хан 29
Башкирцева М.К., художница 167—170
Белинский В.Г., литературный критик 208
Белый (Бугаев) Андрей, поэт 153

Бениовский Мориц, авантюрист 105, 107
Бердяев Н.А., философ 153, 154
Беринг Витус, мореплаватель 91
Бичурин Н.Я. (см. о. Иакинф) 244, 246
Блаватская Е.П., писатель 257
Блок А.А., поэт 208
Болеслав, польский князь 33
Борис, князь 33
Бородин А.П., композитор 208
Боткин В.П., публицист, литературный критик и переводчик 209
Бронников Ф.А., художник 145–151
Бруни Ф.А., художник 135
Брюллов К.П., художник 135, 137, 142, 143, 144, 229
Булатович А.К., исследователь Африки 278
Бунин И.А., писатель 231
Бутлеров А.М., химик 164
Бутурлин Д.П., граф 131, 132

Вазов Иван, поэт 240
Валуа Рауль, французский граф 26
Ван Дейк А., фламандский живописец 208
Варсонофий, монах 98
Василий, торговый человек 99
Василий IV Шуйский, царь 63
Васильев В.П., глава русской духовной миссии в Пекине 246
Веневитинов Д.В., поэт 135
Венелин Ю.И., этнограф и филолог 229
Венюков М.И., географ, исследователь Африки 164
Верещагин В.В., художник 238, 256
Веригин Петр Васильевич, лидер духоборов 271
Вершинин Емельян, казак, ходивший в Китай 241
Виардо Полина, оперная певица 161
Вильгельм Оранский, принц, будущий король Нидерландов
Вильгельм II 204
Витовт, великий князь литовский 35
Вишневецкий Дмитрий, князь 43
Владимир Святославич, князь, Креститель Руси 29, 150

Волконская З.А., княгиня 134, 135
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А., поэт, художественный критик, художник 215
Вольтер, философ 171
Вольф Х., немецкий ученый 108, 111, 112, 117
Врангель Ф.П., барон, вице-адмирал, главный правитель Русской Америки 265
Врубель М.А., художник 178, 214, 215
Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого 24 *Всеволожский Н.С.*, историк и путешественник 229
Вяземский П.А., князь, поэт, литературный критик 229
Вячеслав Ярославич, сын Ярослава Мудрого 24

Габсбурги, династия австрийских императоров 200
Гаврила Черкасский, князь 43
Гагара Василий, купец из Казани 100
Гагарин И.С., князь 166
Гамалея Н.Ф., микробиолог 164
Ганц-Рус (настоящее имя Сезиомов Иван), русский житель Южной Африки, уроженец Нижнего Новгорода 273
Гарибальди Д., народный герой Италии 238
Гарольд, норвежский принц 24
Гаршин В.М., писатель 238
Гастингс Мария, родственница королевы Елизаветы английской 45

Генкель Й.Ф., горный инженер 111
Генрих I, король Франции 24
Герцен А.И., революционер 161, 163, 174, 196
Гете И.В., поэт 184
Глазунов А.К., композитор 213 *Глеб*, князь 33
Глинка М.И., композитор 137
Глинский В.М., князь 44 *Гоголь Н.В.*, писатель 137, 191, 229
Годунов Борис, царь 53, 176
Голиков Иван, купец 94
Голиков Михаил, купец 94
Голицын В.В., дипломат и государственный деятель 55
Голицын Михаил, князь 129

Головнин В.М., ученый-мореплаватель, вице-адмирал 218
Гончаров И.А., писатель 219, 273
Греч Николай, литератор 122
Грибоедов А.С., драматург 125
Григорович Б.И., ученый-славист 230
Григорович-Барский, студент Киевской академии 102
Григорьев (Гиреев) Михаил, казначей великого князя московского
Ивана III 100
Гриффе (?), петербургский медик 253
Гумилев Н.С., поэт 279 *Гурко И.В.*, генерал-фельдмаршал 235
Гутенберг Иоганн, первопечатник 47

Давыдов В.П., публицист 229
Даниил, игумен 27
Данте, поэт 128
Демидов Н.Н. (он же князь Сан-Дonato), уральский
промышленник 132
Демидов П.П., граф, племянник Н.Н. Демидова 134
Достоевский Ф.М., писатель 152, 171
Дохтуров Дмитрий, офицер, участник Русско-турецкой войны
1877–1878 гг. 236
Драгомиров М.И., военачальник и военный теоретик, генерал 235
Драницын Д.А., исследователь Африки 276
Дуйзинг Ю.Г., немецкий ученый 108
Дюк Степанович, герой былины 37
Дягилев С.П., театральный и художественный деятель 216

Екатерина II, императрица 96
Екатерина-Елизавета, дочь М.В. Ломоносова 117
Елена, княгиня Ольга после крещения 22
Елизавета I, королева английская 43
Елисеев А.В., путешественник 273
Ефимов Н.Е., архитектор 227

Жиковский В.А., поэт 135, 138, 149

Зинин Н.Н., химик 162

Золя Эмиль, писатель 166

о. Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич), глава русской церковной миссии в Китае, родоначальник российского китаеведения 242, 224

Иван, герой былины 35

Иван Ломоносов, сын М. В. Ломоносова 115

Иван III, великий князь московский 33

Иван IV (Грозный), царь 37, 41, 46, 54

Иванов А.А., художник 135, 148

Иванов Вячеслав, поэт 151

Игнатъев Андрей, священник 100

Игнатъев Н.П., граф, дипломат, русский посол в Стамбуле 233

Игорь, князь, правитель Руси 11, 18

Илофф, родоначальник бурской семьи 99

Иоанн, негус Эфиопии 278

Ираклий II, царь Грузии 101

Иясу II, император Эфиопии 102

Йозеф II, австрийский император 196

Казимир, польский князь 22

Канси, китайский император 241

Кант И., философ 182

Кантемир А.Д., русский посланник в Париже, поэт 156

Карамзин Н.М., писатель и историк 119, 136, 189

Каржавин Ф.В., философ, филолог, теоретик архитектуры, путешественник 156, 221

Карл II, испанский король 66

Касаткин И.Д. (см. Николай Японский)

Катков М.Н., публицист, издатель, переводчик 187

Качкашвили Манучар, поручик артиллерии (он же Качкачов Максим) 100, 101

Кизилов Петр, казак, ходивший в Китай, 239

Кипренский О.А., портретист 141, 143

Киреев Н.А., офицер (капитан), герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 234

Ковалевская С.В., математик 162

- Ковалевский Е.П.*, геолог 275
Ковалевский М.М., социолог и политолог 162
Коковцов Матвей, капитан-лейтенант 103
Комаров В.В., офицер, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 234
Константин Багрянородный, византийский император 20
Кореньо де Миранда Хуан, испанский художник 65
Коровин К.А., художник 213
Котошихин Г. К. (он же Иван-Александр Селицкий) чиновник 49–51
Кохановский А.И., врач 278
Кошелев А.И., публицист-славянофил 184
Кропоткин П.А., революционер 163, 174, 197
Крузенштерн И.Ф., мореплаватель 216, 218, 221, 222
Куракин Б.И., князь, русский посол во Франции 157
Курбский А.М., князь 39–42
Курманов Н.Н., руководитель географической экспедиции в Эфиопии 278
Куропаткин А.Н., ученый-исследователь Африки 274
Кусков И.А., комендант форта Росс 259
- Ламенне Ф.Р.*, французский публицист, религиозный философ, аббат 179
Лебедев Г.С., ученый-индолог, лингвист, музыкант 251, 252
Лебедева Ольга (Гюльнар Ханым), переводчица, востоковед 230, 231 Л
енин (Ульянов) В.И. политический деятель 173, 197
Леонтьев КН., писатель, публицист, философ 230
Леонтьев Максим (о. Максим), священник 243
Леонтьев Н.С., гвардейский поручик запаса, военный советник эфиопского императора 277
Лермонтов М.Ю., поэт 140, 180
Лисянский Ю.Ф., мореплаватель 107, 217
Ломоносов М.В., ученый 107, 110, 111, 114, 117
Лугинин В.Ф., химик 164
- Макарий*, иеромонах 102

Маковский К.Е., художник 238
Максимов Е.Я., подполковник, командир легиона волонтеров в Африке, фехтгенерал (боевой генерал) 280
Макшеев А.И., ученый-исследователь Африки 274
Малиновский А.Ф., писатель 251
Марат Ж.П., революционер и журналист 171
Марков А.Т., профессор Академии художеств 147
Маркс Карл, экономист 207
Матвеев А.С., ближний боярин, глава Посольского приказа, приближенный царя Алексея Михайловича 55
Мей Л. А., поэт и драматург 140
Менелик II, император Эфиопии 278
Местр Ж.М. де, граф, публицист, религиозный философ 131
Мечников И.И., биолог 164
Миклухо-Маклай Н.Н., путешественник 284
Михаил, тверской князь 35
Михаэлис Д.Д., аптекарь 117
Мопассан Ги де, писатель 169
Мор Томас, писатель 176
Мстиславец Петр, печатник 47, 48
Мундов Андрей, казак 241
Мунехин Мисюр (Михаил Григорьевич), московский дьяк 100
Муратов П.П., писатель 153
Мурильо Б.Э., испанский живописец 209
Мухаммед Али, египетский паша 276
Мыльников Григорий, казак-землепроходец 243
Мэйдзи, японский император 250

Набоков В.В., писатель 191, 197
Наполеон, император 159
Невруз Илмаз, публицист 234
Некрасов Игнат, предводитель Булавинского восстания 86
Никитин Афанасий, купец-путешественник 98, 250
Николай Александрович, наследник престола, будущий император Николай II 248
Николай I, император 136, 147
Николай II, император 248, 266

Николай Японский (в миру Касаткин Иван Дмитриевич), русский православный миссионер в Японии 247, 249

Никон, патриарх 28, 71

Огарев Н.П., поэт 140, 174

Олег, князь, правитель Руси 13

Ольга, княгиня, правительница Руси, 20, 22

Ордин-Нащокин А.Л., дипломат в царствование Алексея Михайловича 55, 67

Ордин-Нащокин В.А., сын А.Л. Ордина-Нащокина 55

Орлов Г.Г., граф, фаворит Екатерины II 190

Остроградский М., математик 164

Павел I, император 203

Паисий, архимандрит 280

Пастер Луи, микробиолог и химик 165

Петелин (Петлин) Иван, казак, возглавивший экспедицию в Китай 241 *Петр I, император* 70, 86, 91, 121, 201, 204, 272

Печерин В.С., философ, поэт 177, 179–181

Пикассо П., художник 216

Пирогов Н.И., русский хирург 235, 239

Плеханов Г.В., революционер 197

Погодин М.П., историк 137

Позняков Василий, купец 100

Поленов В.Д., художник 238

Полиевкт, византийский патриарх 22

Полубояринов Никифор, мичман российского флота 263

Порошин В.С., экономист 164

Потемкин Г.А., князь 104

Потемкин П.И., посол 67, 68

Пухов-Тетерин Т., боярин 43

Пушкин А.С., поэт и писатель 128, 135, 138, 140, 144, 177, 212, 231

Разин С.Т., донской казак 82– 85

Рафалович А.А., врач 229

Рафаэль, художник 128

Реверон Армандо, венесуэльский художник 268

Резанов Н.П., один из учредителей Российско-Американской компании 97

Репин И.Е., художник 27, 208, 215

Рерих Н.К., художник 258

Римский-Корсаков Н.А., композитор 208

Ришелье Арман Жан дю Плесси, французский кардинал 56

Розладин Петр, новгородец 45

Роман II, византийский император 22

Ростопчина Е.П., графиня 138, 139, 141

Ротчев А.Г., литератор 255

Ртищев Ф.М., приближенный царя Алексея Михайловича, глава ряда приказов 25

Рубенс П.П., художник 208

Рублев Андрей, иконописец 128

Руссо Ж.Ж., писатель 181

Рюмина Екатерина, основательница музея в Лозанне 195

Савин И.И., офицер в отставке 163

Садовников Д.Н., поэт 84

Салтыков АД., князь-путешественник 253, 254

Санчес Х.Ф., автор справочника 209

Сарохозин М., беглец в Литву 39

Сведомский А.А., художник 153

Сведомский П.А., художник, младший брат А.А. Сведомского 153

Свелленгребель Иоаханнес, москвич голландского происхождения

101

Святополк Окаянный, князь 33, 35

Святослав Игоревич, князь 18, 20

Святослав Ярославич, сын Ярослава Мудрого 24

Сезиомов Иван (см. Ганц-Рус) 273

Селейман I, турецкий султан 228

Селивестр, иеромонах 102 *Селим I*, турецкий султан 228

Селицкий И.-А. (см. Котошихин Г.К.) 49–51

Сенковский О.И., востоковед 229

Сервантес М., писатель 209

Сергеев Ф.А. (Артем), революционер, большевик 289

Серов В.А., художник 208

Сефи II, шах Ирана 82, 83
Сигизмунд-Август, польский король 40
Симеон, иеромонах 66
Скобелев М.Д., генерал 235
Снейдерс Ф., фламандский живописец 208
Солженицын А.И., писатель 197
Соловьев В.С., философ 164
Соловьев С.М., историк 164
Спафарий Н.Г., посол России в Китае 242
Столыпин П.А., государственный деятель 286
Стравинский И.Ф., композитор 197
Страхов Н.Н., литературный критик 171
Суворов А.В., полководец 190
Сумароков П.И., историк, публицист 204
Суриков В.И., художник 215
Суслова Надежда, первая в России женщина-врач 192
Суханов Арсений (в миру Антон), келарь Троице-Сергиева
монастыря 28
Суханов Василий, духовный писатель 101

Тенгоборский Л.В., экономист 164
Тетерин С., беглец в Литву 39
Толстой Л.Н., писатель 155, 220, 221
Толстой (Американец) Ф.И., граф, двоюродный дядя Л.Н.
Толстого 220, 222
Тон К.А., зодчий 137
Тотлебен Э.И., инженер-генерал 235
Тредиаковский В.К., поэт, филолог 155, 157
Трубецкой Н.И., князь 163
Трубецкой П.П. (Паоло), скульптор 153
Тургенев И.С., писатель 161, 166, 189
Тютчев Ф.И., поэт 140, 188

Ульянов В.И. (см. Ленин В.И.) 173, 197
Успенский Г.И., писатель 236
Устюжанинов (Уфстюжанов) Иван, помощник М. Бениовского

Фалькуччи Анна-Мария, жена О.А. Кипренского 145
Федоров Иван, печатник 46–48
Фердинандов Николай Алексеевич (Николас), художник 268
Филимонов И.Ф., купец 198
Филипп, сын французского короля Генриха I и Анны Ярославны, наследник престола, будущий король Филипп I 26
Филипп, духовный лидер старообрядцев 78
Филипп IV, испанский король 70
Франс Анатоль, писатель 168
Фридрих Вильгельм I, прусский король 186
Фриц, сын Петра Розладина 46
Фролова Е.П., хозяйка литературно-философского салона в Берлине 189
Фуников В., князь 44

Халецкий Казимир, польский землевладелец 74
Хлызнев-Колычев Б., дворянин 43

Цветкович, сербский командир, позорно покинувший поле боя 236
Цикулин Д.И., крестьянин-путешественник 252
Цильх Елизавета, будущая жена М. В. Ломоносова 114
Цильх Генрих, отец Елизаветы Цильх 114

Чаадаев П.Я., философ и публицист 179,185
Чайковский П.И., композитор 196,197
Чебышев П.Л., математик 164
Черняев М.Г., генерал 236
Чихачев Петр Александрович, географ 166
Чихачев Платон Александрович, младший брат Петра Александровича Чихачева, географ 266
Чулочников Алексей, помощник М. Бениовского 106

Шабалда (Шабын Дебей), сын иранского военачальника 85
Швейнфурт Георг, ученый-африканист 274, 277
Шекспир У., писатель 176
Шеллинг Ф.В., философ 184

Шереметев И.В., князь 44

Шиллер Ф., поэт и философ 181, 184

Шишкин М.П., писатель 193

Шольц-Рогозинский С.Л., ученый-африканист 275

Штраух А.А., ученый-исследователь Африки 274

Щедрин С. Ф., художник 137, 143, 144

Эбере, шведский комиссар 49

Эйхвальд Эдвард, палеонтолог, геолог, минералог, зоолог и ботаник 274

Эразм Роттердамский, гуманист 64

Юнкер В.В., исследователь Африки 275

Ярослав Мудрый, князь 24, 33

Указатель географических названий

Абиссиния (см. также Эфиопия), государство в Восточной Африке 102, 104, 277, 279

Австралия, Австралийский Союз 283, 286, 287

Австрия, государство в Центральной Европе 198, 200

Агра, город в Индии 257

Аденский залив, часть Аравийского моря Индийского океана 281

Аддис-Абеба, столица Эфиопии 278

Адьяр (Адьяр), город в Индии 258

Азербайджан, государство в восточной части Закавказья 82

Александрия, город в Египте 100

Алеутские острова, отделяют Берингово море от Тихого океана 89, 92, 222, 223, 261

Аллахабад, город в Индии 255

Алжир, государство в Северной Африке 105, 274

Альбион, древнее название Британских островов 174, 176

Альпы, горная система Западной Европы 190, 191

Аляска, штат США 94, 216, 223, 259, 261

Америка, часть света, объединяющая два материка – Северную Америку и Южную Америку 73, 88, 91, 94, 216, 223, 255, 260, 263, 266

Амстердам, столица Нидерландов 114

Анатолия, полуостров на западе Азии 234

Англия, часть Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии 45, 174, 176, 195, 216, 253, 255, 280

Андерматт, альпийский городок в Швейцарии 190

Анды, горная система Южной Америки 266

Анкоридж, город и порт в США на Аляске 262

Антверпен, город во фламандском регионе Бельгии 205, 207, 208

Аомынь (Макао), автономная территория в составе КНР 217

Апеннинский полуостров, в Италии 126, 131

Аргентина, государство в Южной Америке 266, 284

Астрабад (Астарабат), главный город одноименной Персидской (Иранской) области в 15 км от Астрабадского залива, летняя резиденция шаха 82

Астрахань, город в России 155

Атлантика, Атлантический океан 216, 271

Афон, Святая гора в Греции, одно из священных мест и очаг православной культуры 8, 28, 30, 230 *Африка*, второй по величине континент после Евразии 102

Ашреф (Ашраф), город в Персидской (Иранской) области Мазандеран, в 10 км от южного побережья Каспийского моря, к западу от Астрабада. Бывшая резиденция шаха Аббаса I 85

Бавария, земля на юге и юго-востоке ФРГ 184, 189

Бадего, залив в Северной Калифорнии 259

Баден-Баден, город на юго-западе Германии 188, 209

Бад-Эмс, курорт в Германии 188

Базель, город в Швейцарии 194 *Баку (Бака)*, город в области Ширван, принадлежавший в XVII в. Персии (Ирану) 82, 85

Бакэу, департамент в Румынии 79

Балканский полуостров (Балканы), расположен на юго-востоке Европы 18, 19, 73, 76, 236, 237

Балтика, Балтийское море, окраинное море в Евразии 13, 45, 218

Бандырма, город в Турции 87

Батошени, департамент в Румынии 79

Белая Криница, село в Австрии 200

Бельгия, государство в Северо-Западной Европе 201, 204–208, 276

Берег Маклая, участок побережья острова Новая Гвинея 284

Берлин, столица Германии 185, 189

Берн, город в Швейцарии 190, 194, 196

Болгария, государство в Юго-Восточной Европе 77, 78, 234, 235, 238–240

Боливия, государство в центральной части Южной Америки 272

Болонья, город в Италии 142

Бомбей, город в Индии 253, 258

Босния, исторический регион, составляющий большую часть Боснии и Герцеговины 235

Босфор, пролив между Европой и Малой Азией. Соединяет Черное и Мраморное моря 11, 14, 227–229

Бразилия, государство в Южной Америке 216, 263, 268, 271, 284

Брисбен, город на северо-востоке Австралии 288

Бризила, департамент в Румынии 79
Брюссель, столица Бельгии 204, 206, 207
Буковина, историческая область в Южном Прикарпатье 76
Булгар, одна из столиц Волжско-Камской Булгарии 18
Булгария Волжско-Камская, болгарское государство 18
Буэнос-Айрес, столица Аргентины 266

Валахия, княжество под турецким господством, историческая область Румынии 76

Вальядолид, город в Испании 68

Ватерлоо, деревня под Брюсселем, близ которой произошла битва при Ватерлоо 274

Веве, климатический курорт в Швейцарии 195

Веймар, город в земле Тюрингия в Германии 189

Великая Поднебесная империя (Китай) 217, 219, 241, 243, 244, 246

Великие американские озера, на территории США и Канады 265

Великий Новгород, город в России 31, 127

Великобритания, государство в Западной Европе 174, 176, 256, 261

Вена, столица Австрии 199

Венесуэла, государство на севере Южной Америки 268, 272

Венеция, город в Италии 127, 149, 153, 154

Вервье, город в Бельгии 207

Верея, город в Московской области 35

Верхняя Калифорния, испанская колония, образованная в 1804 г. 89, 98, 259

Вест-Индия, общее название островов Атлантического океана между материками Северная и Южная Америка 263

Ветка, поселение на р. Сож. В XVII в. входило в территорию Речи Посполитой (см.). Ныне город в Гомельской области Беларуси 74

Византийская империя, Византия 13, 16, 18–20, 22, 26, 29, 30, 232, 250
Виктория, регион в Австралии 286

Вильфранш, бухта 171

Виргинские острова, группа мелких островов в Вест-Индии 264

Висбаден, город в Германии, порт на Рейне 188

Висмар, город в Германии 31

Вифлеем, город в Палестине, к югу от Иерусалима 28

Волга, река в европейской части России 18, 72, 84, 85, 148

Вологда, город в России 62
Волхов, река в г. Великий Новгород 13
Восточный Судан, природная область в Африке 277
Вюртемберг, немецкое графство, герцогство, позднее (с 1805) королевство, сейчас часть земли Баден-Вюртемберг 184

Гаага, город в Нидерландах 114, 157
Гавайские острова, расположены в Тихом океане 216 *Гаити*, остров в Карибском море 263
Галац, департамент в Румынии 79
Галиция, историческое название части западноукраинских и польских земель 200 *Ганг*, река в Южной Азии 256
Ганновер, город в Германии 184
Гарц, горные рудники в Германии 115
Гент, город в Бельгии 207
Германия, государство в Центральной Европе 31, 110, 114, 122, 184, 186
Германская империя, название немецкого государства в 1871–1945 гг. 190 *Гессе*, город в Голландии 115
Гефсимания, местность у подножия западного склона Елеонской горы, в долине Кедрон, ныне в черте г. Иерусалима 28
Гибралтар, скала и песчаный перешеек на юге Пиренейского полуострова 210
Гилян, провинция Ирана 82
Гиркания, древняя область Ирана 82
Голландия (см. также Нидерланды), государство в Западной Европе 56, 64, 114, 157, 201
Голиштиния, русское название земли в Германии Шлезвиг-Гольштейна 63
Гомельская область, расположена на юго-востоке Беларуси 74
Гонконг, административный район КНР 219
Горн, мыс в Южной Америке 216, 265
Гренада (Гранада), название города и провинции в Испании 210
Грузия, государство в Передней Азии 82, 104
Гуаделупе, река в Мексике 267

Дальний Восток, регион, включающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию 89, 286

Дания, государство в Северной Европе 56, 216

Дармштадт, город в земле Гессен в Германии 189 *Дамаск*, столица Сирии 233

Дарджилинг, город в Индии 256

Дербент, город в Дагестане 82

Дерпт (Тарту), город в Эстонии 31

Джейпур, город в Индии 257

Джибути (Республика Джибути), государство на северо-востоке Африки 280 *Джуба*, река в Эфиопии 278

Джунгария, Джунгарская долина на северо-западе Китая 246

Днепр, река в Европе, протекает по территории России, Беларуси и Украины 11

Доброй Надежды мыс, расположен на Капском полуострове 101

Добруджа, историческая область в Европе, между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря 76, 79, 86

Дон, река в России 82, 85, 86

Дрезден, город в Германии 189

Дублин, столица Ирландии 182, 183

Дунай, река в Европе 19, 86

Европа, часть света 25, 30, 46, 53, 66, 68, 105, 112, 116, 121, 125, 152, 174, 181, 194, 198, 205, 212, 219, 238, 263, 281, 292

Египет, государство в северо-восточной части Африки 28, 100, 103, 275

Женева, город в Швейцарии 192, 194, 197, 209

Заандам (см. также Саардам), город в Нидерландах 201

Западная Австралия, штат в Австралии 286

Иерихон, старейший город мира; многократно упоминается в Библии; находится в Палестине 28

Иерусалим, столица Израиля 27, 28

Инд, река в Южной Азии 256

Индия, государство в Южной Азии 38, 73, 105, 250, 255, 256

Ипр, город в Бельгии 207
Иран (см. также Персия), государство на юго-западе Азии 82
Ирландия, государство в Западной Европе 182
Испания, государство на юго-западе Европы 68, 71, 208, 210, 212, 214, 215
Италия, государство на юге Европы 66, 122, 124, 126, 127, 131, 132, 138, 141, 142, 143, 144, 146, 149, 153, 158
Итиль, столица Хазарского каганата, город, находившийся выше современной Астрахани 18

Кавказ, регион на границе Европы и Азии 174
Кадис, город в Испании 210
Кадьяк, остров у побережья Аляски 94, 97
Казашко, село в Болгарии 78 *Каир*, столица Египта 99 —101, 122
Калифорния, штат США 94, 255, 260, 261, 269
Калмыцкое ханство, 246
Калькутта, город в Индии 251, 255
Камчатка, полуостров на территории России 107, 216
Канада, государство в Северной Америке 266, 270, 284
Каракас, столица Венесуэлы 268
Карлсруэ, город в Германии 189
Капа, первое европейское поселение на юге Африки 101, 104
Капская колония, голландская колония в Южной Африке 105, 274, 279
Карибы, острова в Карибском море 263, 264
Каспий, Каспийское море (см. также Хвалынь, Хвалынское море) 82, 84, 85
Кашимир, область на северо-западе полуострова Индостан 257
Квинсленд, штат в Австралии 286, 288
Кейптаун, город в ЮАР 101, 273, 280
Киев, столица Киевской Руси, сейчас столица Украины 14, 17, 19, 20, 25, 33, 157
Киевская губерния, 177
Киевское государство, средневековое государство в Восточной Европе 19
Кипр, остров в Средиземном море 28
Киреево, село в Болгарии 236

Китай, государство в Восточной Азии 73, 217, 219, 241, 244
Кларанс, деревня коммуны Монтрё в Швейцарии 197
Ковель (Каунас), город в Литве 41
Коктебель, поселок в Крыму 215
Коломна, город в Московской области 101
Колумбия, государство на северо-западе Южной Америки 253
Конго, государство в Африке, бывшая колония Бельгии 276
Константинополь, столица Византийской империи 13, 15, 17, 21, 28, 30, 101, 229, 232
Кордильеры, горная система в Северной и Южной Америке 266
Краков, город в Польше 25
Красное море, расположено между Аравийским полуостровом и Африкой 281
Кронштадт, военный порт под Санкт-Петербургом 216, 217
Крым, полуостров на юге Украины 284
Куба, островное государство в северной части Карибского моря 263
Кура, река в Закавказье 82
Куш (Майнос), озеро в Турции 87

Ладак (Ладакх), территория в восточной части Кашмира (Индия), близ границы с Китаем 257
Ладога, село (до 1703 г. город) в Ленинградской области 14
Лазурный Берег, берег Средиземного моря во Франции 167, 171
Латвия, государство в Северной Европе 31
Латинская Америка, наименование южноамериканских стран 267
Ла-Шо-де-Фон, городок в Швейцарии 196
Лейпциг, город в Германии 113
Ливийская пустыня, пустыня в Северной Африке 275
Ливония, область в низовьях рек Даугава и Гауя, территория современных Латвии и Эстонии 31
Лидс, город в Великобритании 175
Литва, государство в Европе 35, 39, 48, 73
Лифляндия, немецкое название Ливонии 31
Лозанна, город в Швейцарии 190, 192, 195
Лондон, столица Великобритании 175, 176
Лонжюмо, местечко под Парижем 173

- Луисбург*, поселение-порт на Мадагаскаре 105
Льеж, город в Бельгии 207
Любек, город в Германии 31
Любеч, поселок в Украине 14
Людсвигслуст, город в Германии 189
- Маврикий*, остров в западной части Индийского океана 107
Магриб, регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко 102
- Мадагаскар*, остров в Индийском океане 105, 107
Мадейра, остров в Атлантическом океане 219
Мадрас, город в Индии (с 1996 г. Ченнай) 258
Мадрид, столица Испании 67, 70 210, 213, 216
Мазандеран, провинция в Иране 82
Майан-Кааль, полуостров на берегу Каспийского моря 83
Майнос (Куш), озеро в Турции 87
Макао (Аомынь), автономная территория в составе КНР 217
Малая Азия, полуостров на западе Азии 293
Малая Преслава (Переславец) город на Дунае 19
Манчестер, город в Англии 175
Манциана, пригород Рима 143
Марбург, город в земле Гессен в Германии 107, 108, 111, 114
Маркизские острова, архипелаг в Тихом океане 216
Марокко, государство на северо-западе Африки 210, 213
Мартиника, остров в Карибском море 263
Мацумаэ, японское княжество 247
Мекленбург, регион в Германии 184
Мексика (см. также Новая Испания), государство в Северной Америке 259, 263, 267
Мельбурн, город в Австралии 283
Милан, город в Италии 142, 154
Мисьонес, северная провинция в Аргентине 266
Мичиган, штат в США 269
Молдавия, Молдова, государство на юго-востоке Европы 62
Монголия, государство в Восточно-Центральной Азии 73, 241
Моне, город в Бельгии 207
Монтрё, город в Швейцарии 107

Москва, столица России 35, 41, 46, 51, 57, 58, 231
Московия, средневековое русское государство 30, 46, 51, 60, 64, 66, 68, 242
Московская, русская станица (поселение) в Африке 279, 283
Московское государство, одно из названий Российского государства до XVII в. 49, 72, 88
Мраморное море, море Атлантического океана 87
Мюнхен, город в Германии 189

Нарва, город в Эстонии 51
Наухайм, коммуна в Германии 188
Неаполитанский залив, часть Тирренского моря, на западном побережье Италии 144, 151
Неаполь, город в Италии 128, 142, 144, 151, 153
Нева, река в России 13, 208
Нидерланды (см. также Голландия), государство в Западной Европе 114, 201, 203
Нижний Новгород, город в России 273
Низабад, населенный пункт в Иране 82
Нил, река в Африке 100, 101
Нимзугене, город в Голландии 115
Ницца, город и порт во Франции 167, 170, 171
Новая Гвинея, остров в Тихом океане 284
Новая Зеландия, государство в юго-западной части Тихого океана 266, 289
Новая Испания (Мексика), испанская колония в Северной Америке в 1535–1821 гг. 259
Новгород (Великий Новгород), город в России 14, 17, 31, 127
Новоархангельск (позднее Ситка), город на Аляске 260, 261
Новый Иерусалим, Новоиерусалимский монастырь в Московской области 28
Новый Свет (Америка), название Америки 89, 91, 97, 261, 261, 263, 269
Новый Южный Уэльс, штат в Австралии 286
Нью-Джерси, штат в США 269
Нью-Йорк, город в США 258
Нэводарь, город в Румынии 81

Няму, департамент в Румынии 79

Ока, река в России 99, 101

Орловская губерния, существовала в 1796–1928 гг. 273

Османская империя, государство, существовавшее в 1299–1923 гг. 73, 76, 87, 227, 231

Остенде, порт в Бельгии 207

Палестина, область на Ближнем Востоке 26

Пампа, природная область на востоке Аргентины, напоминающая травянистой растительностью степь 263

Парагвай, государство в Южной Америке 267, 272

Париж, столица Франции 149, 155, 157–159, 164, 165, 167, 171, 173, 209, 281

Парма, город в Италии 142

Пасхи, остров в Тихом океане, территория Чили 216

Патм, остров в Эгейском море 28

Пекин, столица КНР 241, 244

Пенсильвания, штат в США 269

Переяславец, город на Дунае 19

Переяславль, город в Древней Руси 17

Персия (см. также Иран), государство на юго-западе Азии 82

Перу, государство в Южной Америке 266, 268

Петропавловский порт, город и порт в России 223

Пиренеи, горная система во Франции, Испании и Андорре 71

Поднебесная, *Китай*, государство в Восточной Азии 73, 217, 219, 241

Польско-Литовское государство, 1569–1795 гг., государство на востоке Европы 75

Польша, государство в Центральной Европе 33, 49, 51, 56, 62, 73

Португалия, государство в Западной Европе 217

Потсдам, город в Германии 185–188 *Прага*, столица Чехии 25

Пруссия, историческое название районов в Восточной и Центральной Европе 51, 73, 184, 186

Пуэрто-Рико, остров в Карибском море 263

Раковицы, село в Болгарии 236

Ревель (Таллин), столица Эстонии 31
Регенсбург, город в Германии 25
Реймс, город во Франции 25
Ремплин, коммуна в Германии 189
Речь Посполитая, название объединенного (с 1569) Польско-Литовского государства 61, 200
Рига, столица Латвии 31, 276
Рим, столица Италии 127, 128, 134, 135, 137, 142, 145, 150, 154
Рио-де-Жанейро, река в Бразилии 263
Росс, селение в Америке 255, 259, 260, 265
Россия, государство в Восточной Европе и Северной Азии 5, 7, 10, 30, 36, 39, 41, 42, 45, 170, 172, 174, 176, 179, 181, 184, 185, 188, 190, 192, 193, 194, 197, 198–200, 203, 205, 206, 209, 210, 212, 216, 218, 222, 228, 229, 231, 232–238, 240, 245, 247, 251, 258, 262, 266, 269, 288, 292
Росток, город в Германии 31
Роттердам, город в Нидерландах 114
Румелия, европейская часть Турции 232
Румыния, государство на юго-востоке Европы 76, 79, 81, 82
Русь, историческое название земель восточных славян 9, 15, 18, 20, 24, 26, 29, 30, 33–36, 38, 128
Рю-Негро, департамент в Уругвае 268

Саардам (см. также Заандам) 200
Саксония, государство, существовавшее в 1806–1918 гг. на территории современной Германии 111, 184
Санкт-Петербург, город в России 59, 83, 104, 118, 146, 177, 281
Сан-Ремо, город в Италии 153 *Сан-Франциско*, город в штате Калифорния, США 259
Сан-Хавьер, департамент в Уругвае 268
Саскачеван, провинция в Канаде 270
Свиной остров, в Каспийском море 85
Святая гора (см. также Афон) полуостров в Восточной Греции 29, 30
Святая земля, часть территории современного Израиля 28
Себастьян, местечко на берегу р. Рио-де-Жанейро 263
Северный Кавказ, регион в Восточной Европе 233, 293
Северная Америка, материк 262, 263, 266, 269

Северная Африка, территория, на которой находятся государства Африки 101, 102, 276

Севилья, город в Испании 210 *Сена*, река во Франции 160

Сен-Томас, остров в Карибском море 263

Сербия, государство в Юго-Восточной Европе 62, 235

Серпухов, город в России 102

Сибирь, регион в северо-восточной части Евразии 72, 89, 222, 286

Сидней, город в Австралии 282

Силезия, историческая область в Центральной Европе 51

Синай, Синайский полуостров в Египте 98, 100, 102

Сингапур, город-государство в Юго-Восточной Азии 219

Синин, город в Китае 242

Сирия, государство на Ближнем Востоке 233

Ситка (ранее Новоархангельск), город в США (Аляска) 262

Ситха, остров вблизи канадского берега 223

Смоленск, город в России 14, 98, 247

Сорренто, город в Италии 148 *София*, столица Болгарии 240, 244

Средиземноморье, исторический регион 122, 209

Стамбул, город в Турции 63, 229, 231, 232, 235 *Старая Русса*, город в России 14

Стокгольм, столица Швеции 51

Страна восходящего солнца, Япония, государство в Восточной Азии 73, 217, 219, 246, 248, 250

Судан, государство в Северо-Восточной Африке 102, 275, 277

Сучава, департамент в Румынии 79

США, государство в Северной Америке 88, 158, 260, 262, 266, 269, 270, 284, 292

Таджурский залив, у восточных берегов Африки 280, 283

Такуз, населенный пункт в Иране 82

Танжер, портовый город в Марокко 210 *Тасмания*, штат в Австралии 286

Татарица, село в Болгарии 78

Тбилиси, столица Грузии 104

Тихий океан, самый большой океан на Земле 88, 97, 218, 259

Токай, винодельческий регион в Венгрии и Словакии 199

Токио, столица Японии 247, 250 *Томск*, город в России 241

Тосканское герцогство, государство, существовавшее в Италии в 1569–1859 гг. 132

Травемюнд, город в Германии 184

Трансильвания, историческая область на северо-западе Румынии 62

Трес Капанес, поселок в Аргентине, в северной провинции Мисьонес, 266

Тулча, департамент в Румынии, 79

Тунис, государство на средиземноморском побережье Северной Африки 105, 275

Турин, город в Италии 129, 135

Туркмения, государство в Центральной Азии 82

Турция, государство в Юго-Восточной Азии и частично в Южной Европе 62, 73, 74, 76, 86, 88, 103, 104, 227, 229, 230, 232, 234, 236, 292

Украина, государство в Восточной Европе 77, 103, 167, 170

Уналашка, населенный пункт на Аляске 262

Урал, географический район в России и Казахстане 132, 145, 174

Уругвай, государство в юго-восточной части Южной Америки 268, 272

Фарабат, населенный пункт в Иране 82

Филиппины, государство в Юго-Восточной Азии 219

Флоренция, город в Италии 128, 129, 131, 132, 138, 142, 145, 152

Франция, государство в Западной Европе 25, 26, 56, 122, 157, 158, 160, 162, 164, 166, 170, 173, 195, 281

Французская Ривьера, французо-итальянское побережье Лигурийского моря 171

Фрейберг, университетский город в Германии 111, 112, 114

Фэрбенкс, населенный пункт на Аляске 262

Хазарский каганат, средневековое государство в 650–969 гг. 18

Хакодате, порт на острове Хоккайдо 247

Хвалынь, Хвалынское море, древнее название Каспийского моря 82

Хоккайдо, остров в Японии 246

Царское Село, город в России 186
Царьград (см. также Константинополь, Стамбул), славянское название 13, 15, 16, 20, 22, 28, 29, 101, 232
Центральная Америка, регион, расположенный между Северной и Южной Америкой 263
Центральная Африка, географическая область 276
Цюрих, город в Швейцарии 194, 197

Чако, провинция в Парагвае 268
Чернигов, город в Украине 17, 37
Черное море, внутреннее море бассейна Атлантического океана 14, 19
Чили, государство на юго-западе Южной Америки 266, 268, 272
Чугуев, город в Украине 215

Шаберан, населенный пункт в Иране 82
Шадринск, город в России 145, 150
Швейцария, государство в Западной Европе 122, 174, 190, 192, 194, 196, 207
Швеция, государство в Северной Европе 45, 49, 51, 62, 73
Штральзунд, город в Германии 31
Штутгарт, город в Германии 189

Эквадор, государство на северо-западе Южной Америки 266, 268
Эльдорадо, мифическая страна золота и драгоценных камней 255
Эско, река во Франции, Бельгии и Нидерландах 208
Эстония, государство в Европе 32
Эфес, древний город на западном побережье Малой Азии 28
Эфиопия, государство в Восточной Африке 102, 104, 277, 280
Южная Австралия, штат в Австралии 85
Южная Азия, регион Азии 253
Южная Америка, южный континент в Америке 105, 263, 266, 269
Южная Африка, регион, занимающий южную часть Африканского континента 101, 217, 273
Южное полушарие, часть Земли к югу от экватора
Южно-Китайское море, у берегов Юго-Восточной Азии 217

Ява, остров в Индонезии 219

Япония, государство в Восточной Азии 73, 217, 219, 246, 248,250

Яссы, город в Румынии 79